

141
МИХАИЛ БОЙКОВ

РУДА
МАЙОВА
БРОМОВА

БУЭНОС АЙРЕС — 1956

Михаил Бойков

Рука майора Громова

Роман

Буэнос Айрес

1 9 5 6

Miguel Boykov

Mano del Mayor Gromov

NOVELA

Buenos Aires

1 9 5 6

МИХАИЛ БОЙКОВ

РУКА
МАЙОРА ГРОМОВА

РОМАН

НАША СТРАНА

БУЭНОС АЙРЕС — 1956

ОТ АВТОРА: Основой этого романа мною взяты
действительные события, произошедшие в одном из го-
родов Сев. Кавказа, во времена ежовской чистки там.

Copyright by author

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Ключ заскрипел в замке и в щель приоткрытой двери тюремной камеры просунулась голова надзирателя. Мутными, оловянного цвета глазами он пошарил по трем десяткам людей, стиснутых грязно-серыми стенами в плотную толпу и спросил хриплым шепотом:

— Кто на Хы?

Вопрос был задан по всем правилам тюремной традиции, установленной еще в первые годы советской власти. Теорией предполагалось, что эта традиция должна способствовать сохранению конспирации в тюрьме, но на практике она быстро выродилась в нелепость. Разговаривая шепотом и вызывая из камер заключенных не по фамилиям, а по первым буквам их фамилий, надзиратели не могли скрыть от них никаких внутритюремных тайн. Кроме перестукивания по стенам, существовало достаточно и других средств связи между камерами и любое происшествие в тюрьме сразу становилось известным всем заключенным.

В переполненной людьми камере нашелся только один обладатель фамилии, начинающейся с буквы Х.

— Холмин! — крикнул он в ответ на вопрос надзирателя.

— Ш-ш-ш! Говори ш-шепотом! — зашипел тот и, помедлив секунду, приказал:

— Давай выходи!

— Куда? На допрос? — спросил назвавшийся Холминным.

Надзиратель ухмыльнулся.

— А куда же еще? Не на танцульку... Да-вай!

Холмин зябко поежился. Ему сразу стало холодно в камере, нагретой дыханием людей и испарениями их тел. Вечерний вызов на допрос ничего хорошего не предвещал. Очень часто почные допросы сопровождались, так называемым «катаньем на конвейере», т. е. пытками.

Ежась и вздрагивая, Холмин протискался к двери. Среди камерных сидельцев у него были друзья. Они провожали его на допрос сочувственными и ободряющими возгласами:

— Держись, Александр!

— Шура! Главное, — не раздражай следователя.

— Скорого возвращения обратно, дружище!

Уже у самой двери его ухватил за рукав один из уголовников, содержащихся в камере вместе с политическими заключенными и зашептал торопливо и умоляюще:

— Слушай, корешок! Может, ты там по-встречаешь Дуську-буфетчицу, так передай ей, чтоб с гепеушниками не путалась. Так и ска-

жи, что Митька Свишун путаться с лягавыми воспрещает. Нето я на волю сорвусь и ее первом пришью.*)

Холмин пожал плечами.

-- Где же я ее встречу, твою Дуську? Ведь не в буфет закусывать иду.

-- Ну, может, где-нибудь случаем, — продолжал просить урка. **)

— Отскочь ты, шпана, — оборвал его надзиратель. — Правил внутреннего распорядка не знаешь? Всякая связь заключенных с волей запрещена. В карцер захотел?

Урка, втиснув голову в плечи, ужом вполз в гущу скученных арестантских тел. Тюремщик погрозил ему вслед кулаком и повернулся к Холмину.

— Чего стал? Отдыхаешь? Давай выходи!

Заключенный медлил. Итти на ночной допрос с очень возможным «конвойерным катанием» никак не хотелось. Тогда тюремщик, схватив его цепкой узловатой лапой за руку выше локтя, с натугой рванул к себе, и заключенный был выдернут из камеры в коридор, как большой зуб клещами дантиста.

Дальше повторилось то, что бывало с Александром Холминистом уже неоднократно и надоело ему нестерпимо. Надзиратель темными и сырыми коридорами вывел его во двор тюрьмы и сдал двум конвоирам. Те быстро обыскали заключенного, посадили его в «воронок»***) и

*) Ножем зарежу.

**) У головник.

***) Тюремный автомобиль с цельнометаллическим кузовом.

заперли на ключ. Несколько минут автомобильной скачки по кочковатой дороге, и Холмин очутился во дворе городского отдела НКВД.

С трех сторон высались хорошо знакомые Холмину серые четырехметровые стены, а прямо перед ним — не менее знакомое двухэтажное здание с решетчатыми окнами, из которых несколько было прикрыто деревянными козырьками. По ту сторону козырьков Холмину пришлось побывать несколько раз. Там, в специально оборудованных пыточных комнатах, его «катали на конвейере».

Очень хорошо был знаком Холмину и кабинет следователя, к обитой толстым войлоком двери которого двое конвоиров подвели вызванного на допрос. Один из них нажал на кнопку звонка возле замочной скважины и, через несколько минут, дверь открылась. Конвоиры втолкнули Холмина в нее и он огляделся вокруг.

С ночи его последнего допроса, около месяца тому назад, здесь почти ничего не изменилось. Тот же стол следователя с кожаным креслом и двумя стульями — справа и слева. Тот же стул для подследственных у двери, вделанный ножками в пол, и та же, истоптанная ногами до дыр, толстая ковровая дорожка. На столе высятся привычной зеленой стопкой папки со следственными «делами», а над ним — два традиционных портрета: ухмыляющегося в свою трубку Сталина и угрюмо наступившего Ежова. Все, как обычно, на своих местах, все без изменений. Только на давно небеленных стенах да старом продавленном диване прибавилось несколько свежих пятен запекшейся крови.

Видимо, за прошедший месяц, здесь не раз допрашивали подследственных «методами физического воздействия».

За столом в кресле сидел, однако, не следователь, а какой-то важный чин из руководителей отдела НКВД. Несколько менее важный чин занимал стул слева от него. Следователь, ведший «дело» Холмина, стоял перед ними на вытяжку.

К своему следователю, туповатому пареньку из комсомольских активистов, Холмин пргляделся более, чем достаточно, но физиономии сидящих за столом видел впервые и они его заинтересовали. У энкаведиста в кресле было выхоленное, но очень грубое лицо с расплывчатыми чертами: широкий расплющенный нос, плоские, оттянутые к ушам скулы, большой узкогубый рот, вдавленный внутрь подбородок и низкий покатый лоб под шапкой черных с пропсадью, курчавых волос. При взгляде на это лицо невольно казалось, будто чья-то могучая ладонь, когда-то, с размаху шлепнула по нему и оно так и застыло навсегда: черты лица исключительно резко подчеркивали татарское происхождение их обладателя.

В отличие от него, физиономия энкаведиста на стуле была как-то странно и неестественно сужена. Длинный и острый нос и губы, сложенные как для поцелуя, над еле заметным крохотным подбородком, выпирали вперед: от носа и губ во все стороны расходились крупные глубокие морщины. И это лицо вызывало невольную мысль об огромной ладони, взявшей его в горсть и с силой потянувшей. Первому из этих странных на вид субъектов было приблизитель-

но лет сорок пять; второй казался значительно старше.

С физиономией энкаведистов Холмин перевел взгляд на их воротники и сразу ощутил нечто похожее на падение души в пятки. Знаки различия на малиновых петлицах воротников ничего хорошего ему не предвещали. У человека в кресле они были майорские, а у его соседа — капитанские.

Несколько минут энкаведисты молча рассматривали Холмина внимательными изучающими взглядами, затем майор, мотнув на него уродливым вдавленным подбородком, коротко спросил следователя:

— Этот?

— Он самый, товарищ начальник отдела, — ответил следователь, вытягиваясь еще больше.

Холмин почувствовал, что его душа приближается к пяткам вплотную.

«Если сам начальник городского отдела НКВД заинтересовался мною, то, повидимому, из меня хотят сделать какого-то важного государственного преступника. Без нового катанья на конвейере не обойдется», — с содроганием подумал он.

Осмотрев его вдоль и поперек, майор приказал следователю:

— Вы пока свободны, гражданин следователь. Так что — идите спать. А этим подследственным мы сами займемся.

Душа Холмина ушла куда-то ниже пяток. На языке энкаведистов слово «заняться» означало применить к подследственному «методы физического воздействия», т. е. пытать его.

— Прислать к вам теломеханика, товарищ начальник? — спросил майора следователь.

Падать душе Холмина дальше было уже некуда. Она только тряслась мелкой дрожью, где-то значительно ниже пяток. Теломеханиками в НКВД называют, как известно, мастеров пыточных дел.

— Нет. Теломеханика пока что не нужно, — ответил на вопрос следователя начальник отдела НКВД.

Душа Холмина несколько приподнялась над пятками. «Катанье на каннейере», потя, может быть, и временно, но все таки откладывалось.

Следователь поклонился начальству и ушел. Начальник отдела вынул из ящика стола объемистую зеленую папку и, перелистывая ее, обратился к Холмину:

— Это ваше следственное дело. Я ознакомился с ним. Вам достаточно известно, за что вы арестованы?

— Да, — коротко ответил Холмин.

— За что?

— Мне удалось раскрыть преступление. Ряд убийств, виновником которых оказался сотрудник ГПУ. Вместо убийцы арестовали меня.

— Так. Сколько времени вы находитесь под следствием?

— Год без малого.

— Это не первый ваш арест. Вы уже загорали во узилище, — резким фальцетом вставил энкаведист, сидевший на стуле.

— Да. Впервые я был арестован около трех лет тому назад, — подтвердил Холмин.

— По какому делу? — спросил майор.

— Почти аналогичному теперешнему. Расследовал одно убийство. Выяснилось, что убийцами были чекисты.

— Долго вы тогда просидели в тюрьме?

— Четыре месяца.

— На сей раз имеете шанс менять червонец*), поелику сыпанулись**) дважды, — угрожающе заметил капитан.

— Совать нос в наши дела без нашего разрешения, никому не рекомендуется, — добавил майор.

Его речь странно дисгармонировала с крикливым фальцетом и выражениями капитана. Последний, в произносимые им фразы, вставлял множество старинных русских и новейших жаргонных слов. Получалась причудливая смесь «славянского с советским». Майор говорил по-русски правильно, хотя и с очень заметным акцентом, советским жаргоном пользовался сравнительно редко, но его басистый глухой голос звучал, как из бочки.

Задав еще несколько вопросов Холмину о его следственном деле, майор спросил:

— Вы знаете, кто я?

— Слыхал, — ответил Холмин. — Вы начальник городского отдела НКВД майор Бадмавев.

Энкаведист утвердительно кивнул своим вдавленным подбородком, а затем указал им на обладателя вытянутой физиономии и крикливо-го фальцета:

*) Получить десять лет заключения.

**) Сыпанулся — попался, сел в тюрьму.

— А это мой заместитель, капитан Шелудяк. Будьте знакомы.

Вытянутая физиономия принужденно осклабилась. Холмин тоже попытался улыбнуться, но безуспешно.

— Так вот, — продолжал Бадмаев, обращаясь к нему, — мы решили позволить вам еще раз сунуть нос в наши дела. Недавно, при загадочных обстоятельствах, были убиты два сотрудника городского отдела НКВД. Убийца или убийцы не обнаружены. Согласны вы взяться за расследование?

ГЛАВА 2

КРИМИНАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ХОЛМИНА

Услышав предложение майора Бадмаева, Холмин, на несколько мгновений, потерял дар речи. Оправившись от изумления, он произнес нерешительно и запинаясь:

— Такие вещи нельзя решать сразу, гражданин начальник отдела. Мне нужно подумать.

— А нам нужно сразу, — возразил Бадмаев. — Думать некогда. Дело очень серьезное.

Капитан Шелудяк фальцетом поддержал его:

— Вопрос воздвигнут ребром, подследственный Холмин. Наипаче, что ожидаются еще новые мокрые дела....*)

*) Убийства.

Александру Холмину никак не хотелось помогать энкаведистам, видимо попавшим в очень затруднительное положение, но сказать об этом им — властителям и распорядителям его тюремного бытия — он не решался. В любой момент любого подследственного они могли послать на «конвейер». Поэтому он молчал, тщетно подыскивая слова для возражений энкаведистам.

Бадмаев взглянул на золотой браслет часов и сказал:

— Хорошо. Я даю вам на размышления десять минут. Думайте...

Минуты уходили одна за другой. Холмин думал, но ничего подходящего придумать не мог.

Майор снова взглянул на часы, потом на подследственного.

— Ну? Подумали?

— Дондеже думать можно?! — возмущенно взвизгнул Шелудяк.

Холмин решился.

— Можно говорить откровенно, гражданин майор? — спросил он.

Бадмаев утвердительно мотнул подбородком.

— Говорите.

— Вот что, граждане, — начал Холмин. — После двух арестов, сидения в тюрьмах и катанья на конвейере у меня нет никакого желания пугаться в ваши дела и расследовать ваши убийства...

— Наши?! — фальцетно воскликнул Шелудяк. — Сие есть лжа мерзопакостная. Трепня в общем и целом. Вороги лютые прищипывают

нас из-за угла, а вы сказываете такое непотребство. Стыдитесь, гражданин подследственный!

— Прошу извинения, — поторопился успокоить его Холмин. — Я не совсем точно выражаясь. Не ваши, а вас. То-есть, убийства, жертвами которых становитесь вы, энкаведисты. Говоря коротко, я не хочу больше распутывать никакие уголовные дела. С меня хватит двух арестов. Ищите себе других детективов.

— Не хочешь?!

Бадмаев с такой силой стукнул кулаком по столу, что капитан Шелудяк очень тоненько и довольно продолжительно икнул.

— Не хочешь?! Заставим!

Подследственный вздрогнул и побледнел, но решил сопротивляться до последней возможности. Стارаясь говорить спокойно, он начал доказывать энкаведистам невыполнимость их требований:

— Заставить меня вы, конечно, можете, но какая от этого будет польза? Ведь работать над раскрытием преступления, это совсем не то, что давать вымышленные показания на допросе по требованию следователя НКВД.

Шелудяк, подскочив на стуле, раскрыл было рот для возражений, но Бадмаев кивком подбородка остановил его и прогудел басом в сторону Холмина:

— Продолжайте!

— В расследовании действительно совершенных преступлений, — продолжал Холмин, — нет места фантазии, вымыслу и вранью делающего карьеру следователя. Есть только факты, которые нужно найти, собрать и обду-

мать. Впрочем, все это вам должно быть известно.

Начальник отдела утвердительно кивнул подбородком. Его заместитель пожал плечами с видом скучающего слушателя.

— У вас дело поставлено несколько иначе, — говорил Холмин, стараясь подбирать слова, наиболее убедительные. — Вы применяете к подозреваемым методы физического воздействия. Я против этого. У меня есть своя криминальная теория и свои методы.

— Какие? — потянулся к нему подбородком Бадмаев.

— Мне бы не хотелось распространяться об этом, — замялся подследственный.

— Почему?

— Боюсь.

— Чего?

— Довеска к приговору. Мне совсем неинтересно получить дополнительно несколько лет заключения.

— Никакого довеска не будет. — пробормотал Бадмаев. — Да, вы садитесь. Так нам удобнее будет беседовать.

— А могу ли я вам верить вообще? — спросил Холмин, садясь.

— Можете.

— Хорошо. Я вам скажу. Тем более, что приговора по моему делу пока еще нет и я не знаю, к чему буду приговорен.

— Говорите!

— Моя теория — вернее нечто подобное ей — очень проста и, может быть, объяснена в нескольких словах. Преступный мир в Советском Союзе измельчал, в результате того, что те-

перь нет стимула для крупных преступлений. Во-первых, за преступления введены слишком строгие наказания, во-вторых, при малейшем подозрении, человека арестовывают и пытают и, в-третьих, преступник не может извлечь из преступления почти никаких выгод. Что он купит, например, на награбленные деньги? Дом, автомобиль, драгоценности? Такие вещи у нас не продаются. Если же он станет сорить деньгами, то на него сейчас же донесут.

— Сие вполне умственно и полезительно, — вставил Шелудяк. — Внутренний надзор на все сто процентов надлежит быть.

— Имеется единственная категория населения, могущая получать выгоды от преступлений, при сравнительной их безнаказанности, — продолжал Холмин. — Эта категория — работники НКВД. Поэтому, почти в каждом крупном преступлении, я ищу энкаведиста.

Бадмаев от удивления разинул рот, а Шелудяк прензительно завизжал:

— Контрреволюция! Сиречь вражеская вылазка! За такие теории тебя надо в тюрьме держать, дондеже не посингешь.

Начальник отдела замотал подбородком.

— Действительно. На воле, за подобную теорию вас бы моментально в тюрьму посадили. Теорийка гниловатая.

Холмин поспешно подхватил их слова.

— Вот видите, гражданин начальник и вы — гражданин капитан. Ни моя теория, ни я сам для вас не подходим. Поэтому очень прошу: отпустите меня обратно в камеру.

Уродливый подбородок качнулся вправо и влево.

— Нет. Мне на вашу теорию наплевать. Нам от вас практика нужна. Вы должны взяться за расследование этих двух преступлений.

— Но, гражданин начальник. Почему именно я? Ведь есть же у вас специалисты по уголовным преступлениям, есть милиция, уголовный розыск...

Начальник отдела и его заместитель переглянулись. Подбородок снова закачался.

— Использовать Угро в этом случае мы не можем.

— Ни в каком разе, — подтвердил Шелудяк.

— Почему?

— По особым причинам, объяснить которые я вам не буду, — ответил Бадмаев.

— Ну, а я не могу работать по принуждению! — воскликнул Холмин. — Раскрытие уголовного преступления — это свободное творчество. Нужно заинтересоваться делом, войти в него всеми мыслями, гореть им. Только тогда будет успех. Иначе...

— Вот вы и войдете в дело и загоритесь им, — перебил его Бадмаев.

— Но поймите, гражданин начальник, что насильно это невозможно.

Бадмаев опять стукнул кулаком по столу и Шелудяк опять подскочил на стуле.

— Хватит, молодой человек! — крикнул Бадмаев. — Мне надоело с вами спорить. Ни на одного подследственного я никогда не тратил столько слов. Давайте договоримся так: или вы возьметесь за расследование убийств, или я прикажу, сегодня же ночью расстрелять вас без суда.

— Именно. Без всяких сожалений и послаблений. К ногтю — и никаких гвоздей, — подтвердил Шелудяк, стараясь сделать страшную физиономию, что удалось ему довольно плохо.

Холодный пот выступил на лбу Холмина и колени его задрожали. Он беспомощно развел руками.

— Тогда я принужден... сдаться. Хорошо. Я возьмусь за это дело. Буду работать, как смогу, но за успех не ручаюсь.

Угрюмое плоское лицо начальника отдела немного повеселело.

— Давно бы так, — сказал он. — Я был уверен, что мы договоримся. Только, молодой человек, работайте без саботажа или...

— К ногтю, — закончил его мысль Шелудяк.

— Да уж постараюсь без саботажа. Не хочется мне попробовать ваш «ноготь», — вздохнул подневольный детектив.

ГЛАВА 3.

ЗАПИСКИ, БОЛЕЕ ЧЕМ СТРАННЫЕ

— В чем заключается криминальное расследование, которое вы мне навязали столь насищенным образом? — спросил Холмин начальника отдела НКВД.

— Пока в немногом. Всего лишь в двух записках, более чем странных. Остальное будет зависеть от вас, — ответил Бадмаев.

Он сунул папку с «делом» Холмина в ящик стола и вынул оттуда другую, такую же зеленую, но значительно тоньше.

— Вот все, что мы имеем по этому делу, — сказал он, раскрывая ее.

— По делу весьма хреновому, сиречь каверзному, — в тон ему тонким эхом откликнулся капитан Шелудяк.

В папке лежали два небольших листка бумаги не совсем белого, а скорее сероватого цвета. Один из них начальник отдела протянул Холмину.

— Прочтите!

На листке бумаги чернильным карандашем были написаны три строчки:

«Убийцы майора Громова

будут убиты
рукой майора Громова»

Никакой подписи под этой странной фразой не было.

— Это бессмыслица! — воскликнул Холмин, прочтя ее.

— Явственная, — добавил Шелудяк.

Бадмаев пожал плечами.

— Бессмыслица или нет, но в результате ее мы имеем два трупа наших работников.

— А что в другой записке? — спросил Холмин.

— То же самое, — ответил начальник отдела, протягивая ему вторую записку. Действительно, в ней были такие же три строчки, как и в первой, написанные одинаковым почерком.

— Почек мужской, энергичный, — заявил Холмин, рассматривая записки и сравнивая их. — Карандаш чернильный, дешевый,

скорее всего школьный. Обе записки написаны на разрезанной пополам страничке из ученической тетради. Бумага серая, волокнистая. Краевое издательство, выпускающее эти тетради, хорошим качеством продукции не отличается. Дактилографические снимки с записок делали?

— Это — само собой. Сразу к нашим дактильным спецам поперли, — поторопился заверить его Шелудяк, по совместительству выполнявший в отделе обязанности заведующего дактилоскопическим сектором.

— Какие результаты?

Шелудяк с сожалением щекнул языком.

— Никаких. Токмо время даром потратили. Отпечатков пальцев не обнаружено.

— Значит, человек, писавший записки, был в перчатках?

— Сие мне не ведомо, — с еще большим сожалением объяснил заместитель начальника отдела.

— Скажите, где были обнаружены записки?

Шелудяк попытался было продолжать объяснения, но кивком подбородка начальник остановил его. Капитан послушно умолк.

— Мой заместитель разговаривает слишком отрывисто. А вам, конечно, понадобятся всякие подробности, — сказал Бадмаев.

— Да, пожалуйста. Расскажите об этом деле, по возможности, подробнее, — попросил Холмин.

— Так слушайте, — начал майор, поудобнее усаживаясь в кресле. — Ровно неделю тому назад милиция обнаружила ночью на улице, в районе рабочего городка, труп мужчины, застреленного обычным способом.

— Обычным способом? Как это понимать?
— спросил Холмин.

— Нагановской пулей в затылок, сталось быть. Вроде, как у нас на вышке*), — поспешил объяснить Шелудяк.

Бадмаев досадливо отмахнулся от него подбородком.

— Не лезь. Твоей помощи мне пока не требуется. Так вот, на месте преступления выяснилось, что убитый — управляющий одним из домов рабочего поселка — был нашим секстоном. К его груди, прямо к телу сквозь рубашку, английской булавкой была прищиплена записка, которую вы только что читали. На этот случай мы не обратили особенного внимания. Сексот — птица мелкая, обычный низовой работник НКВД. Однако, четыре дня спустя произошло второе убийство. На этот раз, убили нашего сотрудника покрупнее: младшего лейтенанта Карнаухова, оперативного работника по обыскам и арестам. Обстановка второго убийства — точная копия первого. Никаких следов убийцы или убийц не обнаружено.

— Пробовали собаку-ищейку? — задал Холмин вопрос Бадмаеву. За него ответил его заместитель:

— Само собой. Токмо подвела собачка.

— Как подвела?

— А так. Крутится вокруг трупа и чихает.

— Почему чихает?

— Неведомо. Есть предположение, что у нее насморк.

*) Вышка — высшая мера наказания — расстрел.

— А другую собаку не пробовали?

— Пробовали.

— Ну и как?

— Так же. И у нее насморк обнаружился.

— Странно.

— И даже весьма.

— Но неужели у вас собак без насморка нет?

— Нету. Нам по плану собакоснабжения, больше двух собак не полагается.

Холмин повернулся на стуле к Бадмаеву.

— Скажите, где и в какое время произошло второе убийство?

— В номере гостиницы, который занимал Карнаухов; около десяти часов вечера.

— Мне бы хотелось посмотреть трупы убитых.

В ответ на эту полупросьбу, полутребование Холмина раздался фальцетный возглас капитана Шелудяка, в котором звучало сожаление.

— Так я же приказал их зарыть.

— Жаль, — неодобрительно вздохнул Холмин.

— Так их можно вырыть, — предложил Шелудяк.

— Не надо, — махнул рукой Холмин. — Зачем тревожить мертвцев? После их похорон я не думаю, чтобы на них сохранились какие либо следы. Займемся лучше живыми.

— Да-да, — подхватил Бадмаев. — Необходимо заняться живыми. Серьезно заняться. А то эта проклятая «рукка майора Громова» или те, которые ею маскируются, пожалуй, и до нас доберутся.

— Рука майора Громова, — повторил Холмин. — А кто такой майор Громов?..

ГЛАВА 4.

КТО ТАКОЙ ГРОМОВ?

— На ваш вопрос о Громове можно отвечать коротко, — сказал Бадмаев Холмину. — Майор Громов — это один из арестованных и расстрелянных нами врагов народа.

— Нет, уж пожалуйста не коротко, а со всеми подробностями и без всяких умолчаний и недомолвок. На этот раз отложите в сторону вашу чекистскую привычку делать из явного тайное, — решительно потребовал Холмин. — Для успеха расследования необходимы откровенные ответы на мои вопросы. Кто такой майор Громов и за что он арестован и расстрелян?

Подумав с полминуты Бадмаев ответил:

— Виктор Михайлович Громов — офицер царской и деникинской армий. В 1920 году嘗試edся эмигрировать за границу, но не сумел или не успел.

— Почему?

— Его жена, бывшая в армии сестрой милосердия, к началу эвакуации заболела тифом. Она умерла, когда эвакуация уже закончилась. Громов остался с трехлетней дочерью. Несколько лет он жил под чужой фамилией; потом, как и многие другие офицеры белых армий, был амнистирован и привлечен к работе в красной армии.

— А потом, как и многие амнистированные офицеры, был арестован за службу в Белой армии?

— Нет, его арестовали не за это. Он оказался виновным в другом. Он был антисоветски настроен и не скрывал своих настроений. Воспитывал красноармейцев не так, как это требовалось, а по-старинке, по традициям царской армии. Кроме того, имел связь с абреями*).

— В чем выражалась эта связь?

— Приезжая из своих горных гнезд тайно в город, абреи ночевали у него на квартире. С некоторыми из них он дружил.

— Какой воинской частью в красной армии командовал майор Громов?

— До 1932 года — пехотным полком, после этого — ротой.

— Что было причиной такого понижения в должности?

— Ему не могли больше доверять.

— Он же — контра. То-бишь, зело антисоветский элемент, — пискливо вставил капитан Шелудяк.

Не обращая внимания на писк Шелудяка, Холмин продолжал задавать вопросы:

— Почему тот или те, кто скрывается под псевдонимом «рука майора Громова», считали застреленных управдома и лейтенанта Карнаухова его убийцами? Какое отношение лейтенант и управдом имеют к аресту и расстрелу майора?

*.) Абреи — северо-кавказские повстанцы против советской власти.

— К расстрелу — никакого, а что касается ареста то, — Бадмаев подумал, — управдом вел слежку за Громовым и оформил материал на него, а Карнаухов арестовал его.

— Вот как? Тогда давайте подумаем, кого еще «рука майора Громова» может считать его убийцами, — сказал Холмин. — После ареста, как обычно, началось следствие. Значит, нужно ожидать покушения «руки» на следователя и теломеханика.

— По-моему, не совсем так, — возразил Бадмаев. — Теломеханика у Громова не было. К нему не применялись методы физического воздействия. Было достаточно улик против него и его сообщников.

— Громов имел сообщников?

— Да. Четырех.

— Они тоже расстреляны?

— Нет. Решением особого совещания НКВД высланы в концлагеря на разные сроки.

— Так. Пойдем дальше, — продолжал Холмин. — После следствия был суд. Значит, в опасности и члены суда?

— Нет, — снова возразил Бадмаев. — Майора Громова не судили. Он был приговорен к расстрелу особым приказом по отделу НКВД.

— Кто подписал приказ? — быстро спросил Холмин.

— Я, — вздохнул Бадмаев.

— Н-да, — протянул Холмин. — Не зайду я вам, гражданин начальник.

На плоской физиономии Бадмаева отразились растерянность и страх.

— Последнее обстоятельство, — загудел он дрожащим басом, — беспокоит меня больше всего. Ведь я под пулей этой растреклятой «руки». Избавьте меня от нее и я прекращу ваше следственное дело и выпущу вас на свободу.

ГЛАВА 5.

ПОДНЕВОЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Сердце Холмина заколотилось быстро и радостно.

— Постараюсь... избавить, — с трудом выдавил он из себя.

— Сумеете найти «руку»?

— Попробую, — несколько оправившись от волнения, уже тверже ответил Холмин. — Только вы, гражданин майор, свое обещание не забудьте.

— Не забуду. Не беспокойтесь, — кивнул подбородком начальник отдела и спросил, понижая бас, в котором одновременно звучали надежда и сомнение:

— А вы действительно опытный спец по раскрытию уголовных преступлений?

— Не знаю — опытный или нет. Но те дела, за которые я брался, мне раскрывать удавалось.

— Вы что же раньше в Угро работали?

— Может, из лягашей, а днпрежь того в урках обретались? У нас такое бывает часто и густо, — дополнил Шелудяк вопрос своего начальника.

— Ни агентом уголовного розыска ни уголовным преступником я не был, — ответил Холмин.

— А где-ж по уголовщине насобачились? — прищурился Шелудяк.

— Самоучкой. Изучал криминологию, работал в газете репортером отдела «Суд и быт», часто встречался и разговаривал с агентами уголовного розыска, да и с настоящими преступниками тоже; не с так называемыми врагами народа, конечно. Но все это к данному делу отношения не имеет. Скажите-ка мне лучше, граждане, кто, по вашему мнению, может быть «рукой майора Громова»? Кого вы подозреваете?

Вытянув до предела в сторону Холмина свою физиономию, Шелудяк неожиданно пропищал:

— Все подозреваемые уже посажены. Сидят, стало быть, как миленькие. За решеткой.

— Да? — удивился Холмин. — Кто же они такие?

— Прежде всего, — сказал Бадмаев, — мы арестовали сапожника Ищенко. Это приятель убитого управдома. За несколько часов до убийства они вместе были в пивной. После второго убийства арестованы директор гостиницы Селезнев и коридорный ее второго этажа, в четвертом номере которого проживал младший лейтенант Карнаухов.

— Их уже допрашивали? — спросил Холмин.

— Как же! — тоненько откликнулся Шелудяк. — Под моим непосредственным руководством катали на конвейере, дондеже они не-

признались во всем. Имеем сразу три «руки майора Громова». Токмо, видать, липовые. Все трое всуе плетут явственную несуразицу.

— Кто еще арестован?

— Ольга Громова. Арестовали позавчера..

— Родственница майора?

— Его дочка.

— Ее то за что?

— А как же? Может, ей про «руку» что-либо ведомо. Еще — за связь с отцом. Как врагиню народа.

— Но ведь сам Сталин недавно заявил, что дети за отца не отвечают.

По плоскому лицу Бадмаева расплзлась усмешка.

— Сталин говорит одно, а мы делаем другое. По его же указаниям, — пробасил он.

— Допрашивали Громову? — спросил Холмин.

— Покудова нет, — ответил Шелудяк. — Нонешней ночью мыслим прокатить ее на конвойере.

— Не торопитесь! Нет смысла делать четвертую липовую «руку майора Громова».

— Мыслите, что она в сем деле не при чем?

— Не знаю. Я хотел бы завтра с нею поговорить. И с теми арестованными, которых вы уже успели превратить в «руку майора».

— Свидание с заключенными мы вам устроим, — пообещал Бадмаев. — Мой заместитель сам проводит вас в тюрьму.

Начальник отдела продолжительно и откровенно зевнул. Вопросы подневольного детектива, видимо, порядком ему надоели. Холмин поспешил успокоить его:

— У меня, гражданин начальник, есть еще только один вопрос к вам.

— Ну, если один, то давайте, — мотнул подбородком Бадмаев.

— Скажите, все-таки, почему в деле «руки майора Громова» вы не желаете использовать агентов уголовного розыска?

— Не можем, — коротко отрезал начальник отдела.

— Но какая причина?

Начальник отдела вопросительно взглянул на своего заместителя. Тот отрицательно и очень энергично замотал вытянутой вперед физиономией.

— Пожалуйста, ответьте на мой вопрос откровенно, — настаивал Холмин. — Он имеет прямое отношение к навязанному мне вами расследованию.

Бадмаев неохотно, но все же удовлетворил любопытство Холмина:

— Угрю подчиняется милиции, а она подчиняется нам. Использовать ее работников мы конечно, могли бы, но временно от этого воздерживаемся. Не хотим давать им в руки никаких козырей. Начальники милиции и угрю наши враги и давно уже роют под нас всякие ямы. Мы их, конечно, съедим, но без санкции центра этого сделать нельзя. Вот приедет сюда особо-уполномоченный товарища Ежова и тогда... Но все это разглашению не подлежит!

— Не беспокойтесь. Мне о ваших делах рассказывать некому, — заверил его Холмин и не удержался от искушения задать еще один вопрос:

— Когда же к вам приезжает уполномоченный Ежова?

Бадмаев передернул плечами.

— Точный срок его приезда нам не сообщили, но наверное скоро. Постарайтесь к его приезду закончить дело этой растянутой «руки майора Громова», а то будет неудобно перед Лубянкой, что у нас такие штуки завелись.

— Попробую постараться, — ответил Холмин и повернулся к Шелудяку:

— У меня есть и к вам тоже один небольшой вопросик. Так сказать, частного характера. Заместитель начальника насторожился.

— Об чем вопрошать сбираетесь?

— Да вот, отчего вы так странно выражаетесь?

— Как это странно? — вскинулся Шелудяк.

— Валите в одну кучу слова старинные и советские.

Вытянутая физиономия Шелудяка побагровела и он закричал фальцетом тоньше обычного:

— То до тебя не касаемо! Ты в мою речь не вгрызайся!

— Да ведь я просто так. Интересуюсь, — примирительно заметил Холмин. — И на ответе не настаиваю.

— Тоже мне, интересант нашелся, — зло прошипел Шелудяк.

Они друг другу явно не нравились. Взглянув в злые красноватые глазки Шелудяка, Холмин без труда прочел там:

«Конtra, ты, антисоветская. Тебя на конвейер бы ко мне».

И Шелудяку удалось разобрать в глазах Холмина:

«Палач, ты, первостепенный. Хоть бы тебя «рука майора Громова» прикончила».

Холмин с удовольствием затеял быссору с не понравившимся ему Шелудяком. Вообще подневольный детектив старался держаться теперь перед энкаведистами с подчеркнутой независимостью, сразу смекнув, что до тех пор, пока он им нужен, никаких неприятностей они ему делать не станут.

Закончив разговор о предстоящем ему расследовании уголовного дела, он обратился к своему «начальству» непринужденно и даже несколько фамильярно:

— Все это хорошо, граждане. Для вас, конечно. Вы меня панили и зарплаты я пока не требую. Но о ночлеге и ужине для меня вам следовало бы позаботиться. Есть и спать хочу, как никогда. Ужин, разумеется, с вином и хорошими папиросами.

Шелудяк скрипуче захихикал и сказал:

— Так за чем остановка? Для ночлега отвалим целый терем-теремок; одиночку рядом с камерой смертников. Там почти светло, почти тепло и не дует. Баланда^{*)}) дважды в день с добавком, а заместо чары зелена вина — кружка кипятка. Для вас зело подходяще.

— Что?! — возмутился Холмин. — Да, как вы смеете предлагать подобные гадости вашему временному сотруднику НКВД. Гражданин начальник отдела! Требую, что полагается по закону: номер в гостинице и ужин из спецстоловой.

^{*)}) Тюремный суп.

— Ты, в самом деле, перехватил, — сказал Бадмаев своему заместителю. — Его требования справедливые. Распорядись, чтоб ему дали в гостинице номер с телефоном. Там у нас должны быть забронированные.*.) И пускай Дуся принесет из буфета ужин первой категории.

Капитан Шелудяк молча вышел, бросив на Холмина косой, злобный взгляд.

Не прошло и пяти минут, как девушка привнесла ужин, поставила его на стол, рядом с зелеными папками и, сейчас же, торопливо ушла. На подносе перед Холмним красовались чайная колбаса, балык, швейцарский сыр, белый хлеб, редиска в сметане, полбутилки портвейна и пачка папирос «Казбек». Созерцая эти, невиданные им больше года, сокровища, он едва успел рассмотреть девушку. Заметил только, что она хорошенькая.

Пока Холмин насыпался, начальник отдал дремал, закрыв свои раскосые глаза. Изголодавшийся заключенный съел почти все, что ему предложили и выпил до дна полбутилки портвейна. Поднявшись из-за стола он чувствовал себя необыкновенно бодрым, слегка пьяным и жизнь уже не представлялась ему в таких мрачных красках, как несколько часов тому назад.

— Благодарю, гражданин начальник! — громко сказал он.

Бадмаев открыл глаза.

— Наелись?

— О, да. Теперь только спать.

*.) Т. е. специально оставленные, закрепленные.

— Ну, идите. В комендатуре вам дадут пропуск и проводят в гостиницу.

— Да я и сам туда дорогу найду.

— Ну, как знаете.

Не вставая с кресла, энкаведист подал ему руку. Еле сдержав дрожь отвращения, Холмин пожал ее. Она была мягкая, потная и ему почудилось, что она в крови. Присмотревшись к ней внимательнее, Холмин увидел, что ошибся; рука была белая, чистая и очень выхоленная.

— Желаю вам успеха, — вяло пробасил начальник отдела.

— Благодарю. До свидания, — ответил Холмин.

Но Бадмаев уже не слышал его. Свесив уродливо вдавленный подбородок на грудь, он отрывисто всхрапнул. Видимо он очень устал от бессонных ночей, столь обычных в отделе НКВД.

ГЛАВА 6.

ХВОСТЫ

Пропуска в комендатуре Холмину, однако, не дали. Заспанный дежурный, ткнув пальцем в не менее заспанного дюжего детину в черной шинели, сидевшего на низенькой скамейке опираясь спиной о стенку, сказал:

— Вот ваш конвоир. Он проводит вас в гостиницу.

— Почему же конвоир? — удивился Холмин.

— Так приказано, — объяснил дежурный.

— Кто приказал?

— Товарищ Дондеке... то есть, извиняюсь, замнач городского отдела НКВД, капитан Шелудяк.

— А где пропуск? — спросил Холмин.

— У него, — ткнул пальцем в детину дежурный.

— Не волнуйтесь, гражданин. Пропуск имеем. Здесь, — подтверждающе, но очень глухо и уныло пробубнило из детины.

К носу Холмина потянулся черный рукав, с торчащей из него огромной красной лапой. Из-за обшлага высовывался белый бумажный уголок.

Из детины пробубнило вторично:

— Так что, все в порядке, гражданин. Да-вай, пошли!

Он поднялся, вытянувшись во весь рост, и Холмин невольно попятился назад. Конвойир был выше его ростом на голову, а в плечах шире не меньше, чем на аршин. Поразила Холмина и его физиономия — удивительно тупая, невыразительная, угрюмая и ленивая. Странно было видеть такой букет бесчувственности на лице молодого парня, не старше 22-23 лет, тем более, что оно совсем не гармонировало с очень быстрыми и зоркими, несмотря на заспанность, глазами. Правый глаз у парня был сильно прищурен.

В голове Холмина мелькнула невольная мысль:

«Вероятно, он много тренировался в стрельбе. Только по чему: по бутылкам, или по затылкам?»

Видя, что Холмин не спешит сдвинуться с места, конвойр шагнул к нему; в бурчанье парня проскользнуло нечто, отдаленно похожее на рассерженность:

— Ну, чего вы в мене уставились. Я вам не зеркало. Пошли!

Пришлось подчиниться. Спорить с конвойром и дежурным Холмину не хотелось, а будить только что заснувшего Бадмаева и требовать от него объяснений — тем более...

До гостиницы было десять минут ходьбы. Безлюдные улицы тонули во тьме и клубах пыли, поднятых степным восточным ветром. Однако, ночную прогулку по ним, даже в сопровождении конвойра, Холмин считал восхитительной и с сожалением вздохнул, когда она кончилась. Даже пыльный, в прошлом надоевший ему южный город, был, все-таки, лучше тюремной камеры.

Новый директор гостиницы встретил их взглядом испуганно моргающих глаз и молча выдал ключи от номера.

В номере конвойр сел на стул, расстегнул кобуру нагана на поясе и погрузился в неподвижность, сверля Холмина острыми глазами.

— Чего же вы сидите? — неприветливо спросил Холмин. — Я в ваших услугах больше не нуждаюсь.

— Так что, приказано не спускать глаз, — глухо пробубнил конвойр.

— С кого?

— С вас, товарищ агент.

— Кем приказано?

— Так что, товарищем Дондеже...

Выругавшись с досады, Холмин бросился к телефону.

— Барышня! Дайте мне коммутатор НКВД.

Злость видимо придала голосу Холмина повелительный тон, так как телефонистка немедленно соединила его с отделом НКВД. Минуты две никто не отзывался. Холмин хотел было уже бросить трубку, но в этот момент из нее загудел заспанный бас Бадмаева:

— Кто звонит? Чего надо?

— Это я, гражданин начальник. Холмин. Простите за беспокойство, — торопливо заговорил в трубку Холмин.

— Так вы только что у меня были. Кажется, мы с вами обо всем договорились. Или еще вопросы есть? — недовольно прогудела трубка.

— Требуется ваша помощь, гражданин начальник, — ответил Холмин.

— Так скоро? Что случилось? Нашли «руку майора Громова?»

— Мне мешают ее найти. Хвост мешает.

— Кто?

— Ваш заместитель, капитан Щелудяк. Он приставил ко мне своего балбеса. В качестве хвоста.

— Кого? Какого балбеса? — удивился Бадмаев.

— Конвойра. Он сидит со мной рядом, этот шелудяковский оболтус. Говорит, что ему приказано «не спускать глаз» с меня. Так невозможно работать, гражданин начальник, — объяснил Холмин.

— Хорошо, я распоряжусь, чтоб вам не мешали, — пообещал Бадмаев. — Хотя... перейдите трубку вашему конвойру.

Холмин передал трубку охраннику, с разинутым ртом слушавшему этот разговор.

— Начальник отдела НКВД хочет с тобой говорить.

Конвоир почтительно взял трубку в обе руки.

— Я вас слушаю, товарищ начальник.

Трубка сердито загудела.

— А это в самом деле вы, товарищ начальник отдела? Не другой кто? — спросил конвоир.

Трубка отрывисто крякнула несколько раз. Конвоир поспешил бросил ее на телефонный аппарат и, повернувшись к Холмину, заговорил плачущим голосом:

— За что вы мене обижаете, товарищ агент? Что я вам исделал? Перед самим начальником отдела всякие поганые клички даете: и балбес, и оболтус и хвост. Вот и начальник отдела, товарищ Бадмаев по телефону обложил так, что мое вухо чуть не лопнуло. За что, спрашивается?

Холмину стало жаль детину.

— Ну, хорошо, — сказал он, — я погорячился и прошу у вас извинения. Но и вы должны понять, что у меня очень серьезная и спешная работа и не мешать мне.

— Так я же не по своему хотению, — забубнил детина. — Я человек подневольный. Конвоир. Приказано мене товарищем Дондеже спущать с вас глаз, я и не спущаю. А как сам начотдела приказал другое, так я и уйду. Вот ваш пропуск для входа в здание НКВД, товарищ агент.

Конвоир выудил огромной своей лапою, из-за обшлага шинели, сложенный вчетверо листок

бумаги и подал Холмину. Беря бумагу, последний поинтересовался:

— А почему вы меня называете товарищем агентом?

— Так приказано, — ответил конвоир.

— Кем?

— Опять же товарищем Дондеже.

— Странная кличка, — заметил Холмин.

— Кто ее дал Шелудяку?

— Не знаю. Все в отделе его так зовут. Потому, как он, чуть не за каждым словом твердит: дондеже да дондеже. Ребята наши треплются, будто он из бывшего духовного сословия. Не то попом, не то дьяконом был.

— Что вы говорите? — удивился Холмин.

— У вас, значит, и такие есть?

— Всякие у нас имеются, товарищ агент, — подтвердил конвоир. — Ну, а теперь я пошел. Бывайте здоровы...

Заперев дверь на ключ за ушедшими конвоиром и быстро раздевшись, Холмин повалился на постель. Пружины матраса, заскрипев подались под ним и он с наслаждением вытянулся во весь рост. Что может быть приятнее постели, после почти года ночевок на грязном цементе тюремного пола?

Правда, гостиничное одеяло было очень ключим, а простыня и наволочка не свежими и грязноватыми, но мог ли придираться к этому заключенный, только что вырвавшийся из тюрьмы. Ведь он никогда не видел там даже кровати без матраса.

Нежась в постели, Холмин попытался было думать о «руке майора Громова», но не смог. Все мысли об этом вытеснила одна:

«Спать, спать»...

И он стремительно, как в пропасть, провалился в сон...

От одного хвоста Холмину удалось избавиться, но очень скоро — на следующее же утро — появился второй. Придя в комендатуру за пропуском в тюрьму, — где Холмин хотел поговорить с тремя подследственными, «признавшимися», что они «рука майора Громова», — он застал там капитана Шелудяка.

Поздоровавшись с подневольным детективом не особенно любезно, заместитель начальника отдела объявил ему тоном приказа:

— К этим подследственным гадам мы с вами потопаем вместе. Будете им вчинять допрос в моем присутствии.

— Мне хотелось бы говорить с ними наедине, — возразил Холмин.

— А мне желательно наоборот, — сказал энкаведист. — Поелику это есть мои последственники и должен же я ведать, об чем они ныне трепаться станут.

Холмин пожал плечами.

— Если вы настаиваете, то — пожалуйста. Пойдем вместе. Только я прошу вас не мешать мне при допросе.

— Прошу не сумлеваться. Я без никаких помех. Токмо послушаю ихнюю трепню, — заверил его Шелудяк...

Трое заключенных, признавшихся в том, что, будто бы, они были «рукой майора Громова», содержались в одиночных камерах. Шелудяк предложил было вызвать их всех на допрос в отдел НКВД, но Холмин не согласился.

— Я хочу говорить с ними в относительно спокойной для них обстановке, а не там, где их катали на конвейере, — заявил он. — В отделе они, с перепугу, такое наплести могут, что потом в этой следственной фантастике и не разберешься...

В первой камере, куда тюремный надзиратель привел Шелудяка и Холмина, находился приятель убитого управляющего — сапожник Ищенко. Камера представляла собою каменный мешок с площадью пола в полтора метра длиною и около метра шириной. Окна здесь не было, но под потолком тускло светила 15-свечевая электрическая лампочка, прикрытая железной сеткой. В углу, у порога чернела дыра канализации, а над нею, в двери, поблескивал глазок для надзирателей. Кроме этого, были в камере каменные стены, грязный цементный пол да измученный на допросах, запуганный и обезвоженный человек.

Когда Холмин и Шелудяк вошли в камеру, он попятился от них, вжался спиной в угол и вытянул вперед руки для защиты. Присмотревшись к нему, Холмин без труда определил, что его недавно и, пожалуй, продолжительное время «катали на конвейере». Лица у него, собственно, не было. Вместо лица была бурая маска из запекшейся крови, изрезанная ссадинами, шрамами и царапинами. Свежие шрамы и ссадины покрывали и его руки и виднелись изо всех прорех рваной рубашки и штанов; волосы на голове от запекшейся крови слились и свалялись в бурый колтун.

Этот человек был избит, так сказать, сплошь; палачи не оставили на его теле ни одного живого места.

В тюрьме Холмин насмотрелся на многое, но человека, измученного и избитого до такой степени, видел впервые. Его сердце дрогнуло и учащенно забилось от острой жалости к этому мученику и злобы к его мучителям. Один из таких мучителей стоял рядом и Холмин с трудом удерживался от соблазна дать оплеуху его вытянутой вперед физиономии.

Указывая на заключенного и стараясь говорить спокойно, Холмин спросил Шелудяка:

— Ваша работа?

Тот ответил ухмыляясь:

— Почто моя? У нас на сей предмет теломеханики насобачены. Про то вы, товарищ агент, сами ведаете.

— Но допрашивали его под вашим руководством?

— А уж это само собой. Расписали сего гада по моим указаниям.

— И чего этим добились?

— Чистосердечное признание из него выбили. Свое согласие под следственным протоколом, с покаянием вкупе, он подписал.

— А какая от этого польза делу?

— Может и достигнем пользы. «Рука майора Громова», может, еще и обнаружится.

— Ждите. При ваших методах следствия обнаружится. Аж два раза.

— Всяко бывает, товарищ агент.

С досадой отмахнувшись от него рукой, Холмин обратился к заключенному:

— Послушайте, Ищенко. Никакого зла я вам сделать не собираюсь. Мне нужно установить только правду. Скажите откровенно, что вы знаете о «руке майора Громова»?

Из груди заключенного вырвался хриплый вопль:

— Ничего я не знаю, гражданин следователь! Как перед Богом говорю! И управдома Сидора Лукича не убивал. И записки не писал, поскольку малограмотный. На бумаге я свою фамилию еле-еле изображаю. А больше ничего.

— Как ничего? — подскочил к нему Шелудяк. — А признание ты своим языком высказал? Протокол своими перстами подписал? А ныне на попятный? Возжелал конвейерного катания заново?

Заключенный втянул голову в плечи и заговорил умоляюще:

— Не надо меня на этот... ваш конвейер. И так трое суток мучили. Я, ежели вам желаешь, не отрицаю. И управдома, Сидора Лукича, убил и записки писал, хотя и малограмотный. Ничего не отрицаю...

— С меня хватит. Пойдем отсюда, — сказал Холмин Шелудяку.

Они вышли в коридор.

— Кому, на сей раз, допрос вчинять будем? Заведующему гостиницей либо ее коридорному? А то, может, громовской дочке? — спросил Шелудяк.

— На сей раз никому, — раздраженно ответил Холмин.

— Почто так? — удивился энкаведист.

— Вы меня извините, гражданин заместитель начальника отдела, — сказал Холмин, — но я не привык работать с хвостами.

— С какими хвостами?!

— С такими, которые таптаться по моим пяткам, пугают подследственных, грозят им

конвейером и вообще страшно мешают всей моей работе.

— Это, значит, вы про меня произнесите всеу подобные словеса?

— Про вас. Вы мне мешаете.

— А ежели я хочу через вас подковаться по уголовщине?

— Это можно устроить в свободное от работы время. Если хотите, я буду вам читать небольшие лекции по криминалистике.

— Сие меня не устраивает. Мне желательна практика, — заявил Шелудяк.

Холмин потерял терпение.

— Гражданин капитан! Мы с вами не сработаемся. Поэтому интересующих меня подследственных я буду допрашивать один.

— Я сего не допущу! — визгливо крикнул Шелудяк и, обратившись к топтавшемуся возле них и испуганно моргавшему глазами надзирателю, приказал:

— Воспрещаю пускать его в камеры!

— Слушаюсь! — вытянулся надзиратель.

— Вот как? — зло сказал Холмин. —

Тогда я сейчас же пойду к Бадмаеву и буду просить у него помощи.

Тоненько хихикая, Шелудяк злорадно произнес:

— Сумлееваюсь, чтоб. Из сего узилища вас не выпустят без пропуска. А он у меня. Так что будете тут сидеть, дондеже не посинеете.

— Пожалуйста. С удовольствием! — воскрикнул вконец обозленный Холмин и демонстративно уселся на скамейку надзирателя, стоявшую в коридоре.

Шелудяк удалился, хихикая. Холмин скрестил на груди руки, вытянул ноги к противоположной стене коридора и погрузился в размышления. Навязанное ему следствие по «делу о руке майора Громова» началось чрезвычайно глупо. А как оно кончится? И вообще, что это за таинственная рука, напоминающая заграничный кино-фильм. И почему капитан Шелудяк старается помешать расследованию? Что если это не спроста и не по глупости? Шелудяк, кажется, хитрая бестия...

Размышления Холмина прервал подошедший к нему надзиратель.

— Начальник отдела НКВД, майор Бадмаев, вас к себе требует. Звонил по телефону.

— А пропуск? — спросил Холмин.

— Приказано без пропуска выпустить...

Из тюрьмы Холмин вышел со вздохом облегчения. Он был рад, что его заключение в тюремном коридоре кончилось так быстро и благополучно.

ГЛАВА 7.

КАКОЙ-ТО ВОЕННЫЙ

Бадмаев встретил Холмина вопросом:

— Ну, удалось вам узнать что-нибудь о «руке майора Громова»?

Холмин отрицательно и очень решительно тряхнул головой.

— Нет, гражданин начальник отдела. Не удалось и не удастся.

В узких глазах энкаведиста мелькнула тень удивления.

— Что это вы сегодня так упаднически настроены? — спросил он. — Вчера у вас было совсем другое настроение.

— Мне испортили это настроение, гражданин начальник, — возбужденно заговорил Холмин. — С первых же шагов мешают работать. Выдумывают всякие тормоза.

— Кто?

— Ваш заместитель — капитан Шелудяк. Вчера он пытался посадить меня в одиночку, а затем приставил ко мне конвоира. Сегодня, как хвост, увязался за мной в тюрьму и приказал не выпускать меня оттуда.

— Я уже дал ему нагоняй за то, что он оставил вас в тюрьме, — сказал Бадмаев.

— Вообще, гражданин начальник, — горячился Холмин, — я прошу вас избавить меня от всяких хвостов и предоставить мне свободу действий. Ни один сыщик никогда не работал и не сможет работать в тех условиях, какие были у меня вчера и сегодня утром. Дайте мне возможность работать самостоятельно или отправьте обратно в камеру.

Бадмаев мотнул на него своим вдавленным подбородком.

— Хорошо, я распоряжусь, чтоб вам не мешали. Что вам нужно для работы сейчас?

— Прежде всего пропуск в камеры, где содержатся директор гостиницы, коридорный и Ольга Громова.

— Я позвоню в комендатуру. Еще что?

— У меня совсем нет денег. Не только на еду, но даже на трамвайный билет.

— Я распоряжусь. В комендатуре вы получите удостоверение агента и, на первое время 500 рублей. Проезд по нашему удостоверию всюду бесплатный. Питаться будете в нашем буфете, тоже бесплатно.

Бадмаев окинул его критическим взглядом и продолжал:

— В тюрьме вы порядком обтрепались. Комендатура выдаст вам ордер в закрытый распределитель. Там выберете себе костюм, рубашку, ботинки и всякую мелочь, какая вам потребуется. Что еще?

— Больше пока ничего. Благодарю вас, гражданин начальник.

— Товарищ начальник, — поправил его Бадмаев.

— Почему? — удивился Холмин.

— Но ведь вы теперь уже не заключенный, а наш работник. Временно, по крайней мере. Имеете право ко всем обращаться со словом товарищ, — объяснил начальник отдела НКВД.

*

Коридорный гостиницы Захарчук по внешнему виду почти ничем не отличался от сапожника Ищенко. Обоих на допросах «расписали» и запугали приблизительно одинаково. Разговаривая с Холминистом, Захарчук плакал, жаловался, что энкаведисты выбили ему четыре зуба и перебили ребро, и твердил, что в убийстве лейтенанта Карнаухова невиновен.

Директор гостиницы Селезнев был «расписан» и запуган значительно меньше, а разговаривал более связно, чем коридорный и сапожник. Во время допроса его только избили, но «прокатить на конвейере» не успели. Обвинение

ния в убийстве энкаведиста он отрицал категорически, хотя на допросе и «признался» в этом.

Беседы с тремя подследственными убедили Холмина в том, что ни один из них не имеет никакого отношения к убийствам и к «руке майора Громова». Однако, Селезнев сообщил Холмину кое-что интересное. По словам директора, приблизительно за полчаса до убийства лейтенанта Карнаухова, к нему в номер вошел какой-то военный, но никто из обслуживающего гостиницу персонала не видел, когда он оттуда вышел.

— Могли не заметить, — сказал Холмин.

— Нет, не могли, — возразил Селезнев.

— По приказу из отдела НКВД, персонал гостиницы наблюдает за проживающими в ней и приходящими к ним. Посетитель Карнаухова мог выйти на улицу только через комнату дежурного.

— Разве из гостиницы нет другого выхода?

— Есть дверь во двор, но она всегда запирается на ночь.

— Куда же мог деваться военный? — спросил Холмин.

Селезнев развел руками.

— Этого я не знаю. Я не сыщик.

— Посетитель Карнаухова был энкаведистом?

— Нет, в армейской шинели.

— И в каком чине?

— Ни его лица, ни знаков различия на воротнике мы не смогли разглядеть. Воротник шинели был поднят, а козырек фуражки надвинут на лицо...

Больше ничего интересного Селезнев сообщил не мог. Поблагодарив его, Холмин отправился в гостиницу.

Номер, который, несколько дней тому назад, занимал младший лейтенант Карнаухов, теперь был пуст. Отдел НКВД приказал временно его никому не сдавать.

Окинув комнату беглым взглядом, Холмин сразу понял, как убийца ушел отсюда. Подоконник единственного окна номера, выходящего на проходной двор, был в двух метрах от земли. Служащие гостиницы сообщили Холмину, что калитка ворот на улицу вечером обычно запиралась, но замок второй, — со стороны переулка — давно уже был сломан и его никак не соберутся починить. Эта калитка оставалась незапертой всю ночь...

Первым результатом своего расследования Холмин был удовлетворен.

«Есть хоть какие-то следы, хотя и скучные. И на этом спасибо», — думал он, сидя в трамвае, медленно ползшем по направлению к отделу НКВД, где, — во внутренней тюрьме, — была заключена дочь загадочного майора — Ольга Громова.

ГЛАВА 8. ДОЧЬ «ВРАГА НАРОДА»

Старший надзиратель женского спецкоридора внутренней тюрьмы НКВД прочел бумажку с пропуском, повертел ее в руках и удивленно взглянул на Холмина.

Случай был выходящий из ряда вон. Здешние следственные камеры, кроме энкаведистов в форме, не посещал никто; разрешения для свиданий с узницами спецкоридора никому из «гражданских» не выдавались. А тут перед надзирателем стоял невзрачный молодой человек в штатском, да к тому же сильно потрепанном костюме.

— Желаете, значит, иметь свидание с врагиней народа? — спросил тюремщик, не отрывая от посетителя удивленного взгляда.

— Да-да. Поскорее, пожалуйста! — торопливо ответил Холмин.

— Чичас, чичас, — заворчал тюремщик, отцепляя от пояса связку ключей. — И чего вы, товарищ, этак торопитесь к этой громовской дочке? Жених ейный, что ли?

— Нет, не жених, — бросил Холмин.

— Тогда, стало быть, знакомый. С большой рукой в нашем отделе.

— Почему вы так думаете?

— Да как же? Гражданские к тутошим врагиням не ходят. Потому — не разрешено. А вот вы в гражданской одежде и такой пропуск у вас.

— Какой?

— Да вон в нем написано: «выдан комендантурой по личному приказу начальника отдела НКВД, майора Бадмаева». Стало быть, имеете в отделе очень даже большую руку...

— Ладно. Открывайте дверь! — оборвал Холмин словоохотливого тюремщика.

— Чичас, чичас, — заторопился тот, гремя ключами...

Надзиратель распахнул дверь и Холмин вошел в камеру. Она была ярко освещена стосвещевой лампочкой, ввинченной в потолок. От ее резкого и неприятного света, после полусумрака коридора, Холмин зажмурил глаза и негромко сказал:

— Здравствуйте!

Ему не ответили. Он открыл глаза и огляделся вокруг. Несколько секунд потребовалось его глазам, чтобы освоиться со светом и заметить девичью фигуру, сидящую в углу камеры на грубо сколоченном деревянном табурете. Он шагнул к ней и повторил, запнувшись:

— Здравствуйте!

Девушка была занята: она умывалась. Из оловянной кружки смачивала водой платок и вытирала им лицо. На секунду оторвавшись от своего занятия, девушка взглянула на Холмина и ответила весьма нелюбезно:

— Если вам уж так хочется поздороваться со мной, то пожалуйста — здравствуйте.

От неприветливого ответа сердце Холмина упало, а от взгляда — сладко заныло.

Он обладал влюбчивым сердцем с детства, но в делах любовных ему как-то не везло. Еще в детские годы, когда он жил с родителями, впоследствии умершими от тифа, знакомые девочки постоянно отвергали его поклонение им и ухаживание за ними. В более зрелом возрасте он несколько раз влюблялся, но безуспешно. Главной причиной этих неудач он считал свою наружность: при правильных чертах своего лица, задумчивых серых глазах и пышном русом чубе, у него был нос, которому его приятели дали, хотя и несколько преувеличенное, но не

лишеннное оснований определение: «носяра картофельного образца».

Правда, две последние влюбленности внушили ему некоторые надежды на их счастливое завершение, но каждая из них закончилась неожиданной посадкой его в тюрьму.

И вот, перед ним теперь сидела девушка, взглянув на которую, он позабыл обо всех предыдущих. Насколько Холмин успел рассмотреть ее, она была очень красива. Такой красавицы он еще никогда не видал. Все в ней было хорошо, начиная от спутавшейся в тюрьме прически волнистых золотых волос и кончая маленькими ступнями стройных ног в стоптанных тапочках. Особенно же хороши были ее глаза — огромные и сияющие, хотя и невыспавшиеся и покрасневшие от слез в тюрьме. Определить их цвет точно Холмин не мог; при электрическом свете они казались ему то голубыми, то светло-серыми, но он был уверен, что эти глаза прекрасны независимо от их цвета.

Она еще раз искоса посмотрела на него и он, смущившись и покраснев, спросил растерянно и нелепо:

— Ну, как вы поживаете?

— Как видите. Даже умыться нечем. На весь день дают одну кружку воды. Больше им жаль. А еще людьми называются, — сказала она, гневно сверкнув глазами.

— Я постараюсь помочь, — поторопился пообещать Холмин, но в конце фразы запнулся, вспомнив, что он, все-таки, заключенный и вряд ли сможет найти возможности для помощи ей.

Девушка отрицательно покачала головой и на ее лице появилась гримаса отвращения и презрительности.

— Ах, не нужно мне вашей помощи. Ваши товарищи уже обещали мне ее, но требуют за это слишком большого... то-есть невыполнимого... одолжения. Вы, энкаведисты, неспособны помогать бескорыстно.

— Но я совсем не такой, как они, — вырвалось у Холмина.

— Все энкаведисты одинаковы. И вы не лучше.

— Откуда у вас такая уверенность? Ведь вы же меня не знаете, — возмутился он.

— А разве вы не энкаведист? — спросила она.

— Да... То-есть, нет... До некоторой степени, — попробовал объяснить он, но это объяснение получилось у него слишком бестолковым.

Пожав плечами, она насмешливо улыбнулась.

— Энкаведист до некоторой степени? В первый раз слышу о таких. Это что-то новенькое.

Холмин хотел рассердиться и не смог. Она так ему нравилась, что сердиться на нее было невозможно. Он с радостью рассказал бы ей правду о себе, но, вспомнив о навязанных ему Бадмаевым обязанностях, подавил свое желание и попытался перевести разговор на «деловую» тему:

— Глядя на вас я никак не могу поверить, что вы... — он остановился подыскивая подходящее слово.

— Дочь врага народа? Или, как вы все здесь выражаетесь, врагиня народа? — с прежней насмешливостью пришла ему на помощь девушка.

— Я хотел сказать не так, — возразил он.

— Чего там не так, — перебила она. — Ведь это одно из ваших любимых выражений. А вообще, молодой человек, я бы вам не советовала изображать из себя благородного рыцаря. У вас это плохо получается. Что же касается до врагов народа, то ни я, ни мой бедный папа никогда ими не были. Враги народа — вы и те, кто повыше вас, которые в Кремле сидят.

Холмин отступил назад и с испугом оглянулся на дверь. Она была прикрыта неплотно и из щели между нею и дверным косяком тускло поблескивали оловянные глаза надзирателя. Холмин подошел к девушке вплотную и торопливо запшептал:

— Тише! Тише, пожалуйста! Разве можно так говорить?

Вскочив с табурета, она закричала громко и возмущенно:

— А разве можно сажать в тюрьму ни в чем неповинных людей и убивать их? Что вы сделали с моим папой? О, я отомщу за него! Отомщу вам, убийцам майора Громова.

Холмин вздрогнул от неожиданности. Последняя фраза девушки напомнила ему другую, ту, которая была в записках, пришипленных английскими булавками к трупам управдома и лейтенанта Карнаухова. Там ведь тоже говори-

лось об убийцах майора? И там были угрозы мести.

В голове Холмина стали тесниться мысли, обгоняя одна другую:

«Почему она говорит так? Не о палацах, например, а об убийцах. И угрожает мстить. Что это? Простое совпадение? Или она знает о «руке майора Громова»? И почему, после ареста дочери майора, деятельность этой «руки» прекратилась и никто больше не был убит? Тоже совпадение? Или одна из нитей к «руке»? Надо выяснить... выяснить сейчас же...»

Он бросился к двери камеры и, плотно притворив ее, обернулся. Девушка села на табурет и заплакала, закрыв лицо ладонями. Холмий осторожно дотронулся рукой до ее плеча.

-- Послушайте.

Задрожав и отшатнувшись, она подняла голову. Глядя в упор в ее, наполненные слезами глаза, он быстро спросил:

— Что вы знаете о руке майора Громова?

В ее глазах, сквозь слезы, засветилось изумление и, где-то, в самой глубине их, что-то похожее на смущение.

— Рука моего папы? — удивленно спросила она. — Почему вы так говорите? Что это значит?

Он молчал, всматриваясь в ее глаза и тщетно стараясь найти ответ на только что возникший и уже начавший мучить его вопрос:

«Знает она или нет? Причастна ли она к убийствам?»

— Что это значит? — повторила девушка.

— И почему вы молчите?

«Нет. Она ничего не знает о «руке». Такие глаза не могут лгать», — решил он.

— Вы не хотите мне ответить? — спросила девушка. — Что-ж, не надо.

Первое, пришедшее ему в голову объяснение его вопросу и молчанию было не особенно удачным, но, за неимением лучшего, он ухватился за него:

— Простите, пожалуйста. Видите ли, я иногда заговариваюсь. Это от усталости. Я очень устал.

Она посмотрела на него внимательнее, чем за все время до этого и сказала:

— Вы какой-то странный. И не похожи на других... энкаведистов.

— Может быть, — согласился он. — Только отчего же странный?

— Так мне кажется...

Помолчав, она спросила:

— Вы, наверно, мой новый следователь. Он отрицательно покачал головой.

— Нет. Я случайно попал в здешний отдел НКВД и... хочу вам помочь.

— Что-ж, спасибо, — сказала она. — Если это правда, то, впервые в жизни, я буду благодарна энкаведисту.

— Но ведь я, — начал Холмин и осекся, вспомнив о своем новом начальстве.

В камере повисло неловкое молчание. Говорить было больше не о чем.

— Вы еще хотели о чем-то спросить? — обратилась к нему девушка без прежней, ярко выраженной враждебности в тоне и словах.

— О чём же еще? У меня больше нет вопросов. Я, пожалуй, пойду. А вам желаю всего хорошего, — ответил Холмин.

— Прощайте, — сказала девушка.

— Лучше до свиданья, — возразил он.
— Хорошо?

Она улыбнулась впервые за все время разговора с ним.

— Хорошо...

От ее улыбки его сердце радостно дрогнуло и он вышел из камеры, взволнованный этой встречей и предчувствием чего-то неопределенного, смутного, но сулящего счастье в будущем.

ГЛАВА 9.

ДУСЯ-БУФЕТЧИЦА

Придя из тюрьмы в отдел НКВД, Холмин не застал там Бадмаева. Его личный секретарь — юнец в мундире с лейтенантскими знаками различия на воротнике — дал на вопрос Холмина неопределенный ответ:

— Товарищ начальника поехал ужинать, а когда будет — неизвестно. Но не раньше десяти часов...

Холмин вышел в коридор и остановился там в раздумье. Времени до предполагаемого возвращения Бадмаева было более, чем достаточно; часы только что пробили семь.

«Что же мне делать? — думал он. — Ждать Бадмаева? Или отложить разговор с ним до

завтра? Нет, надо поговорить сегодня. Главное — об Ольге Громовой. Так, что же делать сейчас? Разве тоже пойти ужинать в отдельский буфет? Может быть, меня уже прикрепили там на пропитание».

Он вспомнил, что с прошедшей ночи еще ничего не ел и это сразу вызвало у него аппетит. По коридору как раз проходил энкаведист, видимо следователь, с пачкой зеленых папок под мышкой.

— Послушайте, — обратился к нему Холмин. — Где здесь у вас буфет?

Тот окинул спросившего быстрым щупающим взглядом и бросил на ходу:

— В первом этаже. Рядом с комендатурой.

— Благодарю вас! — крикнул вслед ему Холмин и спустился по лестнице в первый этаж.

Буфет отдела НКВД занимал довольно большую комнату и был похож на что-то вроде бара. В нем стояло десятка два столиков, накрытых kleenкой вместо скатерей и декорированных букетами искусственных цветов в вазах; возле каждого из столов было по три полукресла с ситцевой обивкой. Вдоль стены, противоположной к входной двери, в четыре ряда тянулись узенькие полки, установленные бутылками, банками с соленьями, стаканами и горками тарелок. Перед полками разлегся массивный комодообразный прилавок, по обе стороны которого, в ящиках под стеклом, красовались закуски весьма аппетитные на вид. В общем же буфет был скромный, без претензий на роскошь и под стать второстепенному отделу НКВД провинциального южного города.

Ужинающих было мало: в одном углу четверо конвопров в черных шинелях пили пиво, в другом — какой-то энкаведист сидел задумавшись над тарелкой супа. За прилавком скучала девушка, показавшаяся Холмину знакомой. Присмотревшись к ней, он узнал ту, которая прошлой ночью приносила ему ужин по приказу Бадмаева.

Холмин подошел к прилавку и поздоровался с нею. Девушка встрепенулась.

— Это вы, товарищ агент. А я вас ждала еще утром.

— Ждали? Почему? — удивился он.

— Да мне Дондеке сказал, чтобы прикрепить вас к нам на питание. Думала, что вы завтракать и обедать придете. А вас все нету и нету.

— Ну, вот я пришел ужинать. Чем вы меня угостите?

— Есть борщ и суп. На второе — рагу, шницель и блинчики с мясом. Закуски выбирайте сами, но могу посоветовать балык и маслины. Очень хорошие.

— Ух, какая роскошь! — воскликнул Холмин. — Не знаю даже, что и выбрать. В тюрьме я о таких вещах и мечтать не мог. Да и на воле их видел не часто.

— Так, может, мне за вас выбрать?

— Пожалуйста, Дуся... Ведь вас так зовут?

— Да. А вас?

— Меня — Холмин.. Александр.

— Я буду вас называть Шурой. Не возражаете?

— Нет, отчего же? Если вам так нравится...

— Вот и отлично. Познакомились, значит.

— Я очень рад, — вежливо сказал он.

— И я тоже! — простодушно воскликнула она. — Так я вам сию минуту принесу ужин.

Холмин занял столик возле самого прилавка, подальше от компаний конвоиров и задумавшегося над супом энкаведиста. Дуся привнесла ужин, бутылку вина и два стакана.

— А это зачем? — не без удивления кивнул он на стаканы.

Девушка улыбнулась.

— Хочу выпить за ваше здоровье. И вообще составить вам компанию. Не возражаете?

— Нет, конечно. Садитесь, пожалуйста, — поспешил ответить он.

Дуся села за столик и, наливая вино в стаканы, сказала:

— Скучно у нас тут. Народ, все больше, молчаливый. И поговорить не с кем. С этими, — указала она глазами на пивших пиво конвоиров, — не разговоришься. Из всех работников отдела только один Дондже и разговорчивый.

— Вы хорошо с ним знакомы? — спросил Холмин.

— Как со всеми тут, — ответила Дуся. — Познакомилась, когда начала работать в буфете. Он, понимаете, — она запнулась, — хочет со мной.. время проводить. Тоже мне кавалер. Старый хрен.

— Ну, не очень старый, — возразил Холмин. — Ему, наверно, только шестой десяток лет пошел.

— В дедушки мне годится, — сказала Дуся.

— А вам сколько же лет, если не секрет?

— И сама точно не знаю. Может, восемнадцать, а то и все двадцать.

— Как же это случилось, что вы свой возраст не знаете?

— Очень просто. После войны, во время разрухи, мои родители померли с голоду. Я была совсем маленькой и воспитывалась у чужих людей. Они были злые, я сбежала от них и беспризорничала. Вот и не помню свои годы.

На глазах девушки, при воспоминании о пережитом, показались слезы и Холмин поторопился переменить тему разговора:

— Вы, Дуся, начали мне что-то рассказывать о капитане Шелудяке.

Она махнула рукой.

— Что про него рассказывать? Хитрый он очень. И страшный.

— Вот как? В чем же заключается его хитрость и чем он страшный?

— Он под начальника отдела подкапывается так хитро, что сразу и не заметишь. Тихой сапой. Делает вид, что он друг-приятель Бадмаева, а сам на его место мостится. А страшный потому, что в отделе, как бы, главный палач. Скольких он людей замучил — и не перечтешь.

— Вам, Дуся, не страшно разве и не противно с ними работать?

В глазах девушки появилось тоскливо выражение и она сказала со вздохом:

— Что делать, Шура? Это все-таки лучше, чем беспризорничать или в тюрьме сидеть. На

вOLE мне ходу нет. Попробовала было там в столовке работать, так сразу в тюрьму посадили. Кто-то украл на кухне три кило картошки, а на меня, как на бывшую уголовницу, свалили. Эх, да что говорить? Давайте лучше выпьем за ваше здоровье.

— И за ваше, Дуся.

Они чокнулись и выпили. Подперев голову рукой, девушки окинула его внимательно — продолжительным взглядом. Он невольно смущился, провел ладонью по своей коротко стриженой по-тюремному голове, потрогал себя за картофелеобразный нос и подумал:

«Чего это она мною залюбовалась? Нашла чём. Вид у меня, наверно, ниже всякой критики. На закоренелого бандита смахиваю после тюрьмы».

Дуся продолжала его рассматривать. Смущившись еще больше, он спросил:

— Что вы на меня так смотрите?

— Хочу вас спросить, — нерешительно ответила она.

— О чём?

— Да мне Дондже про вас рассказывал, что будто вы знаменитейший сыщик и крупный спец по уголовщине. И будете искать руку майора Громова. Правда это?

«Вот почему она мною заинтересовалась. Любопытная девица», — подумал Холмин и сказал:

— Никакой я не знаменитый. Это выдумка. А руку майора Громова действительно ищу. Вы о ней ничего не знаете?

Дуся всплеснула руками.

— Да как же можно про нее знать? Она же совсем тайная. Про нее никому в отделе неизвестно ничегошеньки.

— А если вы знаете, то скажете мне?

— Конечно, скажу. Только через кого же я узнаю?

— Ну, за вами здесь, наверное, многие ухаживают?

Девушка покраснела.

— Не многие, но...

— Но кое-кто. Их и порасспросите.

— Хорошо. Договорились.

«Вот и есть у меня помощница. И, как будто, неплохая. Девушка бойкая и в делах отдела НКВД, кажется, хорошо осведомлена», — подумал Холмин.

— А что вы знаете о Громове? — спросил он, решив выпытать у девушки хоть какие-нибудь сведения.

— Мало знаю, — ответила она, — хотя и живу недалеко от его квартиры; на одной улице, через два дома. Понапрасну расстреляли Громова. Никакой он не враг народа; наоборот, очень хороший и приветливый человек был. А дочка его хуже.

— Чем? — вырвалось у Холмина, удивленного таким заключением Дуси.

— Гордая она очень. Нос высоко задирает. Ни с кем не знакома и ни на кого не смотрит, — объяснила девушка.

— Может быть, гордая потому, что красивая? — предположил Холмин.

Дуся презрительно фыркнула.

— Тоже нашли красавицу. Бледное худосочие. Вот у нас в отделе некоторые в нее по-

влюблялись. «Ах, какая красавица громовская дочка», — говорят. А что в ней такого особенного? Да я красивее ее.

Холмин взглянул на возбужденную и раскрасневшуюся девушку внимательнее, чем за все время разговора до этого и должен был признаться, что она, хотя и уступала в красоте Ольге Громовой, но все же была очень хорошенькой. Кокетливая, пухленькая брюнетка небольшого роста, но стройная и девически свежая, с румяным лицом, лукавыми черными глазами и задорно вздернутым носиком, могла увлечь многих. В другое время и Холмин не преминул бы поухаживать за нею, а, может быть, и влюбился бы в нее, но теперь все мысли и сердце его были полны Ольгой Громовой.

— Так что никакая она не красивая, — продолжала Дуся, видимо считавшая дочь майора своей соперницей, — а просто гордячка. Фря и больше ничего. Не люблю я ее.

— Как можно ее не любить?! — с жаром начал Холмин и осекся.

В глазах девушки промелькнуло что-то похожее на ревнивый огонек.

— Шура! — воскликнула она. — И вы туда же?

— Да я о ней и не думаю, — не особенно убедительно возразил он.

— Ох, Шура, думаете. Я уж вижу, — сказала Дуся. — Только ничего у вас не получится. Со своей гордостью отошьет она вас. Да и возрастом вы ей не подходит. Вам сколько лет?

— А сколько дадите?

— Дам под тридцать.

— Меньше, Дуся, меньше. Только двадцать четыре. Это меня тюрьма немного состарила...

Разговор об Ольге Громовой он постарался замять. Они выпили еще по стакану вина и расстались друзьями. Дуся сказала ему на прощание:

— Вы приходите в буфет почаше. Как есть захочется, так и ко мне. Вам подкормиться надо после тюрьмы. Я вам всегда что-нибудь вкусное приготовлю. Вы про это не забывайте.

— Спасибо, Дуся. Не забуду, — пообещал Холмин.

Он пошел к двери, но, вспомнив о данном ему в камере поручении, остановился на полдороге.

— Кстати, Дуся... В тюрьме я встретил одного заключенного. Он, кажется, ваш знакомый. Митька Свистун. Вы его знаете?

Брови девушки нахмурились.

— Знаю. А что?

— Он просил вам передать...

Холмин остановился, подыскивая выражения помягче, в которых он мог бы изложить слишком категорическое требование утки. Найти такие выражения, он, однако, не успел, так как Дуся опередила его.

— Знаю, что Митька передал. Чтоб я с энкаведистами не путалась. Он это уже в четвертый раз передает. Так я ни с кем и не путаюсь. И со Свистуном не буду. Пускай не надеется. Рвань такая.

Глаза девушки гневно сверкали.

— Ну-ну, Дуся, не надо сердиться, — успокоительно заговорил Холмин. — Быть сердитой вам не идет.

— Понятно, не идет. Это я тоже знаю, —
кокетливо улыбнулась она.

ГЛАВА 10.

«С КОМПРИВЕТОМ ОТ ЕЖОВА!»

Поговорить наедине с Бадмаевым, как то-то хотел Холмин, ему не удалось. Когда он из буфета пришел в кабинет начальника отдела, то застал там и капитана Шелудяка. Пришлось разговаривать при нем.

«Вот спутники неразлучные. Друг друга сожрать готовы, а не расстаются; всегда вместе» — с досадой подумал Холмин и обратился к Бадмаеву:

— Гражданин начальник! Мне удалось установить кое-что относящееся к «делу о руке майора Громова».

Тяжелым рывком начальник отдела поднялся с кресла и бас его радостно дрогнул:

— Правда? И есть надежда разоблачить эту растреклятую руку?

— Пока еще нет, — ответил Холмин.

— Тогда, что же вы установили?

— Что арестованные вами Селезнев, Ищенко и Захарчук невиновны и ничего о «руке» не знают.

— Не много же вам удалось установить, — разочарованно прогудел Бадмаев, опускаясь в кресло.

— Не все сразу, гражданин начальник, — сказал Холмин.

— Товарищ начальник, — поправил его Бадмаев. — Ведь вы теперь наш внештатный агент.

— Пусть будет по-вашему, — согласился Холмин. — Так вот, товарищ начальник, арестованных нужно освободить.

По плоской физиономии Бадмаева прошла тень удивления.

— Как освободить? Зачем? — спросил он.

— Сие невозможное дело, — тонкоголосно вступил в разговор капитан Шелудяк.

Заранее обдумавший этот разговор Холмин, без труда нашел приемлемое для энкаведистов объяснение:

— Освободить для того, чтобы они не пугались в следственном деле о «руке».

Начальник отдела мотнул вдавленным подбородком на своего заместителя:

— Ты эту тройку арестованных сильно разрисовал?

Шелудяк вытянув вперед физиономию, откликнулся фальцетом:

— Директора гостиницы не особо чтоб, поскольку он старый коммунист, а сапожника и коридорного, как положено.

— Вот видите, — повернулся Бадмаев подбородок к Холмину, — какое дело получается. Директора еще, пожалуй, можно выпустить, а остальных никак. Ведь они теперь, для антисоветской пропаганды могут служить образцами.

— Наипаче показательными, — вставил Шелудяк.

Холмину усилием воли удалось, хотя и с трудом, выдержать взгляд энкаведиста и спокойно ответить на его вопрос.

— Я прежде всего, беспокоюсь о пользе для дела, товарищ начальник.

— Это, конечно, хорошо, — сказал Бадмаев, — но я против освобождения Громовой.

— Поскольку врагиня явная, — визгливо добавил Шелудяк.

— Но, товарищи...

Восклицание Холмина оборвал звонок одного из телефонов, стоявших на столе начальника отдела. Бадмаев взял трубку и, приложив ее к уху, стал слушать. Постепенно его плоское, выхоленное лицо бледнело, потом начало сереть, принимая пепельный оттенок. Послушав с полминуты, он бросил трубку на аппарат и торопливо поднялся с кресла.

— Дождались, товарищи! В комендатуру только что прибыл особоуполномоченный Ежова. Произвел там панику, обругал всех и сюда идет.

Визг Шелудяка снизился до шепота:

— Держись, начинается! Предвижу терзания и чистку на все сто.

Бадмаев в волнении заходил по кабинету, растерянно гудя басом:

— Что делать, что делать? Приехал-таки. А у нас с чисткой неблагополучно. Следственные дела затягиваются. План арестов врагов народа не выполнен. По расстрелам тоже недовыполнение. С Угрю отношения испорчены и он нам свинью, наверняка, подложит. А тут еще эта растреклятая «рука майора Громова». Что делать?

— Ну и дела. Совсем неважнец. Зело хреновые. Крышка... вотще... засыпка... вкупе...

Глядя на них, Холмин еле сдерживал смех. Набегавшись по кабинету, Бадмаев остановился перед ним.

— Вы, товарищ агент, пока идите и занимайтесь вашим делом самостоятельно. Нам теперь не до майорских «рук». Предстоит кое-что поважнее. Без вызова ко мне не являйтесь. Если с уполномоченным все обойдется благополучно, то дня через три-четыре я вас вызову.

— Слушаюсь, товарищ начальник, — сказал Холмин и направился к двери. Однако, не успел он взяться за ее ручку, как дверь стремительно распахнулась и на пороге выросла фигура в расстегнутом мундире энкаведиста с полковничими знаками различия на воротнике.

— П-полковник, — произнес Шелудяк паническим полувицом-полушепотом, испуганно присев и, сейчас же, вытянувшись в струнку. Бадмаев стал, опустив руки по швам. Глядя на них, невольно вытянулся и Холмин.

— Здорово, товарищи! С комприветом от Ежова. Стоять вольно! — произнес вошедший.

Троє в кабинете ответили ему по-разному. Бадмаев выдавил из себя растерянное и сокращенное гудение:

— Здрав... тов... особуп...

— Здра! — испуганно икнул Шелудяк.

— Добрый вечер, — довольно спокойно и совсем не по-военному ответил Холмин, на которого появление полковника НКВД не произвело такого панического впечатления, как на остальных.

— Отвечаешь не по уставу, — бросил полковник, взглянув на него.

От его голоса и взгляда Холмин вздрогнул и поежился. Голос и глаза у полковника были неприятными: первый слишком властный и резкий, вторые слишком холодные и внимательные. Покоробило Холмина и то, что, еще не познакомившись с ним, энкаведист обратился к нему на ты. Поэтому Холмин ответил ему не особенно вежливо и опять не по-боенному:

— Я еще не успел познакомиться со здешним уставом.

— Давно тут на вахте? — спросил энкаведист.

— На какой вахте? — не понял Холмин.

— Ну, на работе.

— Со вчерашнего вечера.

— Так вот, браток, изучи устав. Быстро. По-флотски. Понятно?

— Понятно...

Полковник развалистой походкой, покачиваясь из стороны в сторону, подошел к все еще стоявшим навытяжку начальнику отдела и его заместителю и, подавая им руку, сначала одному, а затем другому, сказал:

— Будем знакомы, товарищи. Я полковник НКВД Гундосов, особоуполномоченный по чистке у вас. С комприветом, так сказать, от самого Николая Иваныча Ежова. Поскольку ваш район приобретает военно-морское значение, то прислали сюда меня. Проведу у вас чистку по-флотски, на большой палец с присыпкой. Чтоб у меня был порядочек, как на военном корабле. Во как, братишеки.

Бадмаев и Шелудяк представились ему и почтительно пожали полковничу руку. Он вразвалку подошел к Холмину и спросил:

— А ты, братишка, кто тут такой?

Бадмаев поспешил вмешаться, не дав Холмину ответить:

— Это, товарищ особоуполномоченный, наш новый агент. Мы его мобилизовали на специальную работу.

— Откуда мобилизовали? — спросил Гундосов.

— Из тюрьмы, — запнувшись ответил начальник отдела.

— В качестве кого там работал?

— Не... работал. Находился под стражей, как подследственный.

— Ага! Значит, вы хотите его использовать, как сексота. По части внутрикамерного освещения заключенных?

— Нет, товарищ полковник. У него другое задание.

— Какое?

Начальник отдела беспомощно оглянулся на своего заместителя. Тот злорадно ухмыльнувшись, отвел глаза в сторону и сделал вид, что очень интересуется окном. Гундосов накинулся на Бадмаева:

— Почему не отвечаешь старшему по чину?

— Дело в том, товарищ особоуполномоченный, — растерянно загудел начальник отдела, — что у нас здесь появилась... «рука майора Громова».

— Кто?

Бадмаев коротко, но довольно бессвязно рассказал о происшествиях последних дней. Выслушав его, Гундосов взорвался криком:

— Полундра! Гроб с музыкой! Что же это такое, братишек? А? Кто вам тут позволил вражеские руки расплодить? А? Шуточками занимаешься? Это вместо чекистской работы по чистке? Ах, чтоб вас морская корова доила! Как я про все это Николаю Иванычу в рапорте напишу? И куда он меня, после этого, загонит? И куда я вас до этого? Посажу! Всех троих! Расстреляю! К стенке! В расход!

Начальник отдела и его заместитель стояли перед ним ни живы, ни мертвые и тряслись. Холмин хотя и не был перепуган, как они, но настроение его сразу понизилось. Он не боялся попасть снова в тюрьму, так как достаточно к ней привык, но ему было жаль Ольгу; ведь если разгневанный энкаведист выполнит свои угрозы, то Холмин уже ничем не сможет ей помочь, а, может быть, никогда и не увидит ее.

Накричавшись, Гундосов по-хозяйски сел за стол в кресло Бадмаева и сердито бросил ему:

— Почему к расследованию убийств привлекли заключенного, а не используете милицию и уголовный розыск?

Бадмаев и Шелудяк заговорили наперебой дрожащими голосами и бас первого слился с фальцетом последнего так, что едва можно было разобрать их объяснения:

— Холмин опытный специалист, а в милиции и Угро подходящих работников нет.

— Не обретается ни единого.

— Как нет? Кто же там вахту держит?

— Враги, вредители, пьяницы, лодыри...

- Аспиды и василиски...
- И много там врагов народа?
- Имеются.
- В количестве предостаточном.
- Почему не пересажали?
- Без санкции центра не имеем права.
- Ладно. У меня такие санкции есть.

Проведу там чистку со скоростью тридцати узлов в час.

Физиономии Бадмаева и Шелудяка несколько прояснились; оба видимо надеялись, что им удастся отвести грозу от своих голов и направить ее на головы их врагов. Полковник Гундосов подумал, побарабанил пальцами по столу и обратился к Холмину:

— Как, браток, сумеешь найти «руку» этого самого майора?

Успокоенный тем, что заключение ему пока не грозит и он может попытаться помочь Ольге и увидеть ее, Холмин ответил смело:

- Не сумею, если мне будут мешать.
- Кто тебе мешает? — спросил Гундосов.
- Отдел НКВД и вы, товарищ полковник.
- Я?! Чем?! — воскликнул удивленный энкаведист.

— А тем, что на меня кричите и угрожаете расстрелом.

Гундосов засмеялся.

— Э-э-э, братишка! Да ты, я вижу, колючий, как глубоководная рыба. Ладно, я мешать не буду. А в чем тебе мешает отдел НКВД?

— Да вот, товарищ полковник, для пользы дела необходимо освободить двух заключенных, а отдел этому противится.

Холмин торопливо объяснил почему, по его мнению, нужно освободить Ольгу Громову и директора гостиницы Селезнева. При этом, он ни в чем не обвинял Бадмаева и Шелудяка, не желая окончательно портить и без того неважные отношения с ними, а говорил об отделе НКВД вообще. К удивлению Холмина, энкаведист сразу же согласился с его доводами.

— Ладно, браток. Ты прав, как бодманская дудка. Директора и громовскую девку мы освободим. Чего тебе еще нужно?

— Пока ничего особенного, — ответил Холмин. — О кое-каких мелочах, я, надеюсь, мы сговоримся с товарищем начальником отдела.

— Ладно, действуй. Ищи. Только быстро. По-аварийному.

— Да уж, как смогу.

Гундосов снял фуражку и, положив ее на стол, вытер пот со лба.

— А теперь, братишечки, мне бы помыться, да побриться с дороги. Каютка какая-нибудь тут у вас для меня найдется?

— Не беспокойтесь. Мой заместитель вас устроит, — приказывающе мотнул подбородком Бадмаев на Шелудяка.

Тот подскочил к Гундосову и залебезил подобострастно и фальцетно:

— Кают, товарищ полковник, у нас покудова не обретается, а токмо кабинеты следователей. Мы вам лучший из оных предоставим, а я наших ребят в гостиницу пошлю, чтоб они там для вас подходящий номерок оторвали.

— Кабинет, так кабинет, — согласился Гундосов. — Я и к таким квартирам привыч-

ный. Давно уж морское жительство на сухопутное сменил.

— А до работы в органах карающего меча моряком изволили служить? — заискивающе поинтересовался Шелудяк.

— Ну-да. Плавал, — подтвердил Гундосов.

— На каком, извиняюсь, корабле?

— На «Авроре». Слыхал про такой?

— Как же, как же, — замахал руками Шелудяк. — Краса и гордость революции. Контру в Зимнем дворце расстреливал. Подобного корабля на всех океанах не сыщешь, дондеже не посинеешь. Это-ж такой геройский...

— Послушай, браток, — прервал Шелудяка Гундосов, — откуда ты таких выражений набрался?

— Каких? — испуганно пискнул Шелудяк.

— Старомодных. Всяких дондеже, оных и такое прочее.

Шелудяк беспомощно оглянулся на своего начальника, но тот прийти ему на помощь не собирался. Наступила очередь Бадмаева злорадствовать и любоваться окном, что он с удовольствием и сделал.

— Ну?! Чего молчишь? Язык в живот влез? — рявкнул Гундосов на перепуганного энкаведиста.

— Нет, товарищ полковник, — тоненько залепетал Шелудяк. — Свой ответ вам обдумыва втуне.

— А ты без обдумываний. Говори правду, как есть.

— Привычка у меня зело вредная. С малых лет. От отца.

— А кем был твой отец?

— Дьячком.

Гундосов ударил кулаком по столу.

— Этого еще нехватало. Дьячек в НКВД пролез.

— Товарищ полковник! — взмолился Шелудяк. — Я в дьячках не состоял. То мой отец. А я от Бога давно отрекся, и отца, как вредителя, перед органами Чека разоблачил...

Это признание вызвало у Холмина чувство гадливости и презрения к энкаведисту. По лицу Гундосова было видно, что и ему не нравится сын дьячка.

— Я, товарищ полковник, тружусь честно и старательно. Оправдываю доверие партии и правительства, — ныл Шелудяк.

— Заглаживаешь, значит свое непролетарское происхождение? — насмешливо спросил Гундосов.

— Заглаживаю, товарищ полковник.

— Ну-ну, заглаживай. Да смотри не сорвись.

Гундосов еще раз стер ладонью пот со лба и сказал, отдуваясь:

— Ф-фу! Ну и жарко у вас, братва. Как в тропиках.

— Лето, товарищ полковник. Оно у нас жаркое, — неопределенно заметил Бадмаев.

Гундосов резко оборвал его:

— Мне, товарищ майор, не от лета жарко, а от ваших порядочков. В комендатуре у вас такие балбесы сидят, что даже и документы мои не спросили. Ваших работников какая-то «громовая рука» убивает, а вы ушами хлопаете. Заключенные убийства расследуют. Дьячки подследственных допрашивают. Не отдел НКВД, а

прямо потонувший корабль... Что я напишу Николаю Иванычу? Вот думаю и ничего не придумывается.

Он замолк и подпер щеку рукой. Бадмаев и Шелудяк почтительно стояли перед ним. Холмин, которому надоело стоять, присел на «последственный стул» у двери и оттуда рассматривал полковника Гундосова.

У сидящего за столом энкаведиста были широкие, слегка сутуловатые плечи и орлиный, энергичный профиль лица с тонкими, красивого рисунка чертами, высокий лоб и небольшие, прижатые к голове уши.

«В молодости он, наверно, был красивым матросиком, — подумал Холмин, разглядывая его, — а теперь»...

Теперь красоту этого мужчины, которому было не больше пятидесяти лет, портили бритый по партийной моде череп, синевато-бледный нездоровы цвет обрюзглого бескровленного лица и глаза, слишком холодные, внимательные, шупающие и оценивающие.

«Чекистские глаза», — поежился Холмин, подумав о них.

Посидев несколько минут в раздумьях за столом, Гундосов встал и обратился к Шелудяку:

— Ну, пошли, дьячек! Покажи, какую каютку ты мне отвести наметил.

— Пожалуйте, товарищ полковник. Мировой кабинет вам отведем. Напротив каменданской камеры. Пожалуйте вперед, а я за вами, аки свеша, — засуетился Шелудяк.

Они вышли. Бадмаев и Холмин остались вдвоем.

ГЛАВА 11.

ЧАСОВОЙ ВИДИТ ПРИВИДЕНИЕ

Бадмаев прошелся по комнате, крутя подбородком, и тяжело сел в кресло за стол. Посидел, подумал и спросил:

— Видали?

— Что? — не понял Холмин.

— Этого... морячка.

— Видал.

— И что о нем скажете?

— Серьезный мужчина, — неопределенно заметил Холмин.

— Даже слишком, — мотнул подбородком начальник отдела. — Пропишет он нам свою флотскую серьезность. Вы песенку про таких типов знаете?

— Что-то не помню.

— Была весна, цвела сирень и пели пташечки,

Матросик с Балтики приехал погостить, —

прогудел Бадмаев и остановился махнув рукой.

— Дальше позабыл. Но с меня и этих строчек достаточно. Приехал погостить, провести чистку и нас пересажать. Вот приезжают такие матросики времен октябрьской революции, ничего в делах НКВД не смыслящие, и учиняют погром. Шумят, скандалят, сажают, стреляют и нашими головами ордена зарабатывают. И привнесла же его холера, да еще в такой момент.

— Может быть, товарищ начальник, все еще и обойдется, — попробовал успокоить его Холмин.

Бадмаев с сомнением покачал подбородком.

— Для вас возможно, а для меня вряд ли. Но поживем — увидим. Вы вот что. Перед этим матросиком с Балтики не особенно извивайтесь. Пускай перед ним вьется Шелудяк со своими сторонниками. Матросик нас всех не пересажает. Он уедет, а вам жить придется с теми, кто здесь останется.

Последние слова Бадмаев произнес с явно выраженной угрозой. Холмин поспешил заверить его в своей незаинтересованности делами начальства:

— Меня, товарищ майор, ваши взаимоотношения с уполномоченным товарища Ежова не касаются, а к доносам я склонности не имею. В отделе намерен заниматься только тем, что вы мне поручили.

— Хорошо. Договорились, значит. Если узнаете что-нибудь важное, немедленно звоните мне по телефону и мы условимся о встрече.

— Мне, товарищ майор, для работы требуется удостоверение личности, — сказал Холмин.

— Вам его выдадут, — пообещал Бадмаев.
— Завтра утром зайдите в комендатуру. Там для удостоверения вас сфотографируют и снимут отпечатки ваших пальцев. Все у вас?

— Почти. Еще мне хотелось бы принять участие в освобождении Громовой из тюрьмы.

— То-есть, как это — принять участие? — не понял Бадмаев.

— Вручить ей справку об освобождении и проводить ее домой, — объяснил Холмин.

По плоской физиономии начальника отдела поползла кривая усмешка и он спросил:

— Для чего это вам нужно? Для пользы дела, как вы всегда твердите, или уже успели увлечься дочерью майора.

Холмин покраснел, но продолжал настаивать:

— Конечно, для пользы дела. Познакомившись с нею, я, может быть, узнаю у нее кое-что интересное о «руке майора Громова».

— Хорошо, — согласился Бадмаев, подумав. — Вы отвезете ее домой в моем автомобиле. Сейчас я напишу комендатуре распоряжение об этом.

Он притянул к себе лежавший на столе служебный блокнот и начал писать в нем. Прошло несколько минут. Энкаведист вырвал из блокнота исписанный лист бумаги, запечатал его в конверт и, подавая Холмину, сказал:

— Отдадите это дежурному комендатуры. Не распечатывая, понятно.

— Спасибо, товарищ начальник, — радостно вырвалось у Холмина.

Начальник отдела, неодобрительно замотав подбородком, прогудел нечто вроде нравоучения:

— Любовь часто мешает работе. Не забывайте этого.

— Постараюсь не забыть, товарищ майор, — заверил его Холмин.

— Идите отдыхать, — коротко бросил Бадмаев.

Из его кабинета Холмин вышел с глубоким вздохом облегчения и в приподнятом настроении. Его усилия помочь Ольге увенчались успехом и завтра он опять увидит ее.

Холмин отошел всего лишь на несколько шагов от кабинета Бадмаева и, вздруг, был ос-

тановлен диким воплем, очень мало похожим на человеческий, донесшимся к нему из противоположного конца коридора. Холмин посмотрел туда и замер, пораженный. Оттуда бежал на него, с винтовкой наперевес, боец внутренней охраны отдела НКВД; к винтовке был примкнут штык.

Холмин прижался к стене, озираясь вокруг ища взглядом какое-нибудь оружие самозащиты. Оружия не было, но, не добежав до Холмина метров десять, охранник отбросил винтовку; она загремела по полу; боец, споткнувшись о ее приклад, ткнулся головой в стену и свалился рядом. Лежа на полу, он продолжал дико вопить. Не без труда удалось Холмину разобрать в его крике отдельные слова:

— Товарищи! Помогите! Спасите! Привидение ходит. Мертвое. Страшное. Помогите!..

Он кричал так громко, что его вопли достигли ушей энкаведистов в кабинетах через двери, обитые слоями ваты и толстым войлоком. Коридор сразу наполнился людьми. Из кабинетов высекакивали следователи и теломеханики. Пришел встревоженный Бадмаев вместе со своим секретарем-юнцом. Запыхавшись, прибежал Шелудяк. На пороге отведенной ему «каютки» показался «матросик с Балтики» с бритвой в одной руке и полотенцем в другой.

Охваченный каким-то непонятным для окружающих его энкаведистов ужасом, охранник ползал по полу, захлебываясь криком:

— Товарищи!.. Привидение!.. Спасите!..

Первым из всех, столпившихся в коридоре, опомнился от удивления Бадмаев. Он зашиво-

рот рывком поднял человека с пола, сильно встярхнул его и приказал раскатистым басом:

— А ну, замолкни! Закрой свою пасть!

Охранник послушно замолчал. Начальник отдела встярхнул его еще раз.

— Теперь говори толком. Что с тобой произошло?

Весь дрожа, охранник еле выдавил из себя:

— Привидение, товарищ начальник.

— Где? — изумленно прогудел Бадмаев.

Охранник трясущейся рукой ткнул в дальний конец коридора.

— Там.

— Что ты плетешь? Какое привидение?
Кто?

— Мертвяк...

— Какой мертвяк?

— Майор... Громов...

По толпе энкаведистов прокатилась волна удивленного шепота. Кое-где послышались смешки. Никто не поверил охраннику и не принял его слов всерьез. Слишком неправдоподобным показалось всем появление призрака, да еще в таком неподходящем для этого месте, как отдел НКВД.

— Да это сплошная чепуха, — возмущенно загудел Бадмаев и сейчас же приказал столовившимся в коридоре:

— Расходись по местам работы, товарищи! Ничего интересного здесь нет. Этот боец внутренней охраны, повидимому, с ума снятил.

— Нет-нет, товарищ майор, — запротестовал охранник. — Я не спятил. Я видел мертвяка. Видел привидение.

— Мы с тобой об этом сейчас в моем кабинете побеседуем, — угрожающе пообещал начальник отдела. — Иди за мной. И вы тоже, — мотнул он подбородком через плечо Холмину.

Толпа в коридоре стала быстро редеть. Кто то из энкаведистов подобрал брошенную винтовку. Бадмаев втолкнул охранника в свой кабинет. Вслед за ними вошел и Холмин. Спустя минуту прибежал Шелудяк, почтительно распахнув дверь перед недобравшимся полковником Гундосовым. Последний по-хозяйски занял кресло, начальник отдела и его заместитель расположились на стульях у стола; Холмину опять пришлось сесть на «подследственный стул» возле двери.

— Давай рассказывай, какое привидение ты там видал, — потребовал Бадмаев у перепуганного энкаведиста...

Из сбивчивого, прерываемого вопросами присутствующих, рассказа охранника, выяснилось следующее:

Стоя часовым на площадке лестницы второго этажа, он нечаянно задремал, а когда открыл глаза, то увидел перед собою человека в армейской шинели с поднятым воротником и надвинутым на лицо козырьком фуражки. Так как человек не был энкаведистом, то часовой окликнул его и потребовал пропуск. Ничего не ответив, человек медленно прошел мимо. Часовой крикнул ему вслед:

— Давай пропуск! Не то стрелять буду!

Человек остановился, оглянулся на часового и произнес глухим безжизненным голосом:

— В меня нельзя стрелять. Я уже расстрелян.

Лицо у него, по словам часового, было «невивое, как у мертвяка». Он медленно пошел дальше, опустив, при этом, воротник шинели и часовой увидел, что весь затылок его в крови, а в центре этого кровавого пятна зияет дырка.

— Я так спужался... До смерти спужался... И кинулся в бег, — закончил свой рассказ охранник, все еще дрожа от страха.

— А куда девался тот? — спросил Бадмаев.

— Не знаю. Не видал.

— Почему вы думаете, что это был Громов? — задал вопрос охраннику Холмин.

— Как же не знать, — ответил тот. — Сколько разов я его на допросы конвоировал.

— Товарищи, по-моему он, все таки спятил, — указал подбородком на охранника Бадмаев. Шелудяк закивал головой быстро и утвердительно. Холмин, разглядывая охранника, пожал плечами, подумав при этом:

«Может быть, Бадмаев и прав. У парня действительно вид не совсем нормального человека».

Однако, полковник Гундосов был иного, более практического мнения об этом. Он быстро встал с кресла, подошел к охраннику и, глядя на него в упор, приказал:

— А ну, дыхни!

Энкаведист засопел, отворачивая лицо в сторону.

— Нет, ты на меня дыхни, — потребовал Гундосов.

Энкаведист засопел прямо ему в лицо. Гундосов отшатнулся, потом ткнул его кулаком в зубы и заорал:

— Ты пьяный, гад!

— Товарищ полковник! Я в буфете, перед дежурством, одну стопку выпил. Кто же с этого пьяный бывает? — взмолился охранник.

Бадмаев тоже подошел к нему, принюхался и подтвердил слова Гундосова:

— Пьян. Все ясно.

Ударом кулака он свалил энкаведиста на пол, пнул его ногой несколько раз и приказал своему заместителю:

— Товарищ Шелудяк! В карцер этого алкоголика! На хлеб и на воду до особого распоряжения.

— Слушаюсь! — звонко изогнувшись, выскакивая из кабинета.

Минуты через три он вернулся в сопровождении двоих конвоиров, которые сейчас же увезли несчастного охранника, избитого Бадмаевым.

ГЛАВА 12

ТРЕТЬЯ ПУЛЯ

Когда за охранником и конвоирами закрылась дверь, Бадмаев, обращаясь к Холмину, сердито прогудел:

— Ну, что вы скажете об этом?

Углубившийся в размышления о только что произошедшем, Холмин не расслышал вопроса.

— Простите. Что вы сказали?

— Я спросил, что вы нам скажете об этом происшествии, — повторил начальник отдела.

— Скажу, что по-моему, вы напрасно побили и приказали посадить в карцер вашего бойца внутренней охраны, — ответил Холмин.

— То-есть, как напрасно? — загудел Бадмаев возмущенным басом. — Этот растреклятый алкоголик допивается до привидений и производит у меня панику на весь отдел. Бросает винтовку и бежит с поста охраны. Ему с пьяных глаз мертвецы чудятся, и он про них плетет такую чушь, что уши вянут. А вы говорите — напрасно.

— За такие штуки, братишеки, его нужно крепко взгреть, — поддержал начальника отдела полковник Гундосов.

— Ежели в порядке чекистской обдительности, то под вражескую вылазку надобно подвести и на конвейере катать, дондеже не пропроехает, — вставил фальцетом капитан Шелудяк.

— Погодите товарищи! — остановил их Холмин. — Не знаю, был он пьян или нет; я к нему не принюхивался. Но кое-что он, все таки, видел. То, что я очень хотел бы увидеть.

— Что он видел, по-вашему? — потянулся подбородком Бадмаев к Холмину.

— Фигуру в армейской шинели с поднятым воротником и низко надвинутым на лицо козырьком фуражки, — ответил Холмин.

— Ему спьяна почудилось, — махнул рукой Гундосов.

— Но точно такую же фигуру видели и в гостинице. В тот вечер, когда там был убит лейтенант Карнаухов. Или служащие гостиницы тоже были пьяными? Тогда не кажется ли вам

странным, что в разных частях города и разным пьяницам вдруг стали чудиться мертвецы одинаковой внешности?

Уполномоченный Ежова поскреб пальцами свой бритый затылок.

— Действительно, браток, странная штуковина получается. Вроде матросской сказки про Летучего Голландца.

Начальник отдела мотнул подбородком на Холмина.

— Как вы нам это объясните?

— Точного объяснения я пока дать не могу, — ответил тот.

— А еще спец, — ехидно пискнул Шелудяк.

— Во всяком случае, — сказал Холмин, — охранник и служащие гостиницы видели одну и ту же фигуру в шинели.

Капитан Шелудяк, захихикав, пропищал громче:

— Объяснение неважнец. Весьма сумнительно.

— Найдите лучше, — раздраженно бросил ему Холмин.

— А я не спец, хи-хи, — тоненько хихикнул заместитель начальника отдела.

— Тогда помолчите, и меня послушайте, — сказал Холмин, встав со стула и подойдя к столу вплотную.

Испуганно втянув голову в плечи, Шелудяк замолчал. Не обращая на него внимания, Холмин обратился к Бадмаеву:

— У меня, товарищ начальник, сейчас возникла мысль, в связи с которой я хочу вам задать один вопрос.

— Задавайте, — кивнул подбородком начальник отдела.

— Действительно ли майор Громов мертв?

Бадмаев, взглянув на него с недоумением, загудел:

— Ну, как же! Ведь мы же Громова шлепнули.

— А кто его видел расстрелянным?

— Прежде всего, наш комендант. Ведь он же его ликвидировал.

— И он может это подтвердить?

— В любой момент. Если хотите, я его даже сейчас вызову.

— Пожалуйста.

Бадмаев взялся за телефонную трубку.

— Говорит начальник отдела НКВД. Дайте мне квартиру нашего коменданта... Это кто? Здравствуйте. Позовите к телефону коменданта. Что. Уехал? Когда?... Куда уехал? Ага. Хорошо. До свиданья.

Начальник отдела положил трубку.

— Жена коменданта говорит, что он уехал сюда. Около часа тому назад. Во время паники в коридоре я его что-то не заметил. Наверно он у себя в камере. Ему сегодня работка предстоит: шестеро подрасстрельных.

Сердце Холмина дрогнуло от жалости к людям, приговоренным к казни в эту ночь, о которых с таким равнодушием говорил начальник отдела НКВД.

Бадмаев взял другую трубку.

— Дайте мне комендантскую камеру!

Полминуты он, молча слушал, приложив к уху трубку, потом с досадой бросил ее на аппарат.

— Не отвечает. Спит он там, что-ли?

Полковник Гундосов неодобрительно покачал головой.

— Ну и работнички у тебя, браток. Прямо — не бей лежачего матроса.

— Я за ним сейчас секретаря пошлю, — сказал начальник отдела, нажимая кнопку звонка на столе.

В дверях мгновенно выросла фигура юнца в мундире, опровергая всем своим подтянутым видом и незамедлительным появлением, только что высказанное нелестное мнение полковника Гундосова о работниках отдела.

— Пойдите в комендантскую и вызовите ко мне коменданта! Спешно! — приказал секретарю Бадмаев.

— Слушаюсь! — вытянулся юнец и, повернувшись на каблуках, выскочил из кабинета.

Не прошло и минуты, как он снова вскочил в кабинет и доложил, вытягиваясь:

— Товарищ начальник! На стук из комендантской никто не отвечает.

— Что же, там никого нет? — спросил Бадмаев.

— Есть, товарищ начальник. Ключ в замке торчит изнутри.

— Ты наверно плохо стучал. Не по-флотски, — предположил Гундосов.

— Кулаком стучал, товарищ полковник. Изо всех сил, — почтительно возразил юнец, вытягиваясь еще больше.

— Во-от так, коменда-ант, — насмешливо протянул Гундосов, — тоже, пожалуй что, алкоголик вроде отставного боцмана.

Плоская физиономия начальника отдела побагровела, но он сдержался и сказал Холмину:

— Ваш разговор с комендантом придется отложить на завтра.

— Мне бы, товарищ начальник, не хотелось откладывать, — настойчиво возразил Холмин. — Появление у вас в отделе «какого-то военного» наталкивает меня на некоторые размышления, вернее предположения, требующие немедленной проверки.

— Какие предположения, браток? — с интересом спросил Гундосов.

— Разные. Там видно будет — верны они или нет, — уклончиво ответил Холмин.

— Где это видно будет?

— В комендантской камере.

— Но ведь не можем же мы сами туда сейчас итти, — недовольно прогудел Бадмаев.

— А почему бы и нет? — спросил Холмин.

— Верно, браток, — поддержал его Гундосов, вставая с кресла. — Двинем туда все. Быстро. По-флотски. Со скоростью тридцати узлов в час.

— У нас, товарищ полковник, здесь не флот, — вышел из себя Бадмаев.

— Не возражать старшему по чину! — зардал Гундосов. — Я вас тут всех заставлю работать по-флотски. Потому, как я у вас нынче капитаном. Понятно?.. Слушай мою команду: свистать всех в комендантскую! Пошли!

Он первым вышел из кабинета. За ним очень неохотно последовал начальник отдела, которого Холмин пропустил вперед. Шествие замыка-

ли, трясущиеся от страха перед Гундосовым, капитан Шелудяк и юнец Бадмаева.

Дверь комендантской камеры, как и доказывал этот юнец, оказалась запертой: в замочной скважине виднелся ключ, вставленный изнутри. На стук никто не отвечал.

— Взломать! — приказал Гундосов.

— Пощто ломать, товарищ полковник! — осторожно возразил Шелудяк. — Сию дверь мы в момент и без взлома отвернем. У нас в комендатуре такие спесы по дверям, из бывших урок, имеются, что ай-ай-ай.

— Ну давайте вашего спеса, — согласился Гундосов.

— Сбегай в комендатуру и приведи оттуда человека с отмычками, — приказал начальник отдела своему секретарю.

— Слушаюсь, — откликнулся юнец и стремглав помчался по коридору.

Не прошло и двух минут, как он, запыхавшись, прибежал обратно в сопровождении низкорослого молодого парнишки с очень быстрыми и ловкими движениями рук. Через плечо у парнишки висела сумка, похожая на футляр фотографического аппарата.

— Сможешь, браток, открыть нам эту дверь? — спросил его Гундосов.

— Отчего же не смочь? Замок простой, — ответил парнишка.

— Тогда действуй! Быстро и точно, как на корабельной вахте.

— Есть, капитан! — ухмыльнувшись, воскликнул парнишка, видимо уже успевший узнать у бадмаевского юнца, кое-что о морских привычках полковника Гундосова.

Восхищание бывшего уголовника Гундосову понравилось и он обратился к своим спутникам с чем-то, вроде краткого поучения:

— Вот учитесь, братишеки. Бывший урка, а морское обращение понимает. Сразу видать, что человек по-флотскому культурный. Не то, что вы. Берите пример, братва.

Бадмаев и Холмин промолчали. Только капитан Шелудяк подобострастно пропищал:

— И мы тоже можем, ежели таковое ваше желание.

Юнец, вслед за Шелудяком, потянулся к полковнику, не желая отставать в лести от начальства, но, встретив свирепый взгляд узких глаз Бадмаева, поперхнулся словами.

«Специалист по дверям», тем временем снял с плеча свою сумку и раскрыл ее. Глазам Холмина и остальных представился набор миниатюрных отмычек. Парнишка взял одну из них, всунул в замочную скважину, повернул и выкинул ключ внутрь камеры. Второй отмычкой он поковырял в замке и произнес, распахивая дверь:

— Готово! Пожалуйте, товарищи!

Вся эта операция заняла у него лишь несколько секунд. Восхищенный Гундосов хлопнул его по плечу.

— Ловкач. Хвалю. Скорость морская. Из тебя, браток не плохой бы морячек вышел.

Он шагнул в камеру и сейчас же попятился назад со словами:

— Что это такое?

Вошедший вслед за ним Холмин, увидел лежащего на полу человека в мундире энкаведиста. Он лежал лицом вверх, запрокинув голову

так, что лица его не было видно. Вокруг головы, по грязному цементному полу, покрытому побуревшими пятнами крови, расплылась лужа свежей. Ее запах смешивался с затхлой трупной вонью, ежедневно расстреливаемых здесь.

— Ну, что вы нашли? Спящего коменданта? — спросил Бадмаев входя в камеру. Из-за его спины, с двух сторон выглядывали физиономии капитана Шелудяка и секретаря.

— Труп нашли, — коротко ответил Холмия.

— В комендантской камере трупам быть полагается, — сказал Бадмаев, мельком взглянув на лежащего. — Значит комендант ликвидировал одного подследственного и отправился в буфет выпить и закусить. У него привычка такая.

— Убитый в мундире НКВД и на груди у него что-то белое, — сказал Холмин.

Гудящий голос Бадмаева дрогнул:

— Как в мундире? Что белое?.. Ну-ка, добавьте свету, а то при этой настольной лампе с абажуром ничего не разберешь.

Секретарь щелкнул двумя выключателями и камера озарилась ярким электрическим светом. В то же мгновение Шелудяк истерично взвизгнул:

— Это комендант!

— И записка у него на груди, братишечки, — хрюкло прошелстал Гундосов.

Плоская белая физиономия Бадмаева посерела и он спросил дрожащим басом:

— Что в записке?

Холмин наклонился над нею, прочел и сказал:

— То же самое, что и в предыдущих.

— Прочтите мне вслух.

— «Убийцы майора Громова будут убиты рукой майора Громова», — прочел Холмин.

— Вот это да! Громкое мокрое дело в нашем отделе. Американский боевик, как в кино!

— восхлинул «дверной специалист», заглянувший в камеру из коридора. Гундосов цыкнул на него и «специалист» поспешил убраться в комендатуру.

Лицо Бадмаева стало совсем серым, а его бас загудел панически:

— Такое преступление и, главное, где? В моем отделе. Это третья пуля растреклятой «руки». А в кого она пустит четвертую?.. В меня... в меня.

— Погоди паниковать, браток, — остановил его Гундосов. — Давайте прежде разберемся в этом деле. Вот, как, например, убийца сюда попал и как отсюда выбрался?

— Как он сюда попал, я пока не знаю, — сказал Холмин, а выбрался просто: ушел, захлопнув за собой дверь. Смотрите сами: замок здесь переделан на американский лад и замыкается автоматически...

Осмотр трупа и места преступления продолжался до рассвета, но никаких следов убийцы обнаружить не удалось. Комендант был убит выстрелом в затылок, с близкого расстояния, пулей из нагана. На лице убитого застыло выражение такого ужаса, как будто он, перед смертью, увидел что-то очень страшное. Холмин обратил на это внимание присутствующих и поинтересовался:

— А на лицах убитых управдома и лейтенанта Карнаухова тоже было такое выражение?

Ему ответил Шелудяк:

— Тело управдома я не обозревал, а Карнаухов, видать, спужался такожде...

Вызвали агента с собакой-ищейкой и здесь повторилось то, о чем Холмину уже рассказывал капитан Шелудяк. Собака вбежала в камеру, понюхала пол и начала беспрерывно чихать.

Энкаведисты смотрели на все, разинув рты. Холмин, наблюдал за нею, искал и не находил никакого объяснения ее странному «насморку».

«Отчего же она чихает?» — думал он.

ГЛАВА 13

ПРОГУЛКА НЕ СОВСЕМ ПРИЯТНАЯ

— Скорей! Скорей! — торопил Холмин тюремного надзирателя.

— Чичас, чичас, товарищ. И куды это вы так торопитесь? — ворчал тот, перебирая связку ключей от камер и никак не находя нужный...

После бессонной и тревожной ночи в отделе НКВД Холмину не пришлось поспать. От этого и от беготни с раннего утра по отделу и входившим в его ведомство учреждениям у него сильно разболелась голова. Но головная боль была пустяком в сравнении с тем, что ожидало

его сегодня. Ведь ему, все-таки, удалось добиться освобождения Ольги и он надеялся увидеть ее теперь не только в тюрьме, но и на воле.

Еле дождавшись окончания дактилоскопического исследования записки, снятой с груди убитого коменданта, которое не дало никаких результатов, так как отпечатки пальцев на ней обнаружены не были, Холмин поспешил в комендатуру. Там он отдал конверт Бадмаева дежурному и, с замиранием сердца, стал ждать, что будет дальше. Дежурный распечатал конверт, прочел его содержимое, несколько раз, во время чтения окинув Холмина внимательным изучающим взглядом и приказания начальника отдела исполнил немедленно: выписал ордер на освобождение Ольги Громовой, позвонил в гараж и распорядился, чтобы подготовили автомобиль и дал Холмину две записки — одну к отдельскому фотографу, а другую к сотруднику, занимавшемуся съемками отпечатков пальцев для служебных удостоверений.

— А сфотографироваться и сделать отпечатки пальцев можно будет завтра? — спросил Холмин. — Я сегодня очень занят.

— Как хотите, — ответил энкаведист.

Обрадованный тем, что все так хорошо устроилось, Холмин пошел в гараж, чтобы поторопить шофера с поездкой, но остановился на полдороге, вспомнив вдруг о своей внешности.

«В том виде, как я есть, явиться к Ольге никак невозможно, — подумал он. — Надо бы побриться и тюремный костюм сменить. Без этого нельзя».

Недолго думая, он отправился в парикмахерскую НКВД, а оттуда — в закрытый мага-

зин-распределитель. Спустя час в нем, не без труда, можно было узнать арестанта, освобожденного из тюрьмы около двух суток тому назад. Он ехал на автомобиле самого начальника отдела НКВД, был гладко выбрит, одет в шевиотовый костюм, щегольские коричневые туфли и с модным галстуком на шее. Лишь по бледно желтому, с синеватым оттенком, цвету лица, да по мутной дымке в глазах, внимательный наблюдатель мог бы определить, что этот франт совсем недавно сидел в тюрьме.

Холмин был счастлив, предвкушая свидание с любимой девушкой и, в то же время, огорчался, что для этого его внешность не особенно подходит. Он трогал свой нос «картофельного образца», проводил рукой по щетке стриженых волос и, вспоминая о когда-то бывшем на ее месте пышном чубе, сокрущенно вздыхал...

Тюремный надзиратель, которого Холмин вывел из состояния перманентной дремоты, был страшно недоволен этим и долго, с ворчанием искал ключ в связке. Наконец, найдя нужный ключ, он открыл им дверь и Холмин вошел в камеру Ольги, держа в правой руке, как знамя, ордер на ее освобождение.

— Можно к вам? — спросил он, уже войдя и, из-за торопливости, вспомнив с опозданием о правилах вежливости.

— Конечно, можно, — отозвалась девушка и добавила иронически:

— Ко мне тюремщики входят без предупреждения и я к этому, кажется, уже начинаю привыкать.

— Но я не тюремщик, — воскликнул он, — а, в некотором роде ваш освободитель! Ведь я пришел освободить вас!

Щеки Ольги вспыхнули румянцем возмущения. Она отвернулась и сказала:

— Какая глупая шутка!

Холмин бросился к ней.

— Это не шутка. Вы — свободны. Вот ордер на освобождение.

Взглянув на бумагу и все еще не веря, она спросила:

— Значит, это правда?

— Да, да. Вы освобождены, — настойчиво повторил он. — Собирайте ваши вещи и — поскорее отсюда.

— Но у меня ничего нет кроме... носового платка. При аресте мне не разрешили взять никаких вещей.

— Тогда пойдемте.

В устремленных на него глазах девушки он прочел радость и благодарность. Свой взгляд она подтвердила словами:

— Я вам очень благодарна. Только не понимаю, почему вы обо мне так заботитесь. Вот даже бумажку об освобождении мне принесли.

— Ах, если бы вы знали почему, — невольно вырвалось у него.

— Я и хочу знать.

Холмин во-время спохватился, учтя то, что тюремная камера совсем не место для признаний, да и признаваться такой девушке в чем-либо, после двух встреч с нею, было, все-таки, рановато. Поэтому он ответил уклончиво:

— Сейчас я... не могу. Как-нибудь... потом.

— Вы думаете это потом... будет? — многозначительно спросила девушка.

— Я... надеюсь, — запнувшись ответил Холмин.

— А я нет... Нет! — воскликнула она с подчеркнутой решительностью. Затем очень внимательно посмотрела на него и произнесла в раздумье:

— Повидимому, не все энкаведисты одинаковы...

Из тюрьмы они вышли, волнуемые различными чувствами: Ольга — радостью освобождения, Холмин тем, что идет рядом с любимой девушкой, любуясь и восхищаясь ею. Выйдя из темного коридора на залитый солнцем тюремный двор, она закрыла глаза и пошатнулась. Холмин подхватил ее под локоть, весь задрожав от прикосновения к ней, но она отстранилась со словами:

— Нет — нет. Я сама...

У тюремных ворот шофер скучал в ожидании Холмина. Последний указал Ольге на автомобиль:

— Это для вас.

— Что? — не поняла она.

— Автомобиль.

Взглянув на него с удивлением, девушка спросила:

— Ваш?

Он рассмеялся.

— Нет. Я еще не дошел до такой роскоши и, пожалуй, никогда не дойду. Это — майора Бадмаева.

— Тогда зачем же вы распоряжаетесь чужой вещью?

— Мне разрешено отвезти в нем вас домой.

— Нет, уж лучше я пешком дойду.

— Но почему?

— Энкаведисты дважды возили меня в своих автомобилях: после ареста в комендатуру и оттуда в тюрьму. Поездки неприятные и мне не хочется испытать в третий раз что либо подобное. Не знаю, поймете ли вы это.

— Я понимаю...

Холмин отпустил шофера, сказав, что пойдет пешком и спросил Ольгу тоном полупросьбы:

— Может быть, вы разрешите мне проводить вас домой?

— Как я могу не разрешить? Ведь вы, по-видимому, сопровождающий от НКВД, — ответила она.

Холмин не стал опровергать ее предположения, боясь что, в таком случае, она откажется от провожатого. Почти всю дорогу они шли молча. На его немногие вопросы Ольга отвечала коротко и однозначно: да, нет. При солнечном свете он хорошо рассмотрел ее глаза: они были чудесного темно-синего цвета, но смотрели на него холодно, строго и неприязненно. Холмин видел, что девушка тяготится его присутствием и, с каждой минутой все более огорчалася этим. Прогулка с любимой девушкой оказалась не совсем приятной, не такой, какую он ожидал.

В один из моментов этой «прогулки» он рискнул спросить Ольгу:

— Можно мне будет называть вас Олей?

- Нет, — решительно отрезала девушка.
- Так называют друзей.
- А разве мы не смогли бы быть друзьями?
- Никогда.
- Видимо, внешность моя вам не нравится, — обиделся он.
- Ваша внешность здесь не при чем. Мне не нравится ваша профессия, — возразила она.

Холмин вполне понимал Ольгу. Относиться иначе к людям, расстрелявшим ее отца, она не могла, но ему было обидно, что девушка и его причисляет к категории этих людей. В то же время, он никак не мог войти в навязанную ему роль энкаведиста и постоянно сбивался с нее, разговаривая с девушкой. Не мог он быть с нею и вполне откровенным: от этого его удерживала беспокойная и назойливая мысль, которую он безуспешно пытался отогнать:

«А вдруг Ольга, все таки, что-то знает о «руке майора Громова».

При этом, Холмин вспоминал смущение в глазах девушки, во время их первой встречи в тюремной камере, когда он задал ей вопрос о «руке». Его подозрения пока ничем не подтверждались, но и для отрицания их он оснований не имел никаких...

Дом, в котором жила Ольга, находился на окраине города, в двадцати минутах ходьбы от отдела НКВД. Этим домом заканчивалась улица, ведшая к неглубокой, мутной речке. Был он приземистый, одноэтажный, но из красного кирпича и под железной крышей. За домом Холмин увидел небольшой чистенький дворик с ку-

стами сирени и развесистой липой, обнесенный плетнем, а дальше, по ту сторону плетня, раскинулись огороды и бахчи.

Поднявшись по трем каменным ступенькам на крыльце дома, Ольга пошарила рукой в расщелине между кирпичами справа от двери и, вынув оттуда ключ, сказала:

— Слава Богу, что в мою квартиру еще не успели никого вселить. Осталась бы я тогда совсем без пристанища.

— Разве это не ваш дом? — спросил Холмин.

— Был наш, но пять лет тому назад у нас его отобрали в жилищную кооперацию, — ответила девушка.

Она стояла на крыльце, ожидая, что Холмин рас прощается с нею и уйдет, а он, в это время, придумывал предлог, чтобы побывать с нею хотя бы еще несколько минут. Вдруг он вспомнил о своих служебных обязанностях и предлог сразу был найден.

— У меня есть к вам одна просьба, — сказал Холмин.

— Какая? — спросила Ольга.

— Позвольте мне осмотреть ваш дом внутри.

— То-есть, обыскать? Но ведь его уже обыскивали.

— Я не с обыском, а просто так.

Открыв дверь ключем, она сказала холодно и неприязненно:

— К сожалению, я не могу противиться требованиям работников НКВД. Пожалуйте!

И пропустила его вперед.

Входя, он подумал с досадой:

«Что она меня все время попрекает энкаведистами? Будто я, в самом деле, отца ее расстрелял. А какой я энкаведист? Случайно-временный...»

В доме были две комнаты и кухня. Окна обеих комнат выходили на улицу, а кухонное — во двор. Обстановка комнат была скромная: старенькие мягкие кресла и такой же диван, обитые порыжевшим и потертым плюшем, пузатый комод с остановившимся будильником, статуэтками и вазочками на нем, дешевые письменный и обеденный столы работы какой то кустарно-промышленной артели, несколько венских стульев и две узких кровати — одна девичья, другая походная. На подоконниках стояли цветы в горшках, а по стенам висели несколько пейзажей, написанных масляными красками и старинные литографии в рамках под стеклом. Холмин удивился, что среди них нет ни одной фотографии и спросил об этом Ольгу.

— Так вы же при обыске забрали все наши фотографии. И из альбомов и со стен, — ответила девушка.

— Позвольте! Я впервые здесь, — возразил он.

— То-есть, не вы, а ваши... коллеги по работе, — поправилась она.

— И фотографии отца у вас не сохранились?

Ольга печально вздохнула.

— Нет, не сохранилось...

В ее комнате, у изголовья кровати стояла этажерка с книгами. Холмин окунул беглым взглядом их корешки. В большинстве это были классики русские и иностранные. На нижней

полке стояли учебники для средней школы и с десяток произведений советских писателей. Ни одного «классика марксизма» среди книг не замечалось. Портретов их на стенах тоже не было.

В углу каждой из комнат, над кроватями висели небольшие литографированные иконки. Войдя в дом, Ольга перекрестилась на икону. Холмин хотел перекреститься тоже, но не решился, подумав, что это покажется слишком фальшивым и неуместным девушке, считавшей его настоящим энкаведистом, а, следовательно, и безбожником.

Сопровождаемый ею, он обошел комнаты и кухню, внимательно осматривая все, что там было, выглянув и в окно во двор, но никаких следов ни майора Громова, ни его «руки» не обнаружил. Осматривать было больше нечего. Ольга ходила рядом с ним и он видел, что ее досада, неприязнь к нему и нетерпеливое желание остаться одной растут с каждой минутой. Надо было уходить.

Холмин пошел к двери, но на пороге остановился и спросил о том, что интересовало и мучило его уже вторые сутки:

— Скажите, все таки, что вам известно о «руке майора Громова»?

Девушка вскинула на него глаза и опять он прочел в них удивление, смешанное со смущением.

— Вы уже во второй раз спрашиваете меня об этом. Что это значит? Объясните, пожалуйста, — потребовала она.

— Знаете или нет о ней? — настойчиво повторил он.

— Ничего не знаю.

— И можете дать слово?

— Да. Но объясните мне, в чем дело.

— Сейчас не могу. В другой раз. Потом, — пообещал он...

Прощаясь с ним, Ольга, все таки, подала ему руку. Ее пальцы были холодны и слегка вздрагивали.

«Отчего это? Боится она меня или так уж я ей противен? — подумал он.

Задержав ее руку на секунду в своей, Холмин попросил, не надеясь впрочем, что его просьба будет удовлетворена:

— Может быть, когда-нибудь, разрешите навестить вас еще?

— Зачем? Опять для обыска? — спросила она.

— Нет... Так просто, — запнувшись ответил он.

— Что-ж, приходите. Я — бывшая заключенная и дочь «врага народа». Я не имею права закрывать дверь своей квартиры перед энкаведистами.

Холмин огорченно вздохнул. Приглашение было слишком нелюбезным.

ГЛАВА 14

«СВИСТАТЬ ВСЕХ НАВЕРХ!»

Расставшись с Ольгой, Холмин пришел в отдел НКВД опечаленный и раздосадованный неудавшейся прогулкой и, в первую минуту, не обратил внимания на царившее там необычай-

ное оживление. В следующую минуту он удивился. Было около двенадцати часов дня, как раз такое время, когда работники отдела торопятся поскорее закончить свои утренние дела, чтобы успеть пообедать и отдохнуть перед «основной», — вечерней и ночной, — работой. Между тем, сегодня они никуда не спешили.

Следователи, теломеханики, канцеляристы, конвоиры заполнили весь коридор первого этажа. Они «кучковались» группами в 3-5 человек и возбужденно и тревожно разговаривали о чем-то приглушенными голосами. В одном из углов коридора стояла более многочисленная группа молодых женщин — пишмашинисток отдела. Среди них была и Дуся-буфетчица. Увидев Холмина, девушка подошла к нему с упреками:

— Это, как же называется? Значит вы, Шура, так свои обещания исполняете? Это не по-хорошему. Нельзя так.

— Какие обещания, Дуся? — удивленно спросил он.

— Для вас самые главные. Вы ко мне в буфет обещали приходить?

— Обещал.

— А почему завтракать не пришли?

— Виноват, Дуся. Времени не было.

— Значит, голодовка в тюрьме вам не надолела? И на воле ее продолжаете. Забыли, что вам подкормиться нужно?

— Не забыл, Дуся. Обедать к вам сегодня обязательно приду.

— Смотрите. Буду ждать. Но если вы и на этот раз обещание не исполните, то наша дружба с вами поломается.

— Постараюсь исполнить. А теперь скажите мне, Дуся, что здесь происходит?

— Непонятное дело. Значит, так. Полчаса назад прибегает ко мне в буфет Дондеже и ве-решит: — «Запирай свою лавочку, поскольку полковник Гундосов приказал свистать всех на-вверх». Я спрашиваю: — «На какой верх и за-чем?» Он визжит: — «Внимай без дураков и не вгрызайся глупыми вопросами. В зал заседаний топай; там собрание будет». — «Так, какой же, говорю, — это верх, когда зал заседаний, ча-борот, в нижнем этаже?» Он за голову руками хватается. — «Дуська! Не умопомрачай меня! Марш на собрание! Шибко! По-флотски!... Вот я и пришла. И торчу тут, в коридоре.

— По какому же поводу собрание? — спро-сил Холмин.

— В точности неизвестно. Но пишмапи-нистки болтают, будто насчет «руки майора Гримова» и убитого коменданта. А, что это, Шура, такое: «свистать всех наверх!»?

— Это, Дуся, морская команда, когда всех матросов на палубу сзывают.

— По-флотскому, значит? Может, нам всем и форму морскую выдадут? Вот бы мирово было. Она красивая.

Холмин улыбнулся.

— Вряд-ли, Дуся, дело до формы дойдет. На это вы особенно не надейтесь.

— Жалость какая, — вздохнула девушка...

Их беседу прервал появившийся в кори-доре капитан Шелудяк. Он заметался между куч-ками энкаведистов, хлопая в ладоши и выкрики-вая визгливым фальцетом:

— Товарищи! Все — в зал! Вкусе и вообще. Занимайте места. Начальство прибудет вскорости. На собрание, товарищи!

Повинуясь выкрикам заместителя начальника отдела, энкаведисты послушно потянулись в конец коридора. Дуся взяла под руку Холмина и они пошли вслед за другими.

Зал заседаний отдела НКВД был таким, каких в Советском Союзе тысячи. На деревянном возвышении — в четверть метра над полом — стол с кумачевой скатертью и графиком воды и несколько кресел. Перед ними ряды стульев. На стенах портреты Сталина, Молотова, Ежова и других вождей и вождят в золоченных рамках. Слева от стола деревянное сооружение, стоявшее в захудальных лавченках и называвшееся конторкой до революции, а после нее перекочевавшее в залы заседаний, где и получило пышное название трибуны. Окна, как и во всех комнатах отдела, с решетками.

Едва энкаведисты успели рассесться по стульям, как в зал вошло начальство и проследовало к столу на возвышении. Впереди, лихо раскачиваясь, будто по палубе корабля, шагал полковник Гундосов. За ним, сутуло горбясь, шел длинный субъект, на воротнике мундира которого краснели знаки различия старшего лейтенанта, а над воротником хмурилась чрезвычайно озобоченная физиономия. Шествие замыкал майор Бадмаев, а вокруг этой тройки суетливо вертелся Шелудяк.

Начальство стало за столом навытяжку и длинный субъект объявил:

— Есть предложение, товарищи, избрать в почетный президиум нашего внеочередного

собрания политбюро ЦК во главе с товарищем Сталиным.

В зале раздались довольно сдержанные, вернее даже жидкые аплодисменты и почетный президиум был избран единогласно. Длинный субъект спросил собравшихся:

— Кто имеет предложения по части делового президиума?

— Я имею, — послышался из зала чей-то явно активистский голос.

— Вонмем, товарищи, вонмем, — пронзительно пискнул Шелудяк.

— Предлагаю избрать в президиум, — продолжал некто с голосом активиста, — особого, начальника отдела товарища Бадмаева, его уполномоченного по чистке, товарища Гундосова, секретаря партбюро, товарища Кислицко-заместителя товарища Шелудяка и нашего нового агента товарища Холмина. Думаю, что возражений не будет?

Насмешливо подмигнув Холмину, Дуся толкнула его локтем в бок.

— Шура! Вы лезете в начальство.

Он развел руками.

— И рад бы, Дуся, не лезть, да заставляют...

Собрание проводилось по всем правилам советской демократии. Президиум уселся в кресла, а все остальные приготовились скучать на стульях. Гундосов, избранный председателем, предоставил слово для доклада Бадмаеву.

Из этого доклада выяснилось, что собрание траурное и посвящается памяти убитого прошедшей ночью коменданта. О нем Бадмаев говорил коротко, охарактеризовав его, как свет-

лую личность, выдержанного чекиста и верного сына ленинско-сталинской партии. Значительно подробнее остановился он на преступных действиях «руки майора Громова», призывая всех присутствующих к борьбе с нею. Когда начальник отдела кончил доклад, председатель обратился к собранию:

— Может, у кого есть вопросы, братиши... то-есть, товарищи?

Вопросов не оказалось ни у кого, кроме Дуси-буфетчицы. Она, видимо из озорства, задала докладчику вопрос, совершенно неуместный на подобном собрании:

— За что товарищ комендант получил ордена?

В зале послышались смешки. Бадмаев свирепо уперся в девушку своими узенькими глазками и, запнувшись, прогудел в ответ:

— За... выполнение особых правительственные заданий.

Смешки в зале раздались громче. Всем было известно, что никаких особых заданий, за исключением расстрелов, комендант никогда не выполнял.

— Товарищ докладчик! Какие правительственные задания выполнил наш комендант? — не унималась Дуся.

Бледный цвет физиономии Бадмаева сразу сменился бурачным. Он широко раскрыл рот и зал замер в ожидании потока ругательств, готовых извергнуться из начальственной глотки. Но Шелудяк опередил их. Вытянув физиономию в сторону Дуси, он пропищал сладеньким фальцетом:

— Товарищ Дуся! Оный вопрос мы обсудим с вами в индивидуальном порядке. А покудова замнем для ясности.

Щекотливый вопрос был «замят» и начались «прения» по докладу. Первым выступил уполномоченный Ежова. В своей речи он упирал на то, что, в борьбе против «руки майора Громова» необходимо ежедневно «свистать всех наверх» и вообще действовать по-флотски. Выступивший вслед за ним длинный субъект — секретарь партийного бюро Кислицкий — долго и уныло талдычил о повышении классовой бдительности, самоотверженной чекистской работы и политической учебе. Шелудяк визгливо ругал врагов народа, в том числе и «руку», и грозил им тягчайшими карами, а трое активистов из зала давали «стахановские обязательства по развертыванию соцсоревнования». Собрание было по-советски бестолковым и никому из его участников ненужным.

Сидя за столом президиума, Холмин еле удерживался от зевоты. Вдруг он, над самым своим ухом, услышал шепот наклонившегося к нему сбоку Гундосова:

— Ты, браток, тоже должен чего-нибудь такое сказануть.

Холмин ответил ему также шепотом:

— Да мне и говорить-то нечего. Без меня сказали достаточно. Мне, как иногда выражаются на собраниях, остается только присоединиться к мнению предыдущих товарищей ораторов.

— Нет, браток, выступить нужно, — повелительно произнес энкаведист и, не дожидаясь согласия Холмина, крикнул в зал:

— Слово имеет наш спецагент, товарищ Холмин!

Шелудяк тихо и насмешливо взвизгнул:

— Вонмем, об чём нам трепанется сей уголовоощный выюноша.

Холмин был принужден встать из-за стола и подойти к деревянному сооружению с пышным названием. Он не любил выступать на собраниях и свою вынужденную речь начал весьма неохотно:

— До меня здесь говорили много, но никаких конкретных предложений по расследованию дела, так называемой «руки майора Громова» я, к сожалению, не слышал. Между тем, для некоторых из вас и для меня это сейчас очень важно. Начальник отдела НКВД приказал мне, во что бы то ни стало, найти преступную «руку», поставив при этом весьма жесткие условия. Я прошу вас всех помочь мне. Не только факты о «руке», но даже ваши подозрения и предположения могут быть ценные и, возможно, ускорят расследование дела. Давайте вместе, сообща искать преступника или преступников. Ведь опасность грозит каждому из вас...

— И вам, Дуся, тоже. Так что, не очень смейтесь, — мотнул подбородком Бадмаев на девушку, слушавшую Холмина улыбаясь и с видимым удовольствием.

— Мне? — громко удивилась буфетчица.
— А я причем тут? Я майора Громова не убивала.

Зал хором ахнул. Начальник отдела многоэтажно выругался и, ударив кулаком по столу, яростно загудел:

— Дуська! Если ты еще раз пикнешь, если вздохнешь даже, знаешь, куда я тебя отправлю? На конвейер!

— Ай, мама! — вскрикнула перепуганная девушка.

Это у нее получилось так комично, что зал грохнул хохотом. Всеобщий смех окончательно вывел из себя Бадмаева. Колотя кулаками по столу, он гудел что-то неразборчивое. Шелудяк панически тонко взвизгивал. Секретарь партийного бюро Кислицкий, отчаянно размахивая длинными руками, тщетно взывал:

— К порядку, товарищи! К порядку!...

Начавшийся скандал прекратил Гундосов. Он крикнул зычно и властно, заглушив шум и смех в зале:

— Ша, братва! Полундра! Заткните глотки! Слушай мою команду!

Зал сразу утих. Гундосов продолжал:

— Есть предложение прекратить прения. Кто против? Никого? Принято единогласно, братишечки. Резолюцию выработаем после. Собрание считаю закрытым. Все — на свою вахту!

Энкаведисты стали расходиться по своим кабинетам. Холмин поспешно подошел к Дусе.

— Что вы наделали, Дуся? Ведь вам за это попадет. Разве так можно?

Она беззаботно махнула рукой.

— Не попадет. За меня Дондеже засту-
пится. Все это ерунда. А вот другая штука мне
не нравится.

— Какая штука?

— Что и вы меня тоже ругаете.

Холмин попытался заговорить с нею нра-
воучительно-строгим тоном:

— Дуся! Вас нужно не ругать, а просто... постегать розгой. Как шалунов дошкольного возраста. Если-б я был вашим мужем...

Она прервала его с улыбкой:

— А вы попробуйте.

— Что? Постегать вас розгой? — спросил он.

— Нет. Стать моим мужем.

— С вами, Дуся, невозможно разговаривать серьезно.

Девушка полуобиженно, полууштыво надула губы.

— Ну и не надо. Не разговаривайте. Вот с вами кое-кто другой сейчас разговаривать будет. К нам направляется и с вас глаз не спускает.

— Кто? — спросил Холмин.

Дуся кивнула головой в сторону.

— Палач один, вроде Дондже. Сегодня утром из служебной командировки вернулся. Следователь по громовскому делу, капитан Якубович. Он самый майора под пулю и подвел.

Холмин посмотрел по направлению ее кивка. К ним действительно шел незнакомый ему энкаведист, внешность которого представляла собой сплошной испуг. Его рыжая, стрижена ежиком голова была втянута в сутулы, часто вздрагивающие плечи, худое, испитое лицо — бледно и встревожено, глаза беспокойно бегали по сторонам, руки и колени тряслись.

— Так, я не буду вам мешать. А вы с ним недолго болтайте. Жду вас обедать. Пока, — сказала девушка, уходя.

— Всего хорошего, Дуся, — крикнул ей вслед Холмин.

Энкаведист подошел к нему и тихо произнес дрожащим голосом:

— Товарищ агент! У меня к вам дело. Очень серьезное. Нужно поговорить наедине.

— Пожалуйста. Отойдем в сторону и поговорим, — предложил Холмин.

Отрицательно замотав головой, энкаведист снизил голос до шепота:

— Здесь много народа. Подслушать могут. Нельзя здесь.

— А где же?

— В моем кабинете. Второй этаж, слева от лестницы первая дверь. Там у меня один подследственный сидит, но я его отпущу в камеру. Приходите, скажем, через полчаса, когда все разойдутся на обед.

— Хорошо. Но в чем дело, все таки?

— Складывается очень опасная ситуация. В общем, я знаю, кто «рука майора Громова». Я сразу догадался.

— Что?! — вскинулся пораженный Холмин.

— Тише, товарищ агент. И никому ничего не говорите. Особенно им, — тревожно запечатал капитан Якубович, глазами показывая на стол президиума.

Там, возле него, стояли, разговаривая, четверо; Гундосов, Бадмаев, Кислицкий и Шелудяк. Их глаза были устремлены на Холмина и его собеседника. Под взглядом кого-то из них, Якубович, вдруг лихорадочно задрожав, поспешил отошел от Холмина.

ГЛАВА 15

«ЭТО НЕ ЧЕЛОВЕК...»

Торопливо вбежав в буфет, Холмин поискать глазами Дусю. Она, хотя и была очень занята, вместе с двумя подавальщицами разнося еду и напитки переполнившим буфетную комнату энкаведистам, но сейчас же подошла к нему.

— Шура! Как только место за столиком освободится, сейчас же занимайте его. А когда обедающие немного склонят, я к вам присоединюсь. И мы вместе пировать будем.

Холмин развел руками.

— К сожалению, Дуся, не могу. У меня только полчаса времени. Предстоит неотложное дело.

— Опять? — недовольно нахмурила брови буфетчица.

Он умоляюще сложил руки на груди.

— Дусенька! Не могу. Мне бы за прилавком перекусить на скорую руку. Пожалейте голодящего.

Девушка улыбнулась.

— Ладно. Что с вами поделаешь. Закусить я вам сейчас подам. Но вы хоть к ужину-то не забудьте придти.

— Приду, приду...

Наскоро закусив и выпив стакан вина, Холмин отправился к следователю Якубовичу, хотя до назначенного времени встречи с ним оставалось еще около пяти минут. Холмину хотелось поскорее узнать у энкаведиста подробности того, о чем последний боязливо ему сообщил.

В отделе НКВД было безлюдно. Только на площадке лестницы второго этажа, за поворотом которой начинался коридор, стоял одинокий часовой с винтовкой. Поднявшись по лестнице во второй этаж, Холмин завернул за угол коридора и постучал в дверь, указанную ему Якубовичем. На его стук никто не ответил. Он постучал сильнее, но за обитой толстым войлоком дверью было тихо; ни один звук не доносился оттуда. Тогда Холмин, нажав на ручку двери, толкнул ее. Она оказалась незапертой и распахнулась от толчка.

Холмин шагнул в кабинет следователя и ошеломленный замер на пороге. Его глазам представилось неожиданное и жуткое зрелище. На «подследственном стуле» у двери сидел потерявший сознание человек с окровавленным лицом. Руки у него были заложены за спину и прикованы к стулу наручниками.

Через решетчатое окно на пол косо падали лучи заходящего солнца, образуя светлые прямоугольники. Под этими прямоугольниками лежала на полу человеческая фигура, раскинув руки в стороны. Ноги человека были согнуты в коленях, загораживая его лицо от взгляда Холмина, остановившегося на пороге. Лежащий был одет в мундир энкаведиста. Взволнованный этим зрелищем и предчувствием непоправимого, Холмин подбежал к нему, напряженно всматриваясь в его лицо.

Предчувствие не обмануло Холмина. Перед ним лежал мертвый следователь Якубович, с которым он разговаривал всего лишь полчаса тому назад. Энкаведист был убит, видимо, совсем недавно, может быть, за несколько минут до того,

как Холмин вошел в его кабинет. На лицо трупа, ярко освещенное одним из солнечных квадратов, медленно наползала желтизна смерти, а его запрокинутую назад голову окружал кровавый венчик, с каждой секундой растекавшийся все шире. Холмин дотронулся до руки мертвого — она была еще теплая.

Капитана Якубовича убили точно так же, как до него коменданта отдела НКВД, выстрелом в затылок. К груди убитого, английской булавкой сквозь сукно мундира, была пришипелена уже знакомая Холмину записка: тот же мужской энергичный почерк и те же слова о «руке майора Громова», которые он читал в трех предыдущих записках. Она отличалась от них только бумагой. Те были написаны на серых полулистках из школьной тетради, а эта — на плотном белом квадрате. По качеству бумаги этого листка и по тому, что одна сторона его была слегка косая и волокнисто-зубчатая, можно было предположить, что он вырван из какого-то служебного блокнота.

На лице убитого застыло выражение не ужаса, как у коменданта или Карнаухова, а торжествующего злорадства и ярости. Рот его был раскрыт предсмертным криком.

Наскоро осмотрев труп, Холмин выбежал в коридор и крикнул:

— Эй, кто нибудь! Скорее сюда!

Из-за угла лестничной площадки высунулся часовой и спросил:

— Что там такое?

— Идите сюда! — крикнул Холмин.

— Не имею правов сойти с поста! — ответил часовой.

Холмин подошел к нему.

— Сколько времени вы стойте здесь на посту?

— Да, пожалуй, с полчаса. Заступил на дежурство сразу после собрания.

— Кого за эти полчаса видели в коридоре?

— Окромя вас, товарищ агент, никого. Потому, как все работники отдела, сразу после собрания, пошедши обедать.

— А выстрел вы слышали?

— Слыхал.

— И что же? Не обратили внимания?

— Чего на них внимание обращать? У нас, товарищ агент, стрельба не в диковину. Бывает, что и днем в комендантской подрасстрельных ликвидируют.

— Выстрел был не в комендантской.

— А где же?

— В кабинете следователя Якубовича. Он убит.

Винтовка в руке часового дрогнула, лицо его побелело и он боязливо спросил:

— Опять «рука майора Громова»?

— Кажется, — ответил Холмин. — Надо кого-нибудь из комендатуры позвать.

— Не могу я пост покинуть, хотя мне и страшно тут теперь, — плачущим голосом сказал часовой. — Зовите сами, товарищ агент.

Холмин поспешно спустился по лестнице и, вбежав в комендатуру, крикнул дежурному:

— Капитан Якубович только что убит в своем кабинете!

— Не может быть, — не поверил дежурный.

— Идите и посмотрите сами.

— А ну, пошли!...

Войдя в кабинет Якубовича, дежурный осмотрел труп и сказал, покачивая головой:

— Действительно. И этого, значит, «рука» прикончила. Что же дальше будет, товарищ агент?

— Не знаю, — ответил Холмин, пожав плечами, — а пока следует вызвать кого-нибудь из начальства.

— Это я в момент. Сейчас сяду за телефон, — сказал энкаведист.

Он ушел. Холмин остался в кабинете и занялся приведением в чувство потерявшего сознание подследственного. Он тряс его, хлопал по щекам, обмахивал ему лицо первой попавшейся под руку папкой со следственным «делом». Все эти усилия были тщетны; неподвижное тело не шевелилось. Тогда Холмин выплюнул ему в лицо стакан воды из графина, стоявшего на следовательском столе. Человек вздрогнул и застонал, не раскрывая глаз.

— Вы меня слышите? — спросил Холмин.

— Да, — прошептал подследственный.

— Откройте глаза! — приказал Холмин.

Подследственный повиновался. Его веки дрогнули и в лицо Холмина уперлись глаза, полные страха.

— Слушайте меня внимательно и отвечайте на мои вопросы, — продолжал Холмин. — Что здесь произошло? — обвел он кабинет рукой.

— Ужас... это такой... ужас... Кошмар, — прерывисто зашептал человек. Его глаза испуганно глянули вправо и влево и остановились на трупе Якубовича.

— Он убит? — спросил подследственный шепотом.

— Да, — подтвердил Холмин. — Кто его убил?

— Не знаю... не знаю, — простонал подследственный.

— Но ведь вы же были здесь. Вы видели. Расскажите мне все, что вы видели. Спокойно и не торопясь.

Сдавленным голосом, прерываемым стонами и долгими паузами, подследственный начал рассказывать:

— Следователь Якубович допрашивал меня и бил по лицу. Закончив допрос, хотел отправить в камеру. Но, в это время, пришел некто в шинели... У него было жуткое лицо... мертвое лицо. И весь затылок — в крови. Он был мертвым больше, чем теперь вот этот... труп. Но он ходил... Я очень испугался, а Якубович нисколько. Он вскочил из-за стола и, расстегивая кобуру нагана, кинулся к тому, кто был в шинели. И крикнул ему: — «Ты меня не проведешь! Я тебя знаю!» Тогда лицо того — в шинели — сделалось таким страшным, что я закрыл глаза. Потом я услышал выстрел и потерял сознание.

— Раньше вы никогда не видели лица того, кто был в шинели? — спросил Холмин.

Подследственный не успел ответить. В кабинет быстро вошли встревоженные Гундосов и Бадмаев в сопровождении секретаря последнего. Начальник отдела, с посеревшим расстроенным лицом, подойдя к трупу, молча уставился на него неподвижным взглядом. Гундосов, мельком взглянув на убитого, обратился к Холмину:

— Ты уже тут, браток? Быстро. Прямо по-флотски. Ну-ка, расскажи, как тут из живого человека труп сотворили.

Холмин коротко рассказал о том, как он обнаружил труп и что ему сообщил подследственный. Во время его рассказа комната наполнилась людьми. Пришли Шелудяк, Кислицкий, новый комендант и еще десятка полтора энкаведистов. Слушая Холмина, они плотным кольцом окружили труп; лица некоторых из них были бледны и испуганы.

Когда Холмин закончил свой рассказ, Гундесов, покачав головой, выразил сомнение в правдивости его слов:

— Ты, браток, наговорил нам таких разных разностей, которые ни в какое ухо не лезут. На басни подвыпившего батмана похоже. Не верится мне.

— Можете не верить, но я говорю то, что видел и слышал, — обиженно возразил Холмин.

Капитан Шелудяк, потянувшись к нему своей физиономией, ехидно подмигнул и пропищал:

— Рановато на дыбы встаете. Вы бы нам, допрежь того, пояснили всю подноготную без трепни.

— Мне объяснять больше нечего.

— А, может, вы сами его того-с? — кивнул на труп Шелудяк.

— Что? — не понял Холмин.

— Ликвиднули-с.

— Да вы, капитан, в своем уме?! — воскликнул Холмин и провел глазами по лицам энкаведистов. Все их взгляды были устремлены

на него, но ни в одном из них он не прочел ни доверия, ни сочувствия, ни одобрения.

«Как дикие звери, готовые напасть, — подумал Холмин. — Надо защищаться.»

Подавив закипевшую в нем злость, он заговорил спокойно, но резко:

— Хотите обвинить меня в убийстве? Пожалуйста. Хотите посадить в тюрьму? Не возражаю. Там мне будет спокойнее. Но кто займется поисками «руки майора Громова»? Вы сами? Попробуйте. Вряд ли что-нибудь из этого получится. Не с вашими способностями искать подобные «руки». Прежде, чем обвинять меня в убийстве, вы бы спросили о нем вот этого, измученного вами подследственного. Он подтвердит мои слова.

— Мы спросим. Нам не долго, — с усмешкой произнес Гундосов и, подойдя к сидящему в полузабытии человеку на стуле, грубо встряхнул его.

— Ну ты, сухопутная contra! Кто убил следователя Якубовича? Отвечай! Кто его убил?

— Не знаю... не знаю, — страдальчески застонал подследственный.

— Как не знаешь? При тебе это произошло. Кто убийца?

— Не знаю. Только...

— Что только? Что? — тряс его Гундосов.

— Только это... не человек, — простонал подследственный, в изнеможении опуская голову на грудь. Гундосов выругался, тяжело и злобно сопя отошел к столу и сел в кресло. Наступило короткое молчание: энкаведисты напряженно ждали, что будет дальше.

Молчаливо посопев несколько минут, Гундосов ударил обеими кулаками по столу и неистово заорал:

— Молчите, братишечки?! Языки у вас в... животы влезли? А я за вас всех говорить должен? Ах, вы, морские коровы, дырявые шлюпки, якорная ржавчина! Развели тут призраков на мою голову и думаете, что я в них поверю? Пускай старые бабы, вместе с вами, верят, а мне не к лицу. Я — моряк с «Авроры». Чтоб никаких призраков у меня больше не было! Отставить привидения!.. И что я обо всем этом скажу Николаю Иванычу Ежову? И что он со мной за это сделает?...

Энкаведисты прятались за спины друг друга. Полковник Гундосов бушевал, колотя по столу кулаками:

— Вредители! Саботажники! Призракисты! Привиденцы!

Из всех присутствующих только один Холмин решился прервать начальственное словоизвержение. Дождавшись, когда Гундосов начал выдыхаться, он спокойно посоветовал ему:

— Пора бы, товарищ полковник, от криков перейти к делу.

От такой наглости Гундосов опешил и, сразу успокоившись, спросил довольно миролюбиво:

— К какому делу, браток? Что мы тут можем сделать?

— Вызвать собаку-ищейку, затем врача, чтобы он констатировал смерть капитана Якубовича и, наконец, отправить записку «руки» в дактилоскопический сектор, — ответил Холмин.

— А что нам все это даст? «Руку майора Громова» найдем, что ли?

— Может быть, что-нибудь и найдем.

— Ладно. Эй, попович! Рапорядись-ка там! — приказал Гундосов Шелудяку, а затем задал Холмину насмешливый вопрос:

— Ну, а ты, браток, тоже в приведения веришь?

Холмин пожал плечами.

— У меня об этом особое мнение.

— Какое, интересуюсь?

— Я его выскажу потом.

— Скоро?

— Когда соберу достаточно фактов о привзраках и... прочем...

Записка, осторожно снятая с груди трупа, была отправлена в дактилоскопический сектор отдела НКВД. Вызванный врач констатировал смерть Якубовича и подписал протокол об этом.

Собака-иштейка вела себя здесь так же, как и у трупа убитого коменданта. Вбежав в комнату, она обнюхала мертвца, повела носом по полу и, вдруг, раз за разом, стала чихать, захлебываясь и повизгивая. Холмин заинтересовался той частью пола, которую нюхала собака, после чего на нее напал чих. Внимательно рассматривая пол, он обнаружил там множество крупинок белого и темно-зеленого цвета. В большинстве они были мелкими, как морской песок, но попадались среди них и крупнее, доходившие до величины пшеничного зерна. Холмин понюхал их, попробовал на зуб и восхликал обрадованно:

— Теперь я понимаю!

— Чего понимаешь, браток? — недоуменно спросил у него Гундосов.

— Почему собака чихает.

— Почему? — потянулся к нему подбородком Бадмаев.

Холмин указал пальцем на рассыпанные по полу крупинки.

— Знаете вы, что это такое?

— Некоторое засорение пола. Сиречь малый сор, — запищал Шелудяк.

— Такой сор курят, — сказал Холмин. — Это табак. Махорка. Она была и в комендантской камере, возле трупа коменданта, но я не заметил ее тогда: не смог рассмотреть при электрическом свете, а рассмотрел при солнечном. Теперь скажите мне: курил ли махорку капитан Якубович?

— Ну, вот еще, — загудел Бадмаев. — Он всегда дымил только дорогими папиросами. У него на это хватало заработков.

— Значит эта махорка принадлежит убийце! — торжествующе воскликнул Холмин. — У него не было времени на курение здесь. Следовательно, он использовал махорку, — в которой много табачной пыли, — для скрытия следов: обсыпал ею свои ноги. Подобным способом пользуются беглецы из концлагерей, чтобы собаки-ищиеек сбить со следа . . .

ГЛАВА 16

ОТПЕЧАТКИ ПАЛЬЦЕВ

Стук в дверь был осторожный и боязливый. Стучали, повидимому, костяшкой согнутого пальца, опасаясь вызвать гнев и неудовольствие потревоженного начальства.

Однако, начальство выразило неудовольствие и этим стуком. Бадмаев, сидевший в своем кабинете вместе с Гундосовым, Кислицким, Шелудяком и Холминым, занятыми обсуждением убийства следователя Якубовича, свирепо загудел в сторону двери:

— Н-нуу, кто там еще?

Дверь слегка приоткрылась и в щель ее просунулась совершенно лысая голова с круглым и очень морщинистым лицом. Растрянув морщины в приятную улыбку, она произнесла нараспев:

— Можно-о?

— Что это за сухопутная крыса? — спросил Гундосов у Бадмаева.

— Из нашего дактилоскопического сектора. Заместитель капитана Шелудяка. Спец по отпечаткам пальцев, — ответил тот и кивнул обладателю морщинистого лица и приятной улыбки.

— Войдите. Что у вас?

Специалист по дактилоскопии не вошел, а мягко прокрользнул в дверь; он низко поклонился и, сделав свою улыбку еще приятнее, почтительно сказал Бадмаеву:

— Разрешите доложить, товарищ начальник. На записке, которую вы изволили передать нам для исследования, обнаружены отпечатки пальцев.

— Наконец-то! — вырвалось у Холмина.

— Чьи отпечатки, браток? — спросил Гундосов.

Дактилоскоп развел руками и его улыбка отразила высшую степень сожаления.

— Мне очень жаль, товарищ полковник, — сказал он с поклоном в сторону Гундосова. — но на ваш вопрос ответить в данный момент невозможно.

— А когда сможешь дать ответ?

— Это будет зависеть от дальнейших приказаний по нашему сектору. В нем имеется более пятисот отпечатков пальцев работников отдела НКВД, тысячи отпечатков заключенных и десятки тысяч — прочих граждан. Для проверки по картотеке вышеуказанной первой категории понадобится несколько часов, второй категории — несколько дней и третьей — значительно больше. Но ручаться за успех я воздерживаюсь.

— Почему сие? — недовольно и начальственно взвизгнул Шелудяк.

— Все население района пока еще не пропущено через наш сектор, — с сожалением покачала лысая голова.

Начальник отдела решительно сказал:

— Давайте будем проверять?

— С кого прикажете начать, товарищ начальник?

Подбородок Бадмаева потянулся к Холмину.

— Какие у вас предложения?

— По-моему следует начать проверку с работников отдела, — сказал Холмин.

— Вы слыхали? Действуйте! — приказал Бадмаев заместителю заведующего дактилоскопическим сектором.

— Слушаюсь, — поклонился тот и выскользнул за дверь.

— Ка^{ка}ая склизкая каракатица, — с отвращением сплюнул в угол Гундосов.

— Зато спец незаменимый, хотя и происходит из бывших, — пропищал Шелудяк.

— Из каких бывших? — спросил полковник.

— Прежде в царской полиции обретался. Потому ныне и трясется за свою шкуру во как-

— Значит вроде тебя, дьячкового капитана?

Шелудяк умоляюще сложил руки на груди.

— Почто обижаете всуе, товарищ полковник? Я служителям культа не угодоблялся. А за отцовскую несознательность и его антисоветские действия по сию пору стражду.

— Ладно, дьячок. Я попуттил, — усмехнулся уполномоченный Ежова.

— Может, товарищи, мы продолжим обсуждение? А то мне на заседание партбюро скоро итти нужно, — сказал Молчавший до этого Кислицкий.

— Давайте продолжим, — согласился Гундосов. — Закуривай, братва!..

Они курили и совещались около получаса и, не прия^яя ни к какому решению, собрались было разойтись, как в дверь снова раздался осторожный и робкий стук; опять в дверную щель просунулась лысая улыбающаяся голова и нараспев спросила:

— Можн^о-о?

Морщины его лица на этот раз, в отличие от первого, были растянуты не в приятную, а в очень растерянную улыбку. Бадмаев молчавши, разрешая войти специалисту по дактилоскопии. Тот быстро скользнул в дверь, пок-

лонился и сказал дрожащим хрипловатым голосом:

— Разрешите доложить. Принадлежность отпечатков пальцев на записке установлена.

Все четверо, бывшие в кабинете, разом вскочили из-за стола. Капитан Шелудяк визгливо и повелительно крикнул:

— Чьи пальцы?

В ответ ему раздался громкий и крайне смущенный шепот:

— Ваши, товарищ капитан!

— Что?! Как?! — взвизгнул Шелудяк.

Его заместитель растерянно развел руками.

— Так, товарищ капитан. Проверка отпечатков пальцев показала именно это. Только начали проверять и сразу наткнулись.

— Лжу глаголешь! То не мои персты.

— Дактилоскопия — наука точная.

— Ты спутал мои персты со вражескими.

— Это невозможно. У нас в секторе люди работают, как в аптеке. Сами знаете.

— Оные отпечатки не мои. Другому принадлежащие.

— На земном шаре еще никогда не было одинаковых отпечатков пальцев у двух разных людей. Подобные невероятные случаи дактилоскопии неизвестны, — твердо, хотя и не без робости, отстаивал честь своей профессии заместитель Шелудяка.

Последний отчаянно завизжал:

— Не верьте ему, товарищи! Он треплю глаголет. Без угрозения совести треплется. За решетку меня загнать возжелал. Он суть контр-гидра вражеская. Зануда антисоветская!

Бадмаев шагнул к Шелудяку и, сжав в горсть мундир на его груди, прогудел ему прямо в вытянутую физиономию:

— Замолкни, гад!

Шелудяк мгновенно умолк. Начальник отдела тряс своего заместителя и злобно гудел:

— Попался, гад, попался? Теперь я тебе покажу «руку майора Громова». Ты у меня увидишь ее на конвейере. На смерть закатаю! Разрыв сердца тебе сотворю!

Он с силой оттолкнул от себя Шелудяка и тот, жалобно скрипя, мешком свалился на пол. Бадмаев стер пот со лба и, тяжело дыша от возбуждения и злости, сказал:

— Вопрос ясен, товарищи. Мой заместитель готовил против меня террористический акт. Сегодня же он расскажет нам все на конвейере. Вы не возражаете, товарищ полковник?

— Нет, браток, — ответил Гундосов.

Начальник отдела мотнул подбородком на секретаря партийного бюро.

— Товарищ Кислицкий! Возьмись, пожалуйста, за это дело. Сейчас же вызови двух лучших теломехаников и лично допроси обвиняемого.

— Это я могу, — охотно откликнулся Кислицкий и вышел из кабинета.

— Почто губите, товарищи? —тоненьким дрожащим голосом взмолился Шелудяк, на коленях ползая по полу. — Неповинен я в сем терроризме.. Почто на терзание теломеханикам предаете? Смилийтесь, товарищи дорогие!

Бадмаев пнул его ногой.

— Заткнись, кусок врага народа! Мы тебе не товарищи...

Минуты через две Кислицкий вернулся вместе с тремя конвоирами. Вчетвером они, не без труда, вытащили в коридор плакавшего, визжавшего и отчаянно сопротивлявшегося Шелудяка. Его заместитель, напуганный этой сценой, с гримасой вместо улыбки на круглом морщинистом лице, спросил Бадмаева:

— Мне можно уйти, товарищ начальник?
Бадмаев утвердительно закивал подбородком.

— Идите и принимайте дактилоскопический сектор. Назначаю вас заведующим. А за отличную работу по разоблачению врага народа, бывшего работника отдела НКВД Шелудяка вам будет выдана премия.

— Благодарю вас, товарищ начальник, — сказал новый заведующий и с низкими поклонами попятился к двери.

— Постойте, — остановил его Холмин. — У меня к вам есть один вопрос.

— Пожалуйста, — слегка поклонилась лысая голова, изобразив улыбкой полнейшую готовность слушать и отвечать.

— Вам случайно не знакома бумага, на которой написана последняя записка «руки»?

— спросил Холмин.

Лысая голова поспешило кивнула.

— Как же. Знакома.

— Откуда она?

— Полагаю, что из блокнота моего бывшего начальника по дактилоскопическому сектору.

— Почему вы так думаете?

— Все руководящие работники отдела имеют блокноты из подобной бумаги.

— Вот видите! — подхватил Бадмаев. — Даже бумага шелудяковская. Ясно, что он хотел меня убить и усесться в отделе на мое место.

Лысая голова склонилась к Холмину.

— Еще имеете вопросы, товарищ агент?

— Нет. Больше не имею.

— Тогда, разрешите откланяться.

Заведующий дактилоскопическим сектором еще раз низко поклонился и выскоцизнул в дверь.

— Пожалуй что и я пойду. После таких дел надо хорошо выспаться. Пока, — сказал Гундосов, направляясь к двери.

У Бадмаева настроение поднялось настолько, что он даже проводил «матросика с Балтики» пожеланием спокойной ночи и приятных снов. Холмин собрался тоже уходить, но был остановлен словами начальника отдела:

— Вы пока останьтесь. Я хочу с вами немного побеседовать.

Холмин выжидательно взглянул на него, но Бадмаев не торопился начинать беседу. Он сел в кресло, потянулся и, зевнув, удовлетворенно прогудел:

— Итак, с «рукой майора Громова» покончено. Теперь я могу спать спокойно...

Конец первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 1

ПРИЗРАК БРОДИТ ПО ОТДЕЛУ

Поздно вечером, после ареста капитана Шелудяка, Александр Холмин стоял перед начальником отдела НКВД Бадмаевым, нетерпеливо ожидая, что тот ему скажет.

Однако, начальство не спешило начинать разговор. Сидя в кресле и поматывая вдавленным подбородком, Бадмаев зевнул еще раз и, с чувством глубокого удовлетворения, повторил только что им сказанное:

— Итак, с «рукой майора Громова» мы покончили.

Холмин пожал плечами и на его лице отразилось нечто, вызвавшее у Бадмаева чрезвычайное удивление.

— Вы что же, не верите? — спросил начальник отдела удивленно и насмешливо.

— Сомневаюсь, — коротко ответил Холмин.

— Какие могут быть сомнения? Все ясно и понятно, — загудел Бадмаев. — Эта раст-

рекламная «рука майора Громова», растрепавшая у меня все нервы, явственное дело рук Шелудяка. Он давно под меня подкапывается, вот и придумал подходящий фокус. Вы моего заместителя не знаете. Он очень хитрая и коварная bestия.

— Не похож Шелудяк на «руку майора».

— Так вы, может, думаете, что она действительно привидение? Чепуха и суеверность! Никаких призраков на свете нет. Они существуют только в бабушкиных сказках.

— Я и не утверждаю, что убийца или убийцы четырех ваших работников призраки.

— Тогда, кто же?

— Пока неизвестно. Посмотрим. Выясним.

— Ну, вам-то, положим, выяснить не придется. В этом деле мы теперь разберемся сами. А вас я должен буду... изолировать.

Сердце Холмина тревожно дрогнуло.

— То-есть, как изолировать? — спросил он.

— Как обычно. В камере-одиночке, — ответил энкаведист.

— Позвольте! Ведь вы обещали выпустить меня на волю.

— В том случае, если вы найдете «руку майора Громова». Разве вы ее напили?

— Но ведь я же работал для вас.

— Мало ли кто на нас работает. Всех не наградишь. Выпустить вас на волю никак невозможно. Вам известно о нашем отделе слишком много, не подлежащего оглашению. За вашу работу для отдела вы будете пользоваться в тюрьме некоторыми привилегиями: усиленный паек, часовая прогулка, кровать с матрасом и

одеялом, ну и всякие там мелочи. Вот все, чем я имею возможность отблагодарить вас.

— Что-ж и на том спасибо, товарищ начальник, — с горечью сказал Холмин.

— Гражданин начальник, — поправил его Бадмаев.

Эта поправка убедила Холмина в том, что начальник отдела не шутит и на душе подневольного детектива, волею энкаведиста возвращаемого в «первобытное состояние», стало так тяжело, как еще не бывало никогда. Сразу рушились все его мечты о свободе, об Ольге и счастьи. Стараясь скрыть дрожь и тоску в голосе, он произнес в безнадежном раздумье:

— Значит, я заключенный попрежнему.

Бадмаев подтверждающе мотнул подбородком.

— Да. Сейчас я вызову конвоиров.

Он потянулся к телефону, но, в это мгновение, от сильного толчка дверь открылась и, нарушая все правила внутриотдельской дисциплины, в кабинет ворвался юнец в мундире с лейтенантскими знаками различия — личный секретарь Бадмаева. Его — физиономия представляла собой олицетворение ужаса и паники: щеки мелового цвета, вытаращенные округлившиеся глаза, посеревшие трясущиеся губы, крупные капли пота на лбу. Прическа над лбом торчала дыбом, хотя и была напомажена. Он побежал к столу Бадмаева и крикнул срывающимися истерическим голосом:

— Товарищ начальник!.. Он ходит!..
Ходит!..

Бадмаев рассерженно прогудел:

— Не впадайте в панику! Кто там еще ходит?

Перепуганный секретарь, заикаясь, с трудом выдавил из себя:

— М-майор Г-громов.

— Где? — быстро спросил его, давно ожидавший чего-либо подобного и поэтому не растерявшийся Холмин.

— Там... там... в коридоре, — тыкал трясящейся рукой юнец в сторону двери.

Бадмаев попытался приподняться с кресла и не смог. Не меньше своего секретаря он был перепуган появлением призрака, хотя еще и не видел его. Плоская физиономия начальника отдела, за минуту до этого самодовольная и спокойная, стала потной и серой от страха. Он мотал подбородком из стороны в сторону, испуганно и однообразно гудя:

— Опять... опять... опять...

Холмин выскочил в коридор и здесь увидел следующее:

Несколько энкаведистов в страхе жались к стенам по обе стороны ковровой дорожки, а по ней шла высокая фигура в длинной армейской шинели с поднятым воротником и в фуражке, козырек которой был надвинут на лоб. Она двигалась медленно, как бы плывя в воздухе и едва касаясь ногами земли.

За свою спиной Холмин услышал тяжелое сопение вставшего, наконец, с кресла Бадмаева и прерывистое дыхание его секретаря.

Фигура в шинели медленно прошла мимо них, направляясь к повороту коридора и Холмину показалось, что он чувствует исходящее от нее

челение смерти. С трудом пересиливая это чувство, он крикнул:

— Стреляйте же кто-нибудь! Стреляйте скорее!

Фигура остановилась, обернулась к нему и по коридору разнесся ее глухой, монотонный голос, который потом уже, спустя несколько дней, энкаведисты назвали замогильным:

— В меня нельзя стрелять... Я уже расстрелян...

Электрические лампочки с абажурами, горевшие под потолком коридора, ярко освещали ее лицо и, взглянув на него, Холмин невольно содрогнулся от ужаса, смешанного с отвращением. Перед ним было лицо умершего или убитого давно, по крайней мере, с месяц тому назад: безжизненное, матово-бледное, местами покрытое желтизной и липкой влагой смерти и уже начавшее разлагаться; между распухшими, почерневшими губами виднелись оскаленные зубы, прикусившие язык; тусклые, неподвижные глаза мертвого смотрели из полуопущенных синих век.

Руки в широких рукавах шинели поднялись вверх, цепко ухватились пальцами в черных перчатках за воротник и опустили его, обнажив затылок. Он был залит кровью, а посредине его, глубоким вдавленным пятном, чернела рана.

Кто-то из энкаведистов, жавшихся к стенам, испуганно ахнул. Фигура в шинели, протяжно застонав, двинулась дальше. Еще несколько шагов и она скроется за поворотом коридора. Кое-как пересилив охвативший его страх, Холмин крикнул ей вслед:

— Кто вы? Майор Громов?

Не оборачиваясь, фигура в шинели ответила монотонно и глухо:

— Нет... Я только рука... правая рука майора Громова...

В тот же миг она скрылась за поворотом коридора и уже оттуда, еле слышно, как вздох, донесся ее голос:

— Убийцы майора Громова будут убиты рукой майора Громова...

Нервы кого-то из энкаведистов не выдержали и тишину, на несколько секунд сковавшую коридор, разорвал неистовый панический вопль:

— Товарищи! Спасайся, кто как может!

Энкаведисты бросились врассыпную, прячась по своим кабинетам и Холмин остался в коридоре один. Минут пятьостоял он неподвижно, стараясь страхнуть с себя ужас, навеянный на него появлением «руки майора Громова». Наконец, это ему удалось и профессиональное любопытство пересилило все остальные его чувства.

ГЛАВА 2.

КРАШЕННАЯ ТРЯПКА

Постепенно успокаиваясь и стараясь найти трезвое и логичное объяснение только что произшедшему, Холмин пошел туда, где скрылась «рука». Объяснение не находилось, но неожиданно нашлось нечто, не менее странное, чем появление призрака в отделе НКВД.

На ковровой дорожке, у самого поворота за угол коридора, валялось что-то красное. Холмин поднял его и начал рассматривать. Это была тряпка, кусок старого холста, чистый с одной стороны, а с другой чем-то измазанный. Холмин сначала подумал, что это кровь, но, внимательно осмотрев тряпку, убедился в ошибочности своего предположения. Она была в краске разных цветов, а с чистой стороны липкая по краям.

«А ведь она похожа на затылок того, кто называет себя «рукой майора Громова», — подумал Холмин, разглядывая кусок холста.

Действительно, пятна краски — свежей и жирной — располагались на нем в таком же порядке, как рана на затылке фигуры в армейской шинели. Посредине было черное пятно, окруженное темно-красным, постепенно светлевшим и переходившим в бледно-оранжевый и желтый цвета.

Холмин поднес тряпку к носу. От нее исходил слабый запах, показавшийся ему знакомым, но, где и когда пришлось ощущать его, он не мог вспомнить.

— После разберемся, — решил Холмин и, осторожно свернув кусок холста, сунул его в карман. Затем он шагнул за угол коридора и сейчас же остановился в изумлении.

Навстречу ему двигалась человеческая фигура, но не та, которая только что произвела панику в отделе НКВД. По ковровой дорожке не шел, а, буквально, влажился полковник Гундосов, шатаясь из стороны в сторону, как пьяный и натыкаясь на стены. Мундир его был расстегнут, руки тряслись, глаза бессмысленно блуждали.

— Что с вами, гражданин уполномоченный?

Тот испуганно отшатнулся, но, всмотревшись в Холмина, обеими руками ухватил его за рукав.

— Это ты браток? А я уж думал, что опять он.

— Кто? — спросил Холмин.

— Мертвяк, — вздрогивая выдохнул Гундосов.

— Майор Громов?

— Ну-да.

— Вы его тоже видели?

— Видал, браток, — заговорил энкаведист заплетающимся языком. — Сижу я, понимаешь, у себя в кабинете, дела к чистке подготавливаю, а он входит. Страшный, мертвый, расстрелянный. На вид похуже, чем Летучий Голландец. Морской змей и всякие такие привидения. А у меня сердце слабое, больное. Натерпелся я страха вдосталь. Думал, что сердце мое совсем поломается.

— Говорил он вам что-нибудь?

— Сказал. Немного. То самое, что в еонных записках написано. Дескать, поубиваю всех, кто Громова под пулью подвел.

Гундосов умолк и зашатался, со стоном хватаясь за грудь. Холмин поддержал его под локоть.

— Плохо мне, браток, — прерывисто дыша прохрипел энкаведист. — Сердце болит. Прпадка боюсь. Отведи, ты меня куда-нибудь. Хоть к Бадмаеву, что ли.

Поддерживая Гундосова за плечи, Холмин повел его в кабинет начальника отдела. Дверь

была заперта и Холмину пришлось долго стучать, прежде чем ее ему открыли. Секретарь Бадмаева, открывший дверь, увидя Гундосова, издал испуганное восклицание и засуетился вокруг него; он усадил его на стул и начал отпивать водой и обмахивать платком. Бадмаев, хотя еще и не оправившийся от испуга, не без злорадства наблюдал со своего кресла за плачевным состоянием ненавидимого им «матросика с Балтики».

Ожидая, что будет дальше, Холмин скромно уселся на «подследственный стул» у двери и, достав из кармана найденную в коридоре крашеную тряпку, начал ее рассматривать. Прошло несколько минут, Гундосову стало лучше и, отведя от него злорадный взгляд, Бадмаев обратил свое внимание на Холмина.

— Товарищ агент! Что же вы сидите, как пень? — спросил он.

Холмин поднялся со стула.

— Простите, гражданин майор. Я совсем позабыл, что заключенному, без разрешения следователя, сидеть не полагается. Поэтому спешу встать.

— Не болтайте чепуху! Что у вас в руках?

— Тряпка, гражданин майор. Я ее нашел в коридоре.

— Как вам не стыдно? — возмущенно загудел начальник отдела. — У нас такое творится, а вы тряпки собираете. Делом надо заниматься, товарищ.

Холмин заговорил насмешливо и вызывающе:

— Мне, гражданин майор, на все ваши дела наплевать. Никакого отношения к ним я теперь

не имею. С полчаса тому назад вы мне дали отставку и я жду конвоира, который отведет меня в тюрьму.

— Бросьте. Я пошутил.

— Это плохие шутки. Они мне очень не нравятся, так же как, впрочем, и работа для вас.

— Бойтесь привидений?

— Нет. Надоело быть подневольным детективом.

— А жить вам не надоело? А про комендантскую камеру вы забыли? Хотите, чтобы я отправил вас туда под пулю или будете работать?

— Так я же не специалист по привидениям.

— А я специалист? Избавьте меня от этой растянутой «руки майора Громова» или я избавлю вас от жизни.

— Помоги нам, браток. На тебя только надежда и осталась, — с надрывом пропел Гундосов, глядя на Холмина умоляющими глазами. Таким же взглядом молча смотрел на него и секретарь Бадмаева.

Холмин вздохнул и сказал:

— Уговорили. Тем более, что «рука майора» меня все-таки интересует. Только прошу меня не пугать комендантскими камерами и тому подобным. Я этого не люблю. Если же это еще раз повторится, то я сам попрошу под пулю. Я говорю серьезно и надеюсь, что вы мои слова не забудете.

Разговаривая так с начальником отдела НКВД, Холмин несколько лукавил: его мысли противоречили словам. Всеми мыслями он был

на воле и с Ольгой, и садиться в тюрьму ему никак не хотелось. Резкими заявлениями и требованиями он пытался, хотя бы немного, сбить чекистскую спесь с Бадмаева и оградить себя от неприятных неожиданностей в ближайшем будущем. Это ему удалось. Начальник отдела загудел примирительно:

— Хватит вам про старое вспоминать. Давайте лучше работать.

Холмин поднялся с «подследственного стула».

— Работать, так работать. У вас в отделе есть химическая лаборатория?

Бадмаев удивленно мотнул подбородком.

— Химическая? Нету. Мы не химики.

— Жаль. Такую лабораторию иметь не вредно.

— Да зачем она вам понадобилась?

— Чтобы сделать химический анализ вот этой тряпки.

— Опять ты со своей тряпкой, браток. Возишься с пустяками, — хрюпло и неодобрительно прошептал Гундосов.

— Эта тряпка может иметь большое значение в борьбе с привидениями, гражданин полковник, — назидательно сказал Холмин.

— Товарищ полковник, — поправил его начальник отдела.

Холмин протестующе поднял обе ладони вверх.

— Ну, уж нет. Отныне я к вам буду обращаться исключительно, как заключенный. Никаких товарищей, а только граждане.

— Как хотите. Мы не обидимся, — равнодушно прогудел Бадмаев...

Утром Холмин отправился к своему приятелю, студенту химического техникума Васе Проценко. Они дружили еще со школьной скамьи и студент-химик нескованно обрадовался приходу того, о ком давно распространялся слух, как о высланном в концлагерь «без права переписки». От радости даже веснушки порозовели на заострившемся носу и вокруг впалого рта, изможденной, «образцово-показательно-изголодавшейся» васиной физиономии.

Он бросился к приятелю с распростертыми объятиями и беспорядочными восклицаниями, перемешанными с такими же вопросами:

— Шура! Шурец! Ты живой? Вот это да! Не загнали в концлагерь? Вырвался из тюрьмы? Ну, поздравляю! Как живешь? Где обитаешь? А я уж думал, что от тебя осталась одна углекислота. Или аммиак, в крайнем случае. Ух, Шурка!

Холмин еле успевал отвечать на его вопросы. Однако, кроме радости, встреча с приятелем доставила Васе Проценко и огорчение, которое он незамедлил высказать:

— Надо бы тебя, Шура, угостить, да нечем. В карманах моих — ни копья. Нищ, как безработный химик. А в нашей студенческой столовке тебе, как не прикрепленному к ней, пожевать не дадут. Кормежка там, правда, неважнец, с большой примесью H_2O , но все таки в рот можно взять.

Холмин вынул из кармана две сторублевки.

— Держи, Вася. Одну на закуску с выпивкой, а другую — тебе на расходы.

Приятель замахал на него руками.

— Что ты? Что ты? Не надо. Обойдемся и без этого. Такую крупную сумму я тебе и отдать-то не скоро смогу. Не раньше, чем окончу техникум.

— Бери, бери. Не то рассержусь, — настаивал Холмин. — Я тебе деньги не дарю, а за работу плачу.

— За какую работу? — удивился Вася.

— Химический анализ мне нужно сделать.

— Анализ чего?

— Крашеной тряпки. Вот этой.

Вася взял тряпку, посмотрел, понюхал и сказал:

— Так это же холстина, театральный грим и клей. Какого тебе еще анализа нужно?

— Верно! — воскликнул Холмин. — Теперь я вспомнил.

— Что вспомнил?

— Знакомый запах. Ведь мы с тобой вместе в школьном драмкружке состояли. Хорошее время было. Помнишь?

— Как же...

Свои воспоминания они продолжили в ближайшей пивной за выпивкой и закуской.

ГЛАВА 3

КТО ВИДЕЛ РАССТРЕЛЯННОГО?

— До сих пор я все еще не получил ответа на один важный вопрос о майоре Громове, — сказал Холмин Бадмаеву и Гундосову, в который уж раз безуспешно обсуждая с ними события последних дней, вызвавшие в отделе

НКВД беспрерывную, непрекращающуюся панику . . .

Обычная повседневная, — вернее повсенощная, — работа отдела приостановилась; чистка, как в городе и районе, так и среди работников НКВД, сошла почти на нет, количество арестов и расстрелов значительно сократилось, следственные дела затягивались. Столкнувшись с непонятным, вызывающим ужас и не укладывавшимся ни в какие рамки диалектики явлением, — с призраком майора Громова, — энкаведисты стали искать спасения в бегстве от него. Следователи приставали к начальству с просьбами об отправке их в служебные командировки по району; теломеханики боялись допрашивать подследственных и, добывая у знакомых врачей справки о болезни, не являясь на «работу». Дело дошло до того, что Бадмаев был принужден трех следователей и двоих теломехаников посадить под арест на десять дней, а остальным пригрозил судом за «попытку дезертирства с фронта борьбы против врагов народа.»

Появление призрака усилило и увеличило существовавшие в среде работников отдела суеверия. Многие из энкаведистов, не веря в Бога, полагали, что черти, все таки, пока еще «не ликвидированы, как класс» и им, энкаведистам, приходится выполнять именно «чортову работу.» Встреча с «рукой майора Громова» подтвердила основательность подобных суеверий, превратив их в твердые, неопровергимые убеждения. В результате, отдел НКВД был полностью терроризован призраком расстрелянного майора.

Из всех энкаведистов только один полковник Гундосов продолжал сомневаться в существовании чертей. Впрочем, свои сомнения уполномоченный Ежова выражал не особенно энергично, а «случай с призраком из загробного мира» никак объяснить не мог, хотя несколько раз и пытался. Он тоже был напуган встречей с «рукой», но не до такой степени, как Бадмаев, нервно вздрагивавший при каждом упоминании о ней. У полковника было значительно больше выдержки и чекистской закалки, чем у майора. Глаза Гундосова никогда не отражали волнующих его чувств; они всегда были холодными, внимательными, щупающими и оценивающими и, даже в моменты испуга или гнева, их обычное выражение не изменялось...

Замечание Холмина о майоре Громове вызвало у начальника отдела нервную дрожь. Помотав подбородком, он недовольно загудел:

— Ваших вопросов, гражданин агент, хватило бы на самую длиннейшую анкету. Сколько же можно спрашивать? И когда это кончится?

— Без вопросов следствия не бывает. Сами знаете, гражданин начальник, — ответил Холмин.

— На какой вопрос ты не получил ответа, браток? — спросил его Гундосов.

— Это было приблизительно за четверть часа до того, как мы обнаружили труп коменданта в его камере. Я спрашивал тогда: кто видел Громова расстрелянным?

— Да многие видали, — прогудел Бадмаев.

— Кто, например?

— Ну, комендант....

— Старый комендант убит, а новый не видел. Кто еще?

— Тогда... наш врач. Он констатирует смерть каждого ликвидированного.

— Можно с ним побеседовать?

— Да зачем это вам?

— Для пользы дела, гражданин начальник.

— Давай-ка, браток, вызови сюда своего лекаря. Кстати, и я на него погляжу, — тоном приказа сказал Гундосов начальнику отдела.

Бадмаев снял трубку с одного из телефонов, стоявших на столе.

— Говорит Бадмаев... Кто это? Товарищ Демент? Зайдите ко мне на минутку...

Вызванный явился спешно. Не прошло и двух минут, как перед столом, в кабинете начальника отдела, уже стояла фигура в белом халате. Это был человек лет пятидесяти с бородой лопаточкой, — густой, но аккуратно подстриженной, — и с очень редкими волосами, прилизанными и уложенными в подобие причесок на макушке. Лицо обладателя так неравномерно распределенных волос выражало ожидание, угодливость и беспокойство; черные, быстрые глазки испуганно помаргивали под стеклышками золотого пенсне.

Бадмаев указал на него Холмину.

— Это наш доктор. Спрашивайте, что вам нужно, гражданин агент.

— Скажите, доктор, вы помните такого заключенного — Виктора Михайловича Гролова? — спросил Холмин.

Фигура в белом халате услужливо повернулась к нему.

— Кто же его не помнит? Конечно же, помню.

— Вы видели его расстрелянным?

Борода-лопаточка растерянно затряслась и ее обладатель произнес, запинаясь:

— Вы знаете — не пришлось. Обстоятельства, понимаете, не позволили.

— Как это не пришлось? Про какие обстоятельства вы толкуете, товарищ Демент? — загудел Бадмаев. — Ведь вы же констатировали смерть Громова.

Белый халат метнулся к нему.

— Позвольте объяснить, товарищ начальник... Дело в следующем. Я констатировал смерть Громова... заочно.

— Что? Как заочно?

— Получилось так, товарищ начальник. В ночь казни майора у меня были гости. Я праздновал 25-летний юбилей моей медицинской деятельности. Вы же понимаете, товарищ начальник? Такое событие. Как не отметить? И я договорился с комендантом, что акт о смерти Громова подпишу утром. Конечно, это моя оплошность, я понимаю, но что же было делать...

Врач умолк, испуганно и умоляюще поблескивая на Бадмаева стеклышками пенснэ. Обрюзгшая физиономия Гундосова сморщилась в раздраженно-презрительную гримасу и, потирая ладонью свой бритый череп, он произнес с язвительной иронией:

— Каждый день я наблюдаю тут, в отделе порядочки и удивляюсь. Таких порядочков не найдешь на самой захудалой, товаро-пассажирской речной калоше. Как ты только с ними миришься, товарищ майор?

Вместо ответа, начальник отдела стукнул кулаком по столу и заорал на врача:

— Иди в комендатуру! Немедленно! Скажешь там, что я приказал посадить тебя в карцер. На хлеб и на воду! Две недели будешь сидеть без отрыва оточных служебных обязанностей.

Втянув голову в плечи и вздрагивая халатом, Демент поплелся к двери. Глядя ему вслед, Гундосов сказал:

— Надо бы больше дать этому лекаришке.

— Я бы его на пять лет посадил, да у нас другого доктора нет, — тяжело и злобно сопя, прогудел Бадмаев.

После ухода врача наступило короткое молчание, которое Холмин прервал повторным вопросом:

— Так, кто же, все таки, видел расстрелянного Громова?

На плоской физиономии начальника отдела отразилась смесь досады, недовольства и раздражения и его гудящий бас перешел в хриплое рычание:

— Ох и надоели вы мне, гражданин агент, вашими назойливыми вопросами. Ну, зачем вам знать, кто видел расстрелянного? Для чего?

— Видите-ли, гражданин начальник, — сказал Холмин, — я не совсем уверен в том, что майор Громов... мертв.

— Как не уверен, браток?! — воскликнул Гундосов. — Ведь расстреляли майора. И призрак его по отдельу шляется. Людей убивает.

— Я, как бы это сказать... совсем не уверен, что он действительно призрак.

— А кто же по-твоему? Живой человек, что ли?

— Может быть.

— Бросьте, — мотнул на Холмина подбородком Бадмаев. — Я вам покажу людей, которые его в землю зарыли. Чернолапых.

— Кого? — не понял Холмин.

— Ну, есть у нас такой специальный взвод. По ликвидации последствий ликвидации. Работников этого взвода мы называем чернолапыми. Они занимаются у нас всякой черной работой: зарывают в землю трупы ликвидированных, стирают снятую с них одежду, чистят комендантскую камеру, — объяснил начальник отдела.

— Теперь припоминаю. Я слышал о них в тюремной камере, — сказал Холмин.

— Если хотите, я вызову сейчас взводного чернолапых, — предложил Бадмаев.

— Пожалуйста! Очень хочу! — воскликнул Холмин. — Может быть, хоть он видел расстрелянного Громова.

Бадмаев снова взялся за телефонную трубку...

Через несколько минут, перед его столом, место только что отправленной в карцер белой фигуры, заняла черная. Пожилой, угрюмый и дня три небритый мужчина, вытянув руки по швам, беспокойно и тревожно «ел глазами начальство», ожидая, что оно ему скажет. Черная, мятая шинель конвоира, явно с чужого плеча, сидела на нем мешковато, а рваные, неподдающиеся чистке сапоги, тесные для него и по внешнему виду тоже с чужих ног, от времени приняли грязно-рыжий цвет.

На заданный ему Холминым вопрос о Громове взводный «чернолапых», отрицательно покачав головой, ответил коротко:

— Никак нет. Не видал.

— И этот тоже, — со вздохом разочарования вырвалось у Холмина.

Вконец обозленный Бадмаев, вскочив из-за стола, набросился на взводного с руганью, вставляя в нее отрывисто гудящие вопросы:

— Как не видал? Почему? Ты же зарывал его? Закапывал ликвидированного? Ну? Чего молчишь?

Перепуганный взводный произнес заплетающимся языком:

— Разрешите доложить, товарищ начальник. В тую ночь я послал зарывать ликвидированного троих ребят со взвода. А сам был занятой на другой работе.

— На какой?

— Комендантскую камеру чистили под моим личным руководством. Иначе нельзя. Ежели за чем не уследишь, то после комендант ругается. Ребята во взводе работают спустя рукава, не по-стахановски.

— А почему так работают? — спросил Гундосов.

Взводный заговорил обиженно и плачущим голосом:

— Заинтересованности в работе нету. Попрощешиев никаких. Премии не дают. В дом отдыха не посыпают. Даже лучшие вещи с ликвидированных распределяются среди работников комендатуры и конвоиров. А нам всякие отрепки, вот вроде моих сапогов. Будто и не люди мы, а грязь под ногами. Обидно. Я два раза про это докладную писал, а улучшениев нету.

Бадмаев отмахнулся от него подбородком.

— Ладно, ладно. Снабжение вашего взвода мы улучшим. А теперь ты нам вот что скажи: те трое твоих ребят, которых ты посыпал на зарытие Громова, видали его ликвидированным?

— Ну, как не видать, товарищ начальник? Они же его зарывали. Должны были видеть, — ответил взводный.

— Давай-ка их сюда! Быстро! — приказал Бадмаев.

— Слушаюсь...

Трое приведенных взводным «чернолапых», — молодых, простоватых и туповатых парней, мобилизованных на работу в НКВД из какого-то колхоза, — под перекрестными вопросами Холмина, Бадмаева и Гундосова, потели, краснели, сопели и отвечали путано и невпопад. Наконец, один из них, с виду побойчее других, заявил:

— Зарыли мы тогда одного в мундире, а кто он такой — нам неведомо. Может, майор Громов, а может и нет. Мы фамилий ликвидированных не спрашиваем. Верно я говорю, товарищи? — обратился он за поддержкой к своим товарищам.

— Те утвердительно закивали головами.

— Где вы похоронили этого расстрелянного? В общей могиле? — спросил Холмин.

«Чернолапый» ответил с профессиональным превосходством:

— Зачем же для одного общую копать? В одиночной зарыли.

— Где именно?

Парень наморщил лоб, припоминая.

— Закопали мы его... Вспомнил. На опушке рощицы, что возле Свежего родника. Там еще такой кудреватый дубок есть. Под ним и зарыли. В ту же ночь только один ликвидированный был.

— У меня больше нет вопросов им, — вполголоса сказал Холмин Бадмаеву. Тот кивнул подбородком «чернолапым».

— Идите, товарищи. А об улучшении снабжения я распоряжусь.

Облегченно вздохая, обрадованные тем, что встреча с начальством закончилась для них так благополучно, могильщики НКВД затопали к двери.

ГЛАВА 4

МОГИЛА

Холмин вопросительно взглянул на Бадмаева. Поняв его без слов, начальник отдела прогудел в раздумья:

— Кто же еще видал? Комендант, доктор, чернолапые и... Кто же еще? Пожалуй... больше некому. Кроме них, ликвидированного майора Громова не мог видеть никто.

— Все таки, я хотел бы убедиться точно, что он мертв и похоронен, — сказал Холмин.

— А как вы в этом убедитесь? — спросил Бадмаев.

— Необходимо разрыть его могилу.

— Так за чем остановка? Берите с собой этих чернолапых, что я вызывал, и поезжайте туда, где они зарыли ликвидированного майора.

— И я с вами поеду, — неожиданно вставил полковник Гундусов.

Начальник отдела взглянул на него, подумал и решительно мотнул подбородком.

— Пожалуй и мне следует поехать. Я тоже должен убедиться в том, что он действительно ... ликвидирован...

*

Четверть часа спустя, по ухабистой, пыльной дороге тряслись два автомобиля, направляясь за город. Впереди ехал грузовик с шофером и взводным «чернолапым» в кабинке; трое подчиненных последнего и несколько лопат и кирок подпрыгивали в ящике машины.

Вслед за ним, отстав на полсотни метров, двигался легковой фордик начальника отдела. Гундусов, по праву «хозяина», сидел рядом с шофером; Бадмаев и Холмин поместились сзади, в кузове.

Ехали минут двадцать, и Холмину уже начало надоедать это путешествие в жаркий летний вечер, по пыльной и тряской дороге. Наконец, ехавший впереди грузовик, свернув в сторону на тропинку и, обогнув холм, остановился у небольшой дубовой рощицы. Неподалеку от нее, метрах в ста слева, протекал ручей, бравший свое начало из подземного ключа, называющегося Свежим родником.

Бадмаевский фордик, подъехав к грузовику, остановился тоже.

— Тут, что ли, братишки? — спросил Гундусов, вылезая из кабинки.

Один из «чернолапых», тот, что был побойчее других, спрыгнув с грузовика, вытянулся и, показывая рукой в сторону, ответил:

— Чуть подальше, товарищ полковник. Вон там. Туда машиной не подъедешь. Потому — круто. Горка. А в ней лощинка и тот самый дубок. Пешком придется итти. Да это недалеко.

Холмин посмотрел по направлению его жеста. На склоне холма, метрах в пятидесяти от них, виднелась верхушка дерева, неясно и расплывчато очерченная в быстро сгустившихся вечерних сумерках.

— Так пошли туда, — сказал Гундосов.

Забрав кирки и лопаты, могильщики, вместе со своим взводным, двинулись вперед. За ними пошли рядом Холмин и Гундосов. Замыкал это вечернее, несомненно странное для постороннего взгляда, шествие тяжело сопевший Бадмаев. Начальник отдела НКВД, годами проводивший дни и ночи в кабинете да в постели, с трудом преодолевал подъем на небольшой холм, покрытый мелким кустарником и скользкой степной травой.

Подъем продолжался до середины холма, а затем, к облегчению Бадмаева, начался спуск в лощину. С каждым шагом очертания дерева становились все яснее и Холмин, напрягая зрение, уже смог разглядеть тонкий кривой ствол молодого дуба и его кудрявую шапку.

Остановившись возле дерева, могильщики сбросили с плеч на землю кирки и лопаты.

— Здесь он зарыт? — спросил, подходя к нему, запыхавшийся Бадмаев.

— Точно, товарищ начальник. Под этим дубком, — откликнулся один из «чернолапых».

— Давайте скорее раскапывать. По-стахановски. А то времени ждать у меня нет, — приказал начальник отдела и, обращаясь к Гундосову и Холмину, добавил:

— Вообще, товарищи, время для этих раскопок мы выбрали самое неподходящее.

— Почему, браток? — спросил Гундосов.

— Ночь. Темно. И... вообще. Надо бы днем.

— Ничего, товарищ начальник, — сказал взводный. — Скоро посветлеет. Луна вот-вот взойти должна. А яму ребята отроют в момент. Работа привычная.

— В гробу его похоронили? — спросил Холмин.

В голосе взводного прозвучало удивление:

— Да, что вы, товарищ? На всех ликвидированных гробов не напасешься. Зарыли, как есть.

— И глубоко?

— Зачем глыбоко? Мы для одиночек глыбоких ям не роем. Засыпали слоем земли в полметра и хватит. Так, ребята?

— Точно, товарищ комвзвода. Более и не требуется, — откликнулся голос, кого-то из «чернолапых».

— Ну, хватит разговоров! Давайте раскапывать яму! — нетерпеливо прогудел Бадмаев.

— Если быстро справитесь, я вам премию выдам.

— Давай ребята! Начинай! — скомандовал взводный.

Могильщики, засучив рукава мундиров, дружно принялись за работу. Кирка и две лопаты врылись в землю. Холмин и Гундосов закурили. Бадмаев хотел закурить тоже, но его руки так дрожали, что он сломал спичку, смял

папиросу и просыпал табак из нее. Выругавшись, он отбросил курево в сторону.

— Что, браток, нервничаешь? — спросил Гундосов с нескрываемой насмешкой в голосе.

— Нет. Просто так... Прохладно стало, — запнувшись ответил начальник отдела.

— Какое там — прохладно. Теплынь, как в Южных морях, — возразил Гундосов и, помолчав, насмешливо осведомился: — А, може ты сдрейфил, товарищ майор НКВД? С перепуту дрожишь, может?

Сердито засопев, Бадмаев промолчал...

Прошло, вероятно, не меньше получаса, а могильщики все еще не закончили свою работу. Закуривая вторую папиросу, Гундосов произнес с досадой:

— И чего они так копаются? Давно бы уж пора вырыть. Сколько же можно ждать, чорт возьми...

Бадмаев перебил его дрожащим басом:

— Вы бы хоть про него не упоминали, товарищ полковник.

— Про кого? — не понял Гундосов.

— Да вот, о ком вы сказали последние слова.

— Про чертова, что ли?

— Ну да.

— Неужели, ты в него веришь, майор НКВД?

— Ну, это мое дело. А только в такую ночь про него разговаривать не нужно...

Их спор прервал вылезший из вырытой ямы «чернолапый», тот что был побойчее своих товарищей. Только что взошедшая луна осветила его лицо: оно было потное и растерянное.

— Нету, товарищ комвзвода, — хрипло произнес он, разводя руками.

Взводный и Бадмаев одновременно шагнули к нему и их вопросы слились в один возглас:

— Как нету?! Кого нет?!

Парень опустил рукав мундира и, вытирая им пот со лба, ответил:

— Зарытого нету. Уже больше метра земли выбросили, а ни до чего не дoryлись. Яма пустая и дальше вглыбь твердый грунт.

— Как же так? Не может быть, — забеспокоился начальник отдела. — Ну-ка, я сам посмотрю. Зажгите кто-нибудь фонарь. Товарищ взводный! Скорее...

— Нету у нас фонарей, товарищ начальник, — откликнулся взводный. — Еще на прошлой неделе батарейки для их кончились. Перегорели, значит. У каждого конвоира фонарь имеется, а нам дали два на весь взвод. И по четыре батарейки в месяц.

Бадмаев с досадой отмахнулся от него, и прругдел отрывисто и раздраженно:

— Надо было мне сказать. Я бы свой фонарь захватил... Ну, посветите хоть спичкой, кто-нибудь!

Двое бывших в яме могильщиков вылезли оттуда и над нею вспыхнуло несколько спичек. Наклонившись вперед, Холмин, при их свете, стал рассматривать яму. Она была пуста. На ее дне темнели комья вскопанной земли и ничего больше.

— Может быть, вы похоронили майора Громова в другом месте и забыли об этом? — спросил Холмин могильщиков, убедившись, что в яме ничего нет.

— Да нет же, товарищ, — ответил один из них. — Тут он был. Верхний-то слой земли рыхлый на полметра. Глядите сами. Тут мы его закопали.

— Где же он?

— Откуда нам знать? Может, под землю ушел. Ведь не простой он ликвидированный, а сам майор Громов.

— А, может, он бродит тут поблизости? — испуганно прошептал другой могильщик.

Наступило продолжительное молчание. Все замерли, напряженно вслушиваясь вочные звуки. И каждому в этих звуках, в легком дуновении ветра и шелесте листьев и степной травы, почудились чьи-то тяжелые, идущие где-то близко шаги. Даже Холмину, знаявшему больше других о «руке майора Громова», стало жутко у разрытой могилы, из которой исчез мертвец.

Молчание, сковавшее испуганных людей, нарушил Бадмаев. Отскочив от могилы назад, он торопливо зашептал, весь дрожа:

— Вы, как хотите, товарищи, а я еду в отдел. Меня там дела ждут. Некогда мне тут раскопками заниматься... Взводный! Зарыть эту яму!

И, не дожидаясь ответа взводного, он быстрыми шагами, почти бегом, пошел в ту сторону, где остались автомобили. Полковник Гундосов потоптался на месте, вздрогнул, поежился и крикнул вслед ушедшему:

— Товарищ майор! Постой! И я с тобой поеду!

Бадмаев ничего не ответил и Гундосов бегом бросился за ним. Через три-четыре минуты до оставшихся донесся отдаленный рокот авто-

мобильного мотора. Взводный сказал со вздохом:

— Спужалось начальство и уехало.

Могильщик побойчее откликнулся на его слова:

— Тут каждый спужается, а не токмо начальство.

— А мы как же? — спросил другой могильщик.

— Тоже надо отсюда убираться поскорее, — сказал третий.

— Яму зарыть приказано, — возразил ему взводный.

«Чернолапые» заговорили наперебой.

— Хрен с ней, с ямой. Завтра утром зарем. Нечего оставаться ночью посреди такого страха.

— Ладно, ребята, — согласился взводный.

— Забирайте инструмент и пошли.

Взвалив на плечи лопаты и кирки и не обращая внимания на Холмина, «чернолапые» поспешно покинули лощину с разрытой могилой. Они шли так быстро, что он догнал их только у самого автомобиля.

— И вы с нами едете, товарищ... не знаю, как вас? — спросил его взводный.

— С вами, — ответил Холмин и добавил начальственным тоном:

— Завезете меня в гостиницу.

— Это можно. Нам по пути, — согласился взводный и заискивающе попросил:

— Только вы, товарищ, в отделе не говорите, что мы яму незарытую бросили. Уж, пожалуйста. Мы ее завтра зароем.

— Не беспокойтесь. Не скажу, — пообещал Холмин. — Я не доносчик.

— Вот и хорошо, — обрадовался энкаведист. — А мы вас в момент в тую ночлежку доставим... Эй, шофер! Задремал? Давай трогай!..

В номере гостиницы, уставший за день Холмин с удовольствием улегся в постель и, снимая с телефонного аппарата трубку, не без злорадства подумал о своем начальстве:

«Теперь можете мне звонить сколько вам угодно. Ответа не будет. Вы меня бросили, а я вас. Возитесь эту ночь с вашими призраками сами...»

ГЛАВА 5

«ДОКТОР МАГИЧЕСКИХ НАУК»

Спать долго Холмину, однако, не удалось. В полночь он проснулся оттого, что кто-то тряс его за плечо и приговаривал:

— Товарищ! Проснитесь! Да проснитесь же, товарищ...

Холмин открыл глаза. Перед кроватью стоял молодой парень с очень озабоченным лицом, одетый в мундир энкаведиста.

— Кто вы такой? — спросил Холмин, вскакивая с постели.

— Посыльный из комендатуры, — ответил парень.

— Что вам нужно?

— Начальник отдела НКВД, товарищ Бад-

маев требует, чтобы вы немедленно явились к нему.

Невыспавшийся и злой на свое начальство подневольный детектив, с досадой отмахнулся рукой от этого требования.

— Скажите ему, что я приду завтра.

— Никак невозможно, — возразил энкаведист. — В случае вашего отказа, приказано доставить вас под конвоем...

Ругаясь и проклиная беспокойное начальство, Холмин стал одеваться...

*

В кабинете начальника отдела Холмина ждал начальственный «триумвират»: Бадмаев, Гундосов и секретарь партийного бюро Кислицкий.

Был здесь, однако, и четвертый незнакомый Холмину человек, внешность которого сразу же его заинтересовала. Перед столом, с независимым видом развалившись на стуле, сидел субъект, который даже в уголовном мире никому не мог бы внушить никакого доверия. Одет он был в костюм «тюремного фасона»: рваный пиджак и штаны с бахромой и протертymi коленями, кое-где зашитые и заплатанные толстыми, разноцветными нитками. На голой шее человека, высовывавшейся из невероятно грязной рубашки без воротника, красовался бантик галстука; цветом похожий на кусок грязной половой тряпки, он, тем не менее, был завязан не без кокетства.

«Сколько ему может быть лет?» — подумал Холмин, всматриваясь в физиономию незнакомца, но ответить на этот вопрос не смог; физиономия была до того мята и потасканная,

что ее владельцу можно было дать и тридцать лет и вдвое больше; в советских тюрьмах иногда встречаются такие «люди без возраста».

Бадмаев сидел на стуле против незнакомца, придвигнувшись к нему вплотную, Гундосов — в кресле за столом, а Кислицкий стоял у окна, прислонившись спиной к подоконнику. По выражению их напряженных лиц Холмин догадался, что, перед его приходом, субъект с бантиком рассказывал им что-то очень интересное. На лицах Бадмаева и Кислицкого отражались любопытство, надежда и нескрываемая радость; выражение лица Гундосова было несколько иным: на нем напряженное любопытство смешивалось с чем-то откровенно скептическим, а холодные глаза смотрели недоверчиво и насмешливо.

Увидев входящего Холмина, начальник отдела кивнул ему подбородком.

— Ага! Гражданин агент. Хорошо, что вы явились так быстро. У нас новость. В одной из тюремных камер мы обнаружили спела по привидениям. Будете работать с ним в контакте.

Злость подневольного детектива против начальства, бросившего его у разрытой могилы, а затем не давшего ему выспаться, еще не улеглась и он ответил холодно и резко:

— Мне, гражданин майор, ни с кем никакого контакта не требуется. С меня его хватит. И особенно такого, как несколько часов тому назад, во время вашего поспешного бегства от могилы майора Громова.

Холмин думал, что Бадмаев рассердится, но тот благодушно отмахнулся от него рукой и подбородком.

— Бросьте про это вспоминать. Теперь у нас по-другому дело пойдет. Мы теперь с этой растреклятой «рукой майора Громова» справимся. Вот познакомьтесь с товарищем. Незаменимый спец по части привидений.

Субъект с бантиком, приподнявшись со стула, церемонно поклонился и, протягивая руку Холмину, произнес хриплым, не то простуженным, не то пропитым баритоном:

— Серж Вовушев, к вашим услугам. Доктор магических наук. Из Парижа.

Холмин еле успел подавить, чуть не сорвавшийся с его губ возглас удивления. Такой саморекомендации от подобного субъекта он никак не ожидал.

— Очень рад познакомиться, — сказал назвавшийся таким необыкновенным доктором, продолжая протягивать руку.

Пожав ее и назвав свою фамилию, Холмин вздрогнул от легкого приступа брезгливости: рука была потной, липкой и нервно вздрагивала.

— Ну, вот и познакомились. А теперь, товарищ Вовушев, давайте рассказывайте дальше, — нетерпеливо прогудел Бадмаев, придвигаясь к нему еще ближе.

Холмин поиском глазами, на что бы сесть. Свободным был только «подследственный стул» у двери, но садиться на него не хотелось; с ним у заключенного, временно отпущеного на волю, были связаны невеселые воспоминания. Тогда Холмин подошел ко второму окну кабинета и, подпрыгнув, бесцеремонно уселся на подоконнике. Гундосов недовольно покосился на него, но ничего не сказал, а Бадмаев и Кислицкий, увлеченные тем, что им говорил необы-

чайный доктор, не заметили «нарушения правил внутреннего распорядка» в кабинете начальника отдела НКВД.

А Серж Вовушев, в это время, делая округленные плавные жесты перед плоской физиономией Бадмаева, читал ему лекцию внушительно, самоуверенно и хрипло:

— Кроме трех измерений, о которых я имел честь только что вам вкратце доложить, во вселенной существует и четвертое, невидимое нами и недоступное нашим примитивным человеческим представлениям и ощущениям. Это, так называемый, трансцендентный мир, наполненный непонятными нам метафизическими, метапсихическими, оккультными, спиритическими и, тому подобными, явлениями. Эти, изволите-ли видеть, явления становятся доступными человеческому разуму лишь после длительного и тщательного их изучения. К подобным явлениям относится и, загадочная для непосвященных, материализация астральных тел, в просторечии называемых душами. После смерти человека его астральное тело продолжает жить в трансцендентном мире и, в любой момент, может материализоваться и предстать перед нами в виде того, что мы называем привидением или призраком...

Хриплый баритон Сержа повествовал о знакомых, хотя и смутно, Холмину вещах, но, при этом, невероятно путал их, фантазировал, импровизировал, пересыпал свою речь множеством иностранных слов, ссылался на свои «научно-дружеские связи с мадам Блаватской, мадмуазель Ленорман и знаменитым индусским фариrom Кришнамурти» называл десятки евро-

ми ртами; ничего подобного слышать им еще никогда не приходилось. По лицу Гундосова бродила скептическая насмешливая улыбка.

Холмин смотрел на рассказывающего и думал:

пейских, американских, и азиатских городов, где ему, Сержу, будто бы, пришлось побывать. Бадмаев и Кислицкий слушали его с разинутые старые опытные энкаведисты — Бадмаев и

«Ведь это же лгун, жулик и арап. Как та-Кислицкий — могут ему верить? Как они его сразу не раскусили? И чего он добивается своими баснями?»

Серж на секунду сделал паузу и обвел взглядом своих слушателей. Холмин поймал этот взгляд и понял, что кроется за ним. С помятого, потасканного и грязного, остриженного парикмахерской машинкой лица испуганно и умоляюще смотрели голодные, полные отчаяния и муки, глаза человека, долго сидящего в советской тюрьме.

«Так вот оно что. Он выкарабкивается из тюрьмы, как умеет. Бедняга. Конечно, я не буду мешать этому несчастному», — мысленно пожалел его Холмин.

У полковника Гундосова, тоже поймавшего страдальческий взгляд заключенного, и, видимо, понявшего его, он, однако, никакого сочувствия не вызвал. Когда Серж, передохнув, собирался продолжать свою «лекцию», энкаведист грубо оборвал его:

— Эй, послушай-ка, Гогушев...

Слегка поклонившись Гундосову, «доктор магических наук» мягко поправил его:

— Моя фамилия — Вовушев, товарищ полковник.

— Ладно, пускай будет Бобушев...

— Вовушев, товарищ полковник, — вторично поправил Серж.

— Да, что ты привязываешься ко мне со своей арапской фамилией? — рассердился энкаведист. — Тебе не все равно, как я ее вы- Серж.

говариваю? Отвечай-ка лучше на мои вопросы.

— И в Булоиском лесу?

— Пожалуйста, — склонился оробевший

— Был, значит, в Париже?

— О, конечно!

— Как же!

— Большой лес?

— О, дремучий!

— Так-так. А на Елисейских полях бывал?

— Приходилось.

— Что это за поля?

— Обыкновенные. Пшеницу там сеют. Овес, картошку. Бураки тоже.

Энкаведист расхохотался.

— Ну и трепач ты, браток. Вроде отставного корабельного кока. Бураки, говоришь, сеют? Вот трепло. Не был ты в Париже, Фофушев.

— А вы, товарищ полковник, откуда знаете? — робко спросил Серж, не посмев поправить энкаведиста в третий раз.

— Я, браток, во многих портовых городах побывал. И в Париже тоже, хотя он и сухопутный город. Так что ты дремучим Булоиским лесом и бураками на Елисейских полях мне арата не заправляй, — сказал Гундосов.

Серж Вовушев совсем увял, исхудавши заморгав глазами. В их разговор вмешался Бадмаев:

— Товарищи! Это совсем неважно — был он в Париже или нет. Для нас сейчас важнее другое.

— Что? — спросил Гундосов.

— Для нас важно, сможет ли товарищ Вовушев помочь нам в разоблачении «руки майора Громова». Сможете, доктор?

Нерешительно и с опаской покосившись на Гундосова, «доктор» ответил, запинаясь:

— Видите-ли, товарищ начальник... То, что вы называете разоблачением интересующего вас астрального тела, конечно... вполне возможно.

— Каким образом? — быстро спросил Бадмаев.

— Путем установления контакта с астральным телом, его вызова из трансцендентного мира и последующих заклинаний. Но для этого мне потребуются соответствующие условия.

— Какие, товарищ спец? — задал вопрос молчавший до этого Кислицкий.

— В тюремной камере невозможно сосредоточить волю духа на достижении контакта с трансцендентным миром. Кроме того, дух должен быть укреплен усиленным питанием... тела.

— Короче говоря, «доктор магических наук» желает выскоить из тюрьмы и подкормиться, — с грубой иронией добавил Гундосов.

Пропустив мимо ушей это добавление, Бадмаев утвердительно закивал подбородком.

— Необходимые условия для работы мы вам обеспечим. Выпустим вас из тюрьмы, дадим номер в гостинице и прикрепим к столовке.

— И одним мошенником на воле станет больше, — сказал Гундосов, неодобрительно покачивая головой. — Что ты делаешь, майор НКВД? Разве че видишь, кто перед тобой? Ведь он жулик и балаганный фокусник. По его жестикуляции сразу видать.

— Позвольте, товарищ полковник, — попробовал вмешаться Серж. — В нашей профессии, конечно, иногда приходится прибегать к тому, что вы называете фокусами. Даже сама мадмуазель Ленорман, с которой я...

— Заткнись! Ленорман померла, когда тебя еще в проекте не было, — оборвал его Гундосов и обратился к Холмину:

— Неужели, браток, ты потерпишь конкуренцию этого сухопутного трепача? Я бы не стерпел.

— У нас разные методы работы и я надеюсь, что мы не будем друг другу мешать, — спокойно возразил Холмин.

«Доктор магических наук» бросил на него благодарный взгляд и поспешил согласиться:

— О, конечно. Мы будем работать параллельно.

Он нерешительно посмотрел на Бадмаева и спросил:

— Может быть, мне теперь удалиться, а нашу беседу мы... продолжим завтра?

— Идите, — мотнул подбородком тот. — Эту ночь переспите в комендатуре, а завтра мы вас устроим.

— Большое спасибо, — произнес Серж, вскочив со стула, и, церемонно кланяясь, начал прощаться со своими слушателями.

ГЛАВА 6

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

Проводив взглядом поспешно удалившегося «доктора магических наук», Гундосов сказал:

— В это грязное дело я вмешиваться не буду, хотя и мог бы, но, по-моему, такой арап и фокусник особой пользы нам не принесет. Не следовало бы его из тюрьмы пускать... Эх, товарищ Бадмаев! Гляжу я на тебя и вижу, что совсем ты в панику ударился и за соломинку хватаешься, точно утопающий. Совсем тебя доканала «рука майора Громова». Ты аж посинел весь, как после морского купанья зимой. В ребячество впадаешь.

Ожесточенно замотав подбородком, начальник отдела огрызнулся:

— Ни в какое ребячество я не впадаю. Просто использую новые методы борьбы против этой растреклятой «руки». Вам, товарищ особо-уполномоченный, ничего, а я уж сколько дней под пулей хожу.

— Тоже нашел метод. Фокусника! И ты, товарищ Кислицкий, — повернулся Гундосов к секретарю партийного бюро, — панические настроения в отделе поддерживаешь. Это вместо того, чтобы с ними бороться. А еще руководитель партийной организации, поставленный на пост воспитателя коммунистов в органах НКВД. И на таком ответственном посту поддался суевериям, как отсталый некультурный юнга.

— Какие же суеверия, товарищ полковник? — покраснев, возразил Кислицкий. — Многие в отделе привидение видели. И вы тоже.

— А чему учит наша большевистская партия? Чему учил товарищ Карл Маркс? Никаких призраков нет и быть не может. Все это религиозные предрассудки.

— Насчет Карла Маркса вы, товарищ полковник, ошибаетесь. Он существования призраков не отрицал.

— Откуда ты это взял, товарищ Кислицкий?

— Из «Коммунистического манифеста». В нем Маркс пишет: «Бродит призрак по Европе»...

— Так то он писал про призрак коммунизма.

— А почему он его назвал так, а не иначе? Значит, допускал существование призраков вообще. И под привидения вполне можно подвести диалектическую базу.

— Ну-ка, подведи.

— Если, как нам известно из диалектики, ничто в природе не исчезает и вновь не появляется, то, значит, астральные тела тоже не исчезают. А так как, один вид материи переходит в другой, то и они, эти самые тела, могут подчиняться законам диалектического материализма.

— Материализоваться, — поправил его Холмин.

— Ну, это все равно, — отмахнулся от него Кислицкий.

Гундсов засмеялся.

— Эх, вы! Диалектики! Весь диалектический материализм с привидениями смешали. «Рука майора Громова» окончательно вам головы заморочила. А ты как, Холмин? Тоже в нее уверовал?

— У меня о ней особое мнение, — ответил подневольный детектив.

— Особое? Может, ты нам про него расскажешь? Или это секрет?

— Теперь не секрет.

— Почему теперь?

— Потому, что теперь у меня есть кое-какие факты о «руке».

— Это интересно. Давай-ка твои факты.

— Я вам изложу их вкратце, — начал Холмин. — По моему мнению «рука майора Громова», вызвавшая такую панику во всем отделе НКВД и убившая четырех его работников, совсем не привидение...

Прерывая его, Бадмаев загудел:

— Как не привидение? У него мертвое лицо и простреленный затылок. Я же собственными глазами видел. И, к тому же, он из могилы исчез. А вы говорите...

— Такое живым не бывает, — поддержал начальника отдела Кислицкий.

— Погодите, граждане, — остановил их Холмин. — Сначала выслушайте меня, а потом будем спорить и задавать друг другу вопросы.. И я видел мертвое лицо «призрака»; и на меня оно произвело потрясающее впечатление. Да! Лицо страшное. Не видя его, невозможно поверить, что такое может быть. Несколько дней тому назад никто в отделе и не верил, предположения о возможности существования призраков казались дикими, над этим смеялись. А вы, гражданин майор, даже посадили в тюрьму охранника, который поверил.

— Позабыл я про него совсем. Надо будет парня освободить, — сказал Бадмаев.

— Да. Освободить надо. Или пересажать весь отдел НКВД, — продолжал Холмин. — В

отделе теперь в привидения верят все, за исключением, может быть, полковника Гундосова, который только что произнес краткую речь о вреде религиозных предрассудков. Но, — вы меня простите, гражданин особоуполномоченный, — я несколько сомневаюсь в искренности ваших слов.

— Почему, браток? — спросил энкаведист.

— Я видел ваше лицо после встречи с «рукой майора Громова» и ваше.. бегство от его могилы.

Гундосов покраснел, но его глаза не изменили своего обычного выражения: они оставались холодными и спокойными, как всегда.

В голове Холмина зародились мысли, очень далекие от темы разговора, который он вел:

«До чего же чекистские глазища у этого морячка. Самые неприятные из всех, какие я видел по тюрьмам. Интересно бы заглянуть в них, когда он охвачен страхом. Жаль, что я не заглянул после его встречи с «рукой». Такие же они были холодные или нет?»

Голос Гундосова оборвал эти мысли:

— Обо мне ты подметил почти что верно, и я не обижусь. Сперва я действительно испугался, как на мертвое лицо у живого и на его пустую могилу глянул. Но после подумал, мозгой шевельнул и якорь свой бросил в глубину одного определенного вывода.

— А я, гражданин полковник, мозгами шевелил немного раньше. Поэтому выводов у меня накопилось больше.

— Ну, давай послушаем. Выкладывай свои выводы.

— Собранные мною факты свидетельствуют, что под маской «руки майора Громова» или за ее спиной, что-ли, действует один человек или группа людей. Вспомните, что большинство записок «руки» было написано на листках из школьных тетрадей и приколото английским булавками к телам убитых. Вспомните, как чихали собаки-иштейки в комендантской камере и кабинете следователя Якубовича, где на полу была рассыпана махорка. Эти земные предметы, — тетради школьников, английские булавки, махорка, — никак не вяжутся с обитателем загробного мира, даже материализовавшимся. А предсмертные слова Якубовича вы не забыли? «Ты меня не проведешь. Я тебя знаю». Наконец, вспомните ответ «призрака» на мой вопрос ему: «Я только рука... правая рука майора Громова».

— Все это мы помним, — сказал Бадмаев.
— Ваши факты для нас не новость.

— У меня есть и другие, вам неизвестные. Один из них я могу сообщить сейчас. Вы помните, гражданин начальник, найденную мною крашеную тряпку, которая вызвала у вас недовольство?

— Помню, — кивнул подбородком Бадмаев.

— Я ее нашел в коридоре. Там, где проходил «призрак». На ней были театральный грим и клей. Мазки грима представляют собой точную копию кровавого пятна на затылке «руки майора Громова».

Последние слова Холмина потонули в трех громких возгласах удивления энкаведистов. Когда они смолкли, Гундосов спросил:

— Думаешь, что «рука» гrimируется?

— Уверен в этом, — ответил Холмин.

Гундосов подумал и сказал:

— Эта «рука» может и тебя прикончить.

Надо бы тебе оружие иметь. Выдай ему наган, товарищ майор.

От оружия Холмин поспешил отказаться:

— Мне наган не нужен. Я не думаю, чтобы он мог спасти меня от покушения «руки». Из четырех, убитых ею, трое, по крайней мере, были вооружены. Нет, не нужно. Револьвер, без всякой пользы, только мои карманы будет оттягивать.

— Наган можно и в кобуре носить, — заметил Кислицкий.

— Это при штатском-то костюме?

— Мы можем вас и в мундир одеть, — предложил начальник отдела.

Поспешность, с которой Холмин начал отказываться от такого предложения, вызвала у Гундосова ироническую улыбку и насмешливое замечание:

— Что, братишка, противно мундир энкаведиста носить?

Ответить на этот вопрос откровенно Холмин не решился; пришлось отвечать уклончиво:

— Не противно, а не привык я к мундирям. Человек я штатский и мне удобнее работать в штатском костюме. Вместо мундира и нагана лучше бы хорошего помощника иметь.

— Так за чем остановка? В отделе много работников. Выбирайте любого, — сказал Бадмаев.

— Мне бы хотелось специалиста по криминальным делам. Из уголовного розыска. Дайте мне такого, — попросил Холмин.

Бадмаев отрицательно и очень энергично замотал подбородком.

— Такого дать не можем. Нам шпионы из угро не требуются. И без них до начальника угро слухи о «руке» дошли. Он уже успел настичь донос Лубянке. Вчера мы получили оттуда шифрованную телеграмму с запросом.

— Да. В наши секретные дела угро допускать нельзя, — подтвердил слова начальника отдела Гундосов.

— Жаль, — вздохнул Холмин. — Очень жаль, что моя просьба, — как говорил капитан Шелудяк, — останется всеу. Кстати, что с ним?

— Был Шелудяк, да весь вышел. Признался во всем, но, во время допроса, умер от разрыва сердца, — ответил Бадмаев.

— Закатали на конвейере?

— Наши теломеханики перестарались, — коротко и равнодушно объяснил Кислицкий.

— В чем же признался Шелудяк? — спросил Холмин.

— В том, что он «рука майора Громова», — ответил начальник отдела.

— Какая чепуха! — воскликнул Холмин.

Бадмаев кивнул, соглашаясь с этим восклицанием.

— Теперь и я вижу, что чепуха. После того, как познакомился с его показаниями. Откровенно говоря, я не хотел смерти моего бывшего заместителя, но... так получилось...

— Все таки, мне не верится, товарищи, что «рука майора Громова» — живой человек. Очень уж она на настоящее привидение похожа, — сказал Кислицкий после короткой паузы.

— Мне тоже не верится, — добавил Бадмаев. — Поэтому я, для борьбы с нею, использую и Вовушева.

— Как хотите, дело ваше, — сказал Холмин.

Гундосов подмигнул Бадмаеву.

— Давай, майор! Используй фокусника. Он тебя научит фокусы делать.

По плоской физиономии начальника отдела прошла злобная судорога и, еле удержавшись от резкого ответа, он пробурчал себе под нос что-то неразборчивое.

— Что ты сказал? — вызывающе спросил Гундосов.

— Ничего, — зло буркнул Бадмаев.

В этот момент готовой разгореться ссоры Холмин вспомнил то, о чем хотел просить начальника отдела еще два дня назад.

— Гражданин начальник! Я хотел бы ознакомиться со следственным делом майора Громова. У кого мне его взять?

Слова Холмина произвели на Бадмаева отрезвляющее действие. Он успокоился и, притянув к себе, лежавшую на столе зеленую стопку следственных дел, начал ее перебирать.

— Громовское дело должно быть здесь. Недавно я просматривал его. Ага! Кажется, в этой папке. Только, почему она такая тонкая?

Он раскрыл самую тонкую из всех зеленых папок и, сейчас же, откинулся на спинку стула с криком ужаса. Холмин бросился к столу и заглянул в папку. Там лежал один единственный листок бумаги, на котором чернели слова, написанные знакомым Холмину, мужским энергичным почерком:

«Не ищите никаких документов о майоре Громове. Они уничтожены рукой майора Громова».

ГЛАВА 7

НИКАКИХ СЛЕДОВ

Пропало из отдела НКВД не только одно следственное «дело» майора Громова. Таинственно исчезло все, так или иначе относящееся к нему: следственные материалы о его соучастниках, фотографии, отпечатки пальцев и даже список арестованных вместе с ним.

Бадмаев рвал и метал, требовал, чтобы пропавшее нашли, распекал своих подчиненных и грозил им карами, гонял своего секретаря, как зайца. Но все было тщетно; пропавшие материалы не находились. Исчезло даже следственное «дело» капитана Шелудяка, которое Холмин хотел просмотреть. В отделе НКВД не сохранилось никаких следов майора Громова.

— Может быть, вы хоть фамилии арестованных с ним запомнили? — спросил Холмин Бадмаева.

— Помню одну. Капитан Андрей Беларский. В полку он был помощником Громова, — ответил энкаведист.

— Других фамилий не помните?

— Нет.

— А в отделе не найдется таких людей, которые их вспомнили бы?

— Вряд-ли. Хотя, постойте! Возможно, что помнят два наших теломеханика. Они двоих громовцев катали на конвейере.

— Их следует расспросить.

— Расспросим. Они сейчас в санатории отдыхают, но мы их оттуда вызовем.

— А где теперь находится Беларский?

— В Караганде. Отбывает там заключение в концлагере.

— Надо и его вызвать.

— Зачем?

— Допросить. Ведь вызываете же вы заключенных из лагерей на переследствие.

— Он вам очень нужен?

— Очень.

— Хорошо. Я сегодня же пошлю телеграмму в Караганду...

— Скажите, гражданин начальник, вы показания капитана Шелудяка прочли все полностью? — спросил Холмин.

— Да, — коротко ответил Бадмаев.

— А Беларского?

— Тоже.

— Есть в них, что-нибудь интересное? Какие-нибудь следы, ведущие к «руке майора Громова»?

Плоская физиономия энкаведиста помрачнела и он ответил с непонятным Холмину раздражением и досадой:

— Ничего интересного и никаких следов там нет. Сплошная липа чистейшей воды...

*

С той ночи, когда Холмин впервые увидел «руку майора Громова», прошла неделя. За это время, кроме исчезновения документов, никаких особых происшествий в отделе

НКВД не произошло. «Рука» больше не появлялась и ничем не напоминала терроризованному ею отделу о своем существовании.

Постепенно энкаведисты успокоились и, наверстывая упущенное время, с удвоенной энергией взялись за «выкорчевывание врагов народа». Чистка в городе и прилегающем к нему районе развернулась во всю: количество арестов, осуждений и расстрелов увеличилось в несколько раз. Энкаведисты «по-стахановски выполняли важнейшие государственные задания».

Коснулась чистка и самого отдела НКВД. По распоряжению Гундосова там было объявлено врагами народа и арестовано несколько следователей и теломехаников. Их коллеги на допросах предъявляли им странные обвинения в том, что до этого никак не считалось преступным в энкаведистской среде: превышение следовательской власти и применение методов физического воздействия к подследственным.

Дважды Гундосов «свистал всех наверх» — приказывал созывать общие собрания работников отдела. Холмин был на этих собраниях, хотя и мог уклониться от посещения их. Собрания его не интересовали, но он надеялся, что на них, может быть, узнает что-либо новое о майоре Громове и его «руке». Ничего нового узнать ему не удалось: собрания были заполнены обычной болтовней о повышении чекистской бдительности, развертывании чистки, борьбе с врагами народа и тому подобном, давно известном и надоевшем всем собравшимся.

Отдельский буфет Холмин посещал теперь аккуратно. Дуся кокетничала с ним больше, чем

с другими, — видимо он ей нравился, — по ничего интересного о «руке» сообщить ему не могла.

— Такое получается, Шура, что все молчат, как рыбы, — отвечала она на его расспросы.

— Не хотят говорить? — спрашивал он.

— Мне сказали бы. Но не знаютничего-шеньки. Такого секретного дела тут еще не было...

Дважды Холмин навестил Ольгу Громову. В первый раз она встретила его попрежнему холодно и неприязненно, но во второй — несколько приветливее. Он был этим несказанно обрадован и в мыслях начал называть ее Оленькой...

Увлечься по-настоящему «делом руки майора Громова» Холмину первое время мешали сомнения.

— Правильно ли я поступаю? Следует ли помогать энкаведистам? — спрашивал он сам себя.

К этим вопросам он старался подойти с разных точек зрения. Однако, результат таких подходов был одинаковым. Со всех точек зрения получалось, что заключенный, помогающий энкаведистам, поступает более, чем неправильно, поступает предательски по отношению ко всем ущемленным и угнетаемым советской властью.

— Но ведь я же не по своей воле. Меня заставили, — пытался он найти оправдание.

И сейчас же возражал сам себе:

— А зачем в чекистские дела влез? Надо было отказаться.

— Но тогда бы меня расстреляли.

— В конце концов и расстреляют. Без этого не обойдется.

— Бежать нужно, пока есть возможность.

— Но ведь «дело руки майора Громова» очень уж интересное. Хотелось бы его расследовать до конца.

— «Руку» найдешь, а голову потеряешь. Вот и будет тебе расследование...

У героев произведений некоторых писателей иногда происходит такое внутреннее раздвоение личности. Внутри одного человека вдруг начинают разговаривать двое разных людей: один что-нибудь утверждает, другой не соглашается и возражает. В некоторых случаях это тянется долго, на протяжении нескольких глав, нестерпимо надоедая читателю.

У Холмина, в отличие от вышеупомянутого литературного шаблона, произошло «раздвоение личности». В нем разговаривали сразу пятеро: один утверждал, другой отрицал, третий обвинял, четвертый оправдывался, пятый ехидничал и называл остальных дураками. После долгих разговоров, на которых автор не рискует останавливать внимание нетерпеливого читателя, все пятеро пришли к такому компромиссному решению:

— Искать «руку майора Громова» не для энкаведистов, а для себя. В случае ее нахождения бежать немедленно...

*

На телеграмму Бадмаева, из карагандинского концлагеря был получен неожиданный короткий ответ:

«Заключенный Беларский к месту заключения не прибыл».

По настоянию Холмина, начальник отдела сделал несколько телеграфных запросов в разные инстанции НКВД. В результате выяснилось, что, по пути в концлагерь, Беларскому удалось бежать и он не разыскан.

— Как же это вы до сих пор не знали о бегстве вашего заключенного? — не без удивления осведомился у Бадмаева Холмин.

Отмахнувшись от него подбородком, начальник отдела ответил спокойно и равнодушно:

— Не знали просто потому, что не интересовались. С момента отправки на этап он перестал быть нашим заключенным. Так что пускай его разыскивают начальник этапа и уполномоченный НКВД соседнего с нами района, где сбежал Беларский. Хотя уполномоченному заниматься поисками беглеца тоже не интересно. Беларский и для него — чужой заключенный...

К концу недели городской отдел НКВД опять охватила паника. Вызванные Бадмаевым из санатория теломеханики Птахин и Черных, были убиты в купэ спального вагона. Их трупы обнаружили кондукторы, проверявшие билеты на последнем перегоне до степного города.

Узнав об этом, Бадмаев и Гундосов, вместе с Холминистом, сейчас же отправились на место происшествия. В залитом кровью купэ вагона они увидели трупы двух энкаведистов с простреленными головами; оба были убиты выстрелами в затылок.

— А где же... записка? — дрожащими губами прошептал начальник отдела, глядываясь в трупы.

Знакомых записок, которые ожидал увидеть и Холмин, на трупах не было.

— Может, их убил кто-то другой, — предположил Гундосов, с полуслова поняв вопрос Бадмаева.

— Кто же? — спросил Бадмаев.

— Кто-нибудь из ихних бывших подследственныхников.

Глаза обоих энкаведистов обратились на Холмина, как бы ожидая от него ответа. Он подумал и сказал:

— Мое мнение несколько иное. По-моему они убиты тоже «рукой майора Громова».

— Почему так думаешь? — спросил Гундосов.

— Во-первых, они убиты тем же способом, что и предшествующие жертвы «руки», во-вторых, убийца, — как вы сами видите, — не оставил никаких следов. Наконец, в-третьих, теломеханики были вне опасности до тех пор, пока вы, гражданин начальник, не вызвали их из санатория в отдел. Есть все основания предполагать, что они видели преступника раньше и он боялся повторения случая со следователем Якубовичем, боялся быть ими узнанным при встрече.

— Но где же записки? — повторил свой вопрос Бадмаев.

— Сейчас я подумал об этом и вспомнил ваши слова, сказанные мне в самом начале моей сыскной работы у вас, — ответил Холмин. — Вы мне сказали тогда, что Громова теломеханики «не катали на конвейере». Так?

— Так, — подтвердил начальник отдела.

— Следовательно, «рука» не считает их убийцами майора Громова. Но кого из громов-

цев допрашивали теломеханики Черных и Птахин?

Бадмаев наморщил лоб, припоминая.

— Кажется... Да, конечно. Беларского.

— А еще кого?

— Фамилию другого не помню.

— За последнее время фамилия Беларского стала повторяться слишком часто. Я бы очень хотел его найти, — произнес Холмин в раздумье...

*

В тот же вечер, выйдя из отдела НКВД, Холмин встретил на улице Сержа Вовушева. «Доктор магических наук» был неузнаваем. Костюм из светло-фиолетового коверкота, ядовито желтые остроносые туфли, очень пестрые, и еще более пестрый, небывало крупных размеров, галстук бантиком, красовались на нем. Только его лицо было попрежнему мятое, хотя и гладко выбритое.

На приветствие Холмина он ответил высокомерно-снисходительным кивком. Холмин бесцеремонно окликнул его:

— Эй, вы! Подите сюда! Есть дело.

— Попрошу вас быть повежливее, — наменно произнес «доктор», подходя к нему. — Какое дело?

— Прежде всего, не пылите и не лезьте в бутылку, — оборвал его Холмин, намеренно выражаясь на воровском жаргоне.

— Как вы смеете?! — возмутился Серж.

— Смею в ваших интересах. Вам грозит шлепка.

Серж сразу увял, побледнел и пролепетал шепотом:

— Да что вы?

— Скажите, вы знали такого капитана Шелудяка? — спросил Холмин.

— К сожалению, нет, — ответил Серж.

— Не к сожалению, а к счастью, — поправил его Холмин. Затем он вкратце рассказал ему историю гибели Шелудяка, попутно сообщив о плачевой судьбе людей, рискувших вызвать недовольство Бадмаева. Свое повествование он закончил советом:

— Постарайтесь, пока вас не разоблачили, сюда смыться. До вас доходит такое выражение?

— Вполне, — ответил Серж. — Я слышал его в тюрьмах.

— Ах, в тюрьмах? Значит, вы уже побывали в нескольких? Так не лезьте еще в одну...

На следующий день от «доктора магических наук» в городе тоже не осталось никаких следов.

ГЛАВА 8

СГОРЕВШЕЕ ЛИЦО

Бадмаев был взбешен. Секретарь только что доложил ему об исчезновении Сержа Вовушева, высказав предположение, что «доктор магических наук», повидимому, сбежал.

Ожесточенно мотая подбородком и ругаясь, начальник отдела просматривал и подписывал лежавшие перед ним на столе бумаги. По другую сторону стола сидел и молчал Холмин, по

обыкновению погруженный в раздумье о «руке майора Громова».

Под руки начальника отдела попалась ежедневная сводка из Уголовного розыска. Он пробежал ее глазами и раздраженно отбросил в сторону.

— Вот тоже работнички. Присылают мне всякую чепуху. Обнаружен труп с обгорелым лицом. Кому это нужно? Вместо того, чтобы помочь нам в борьбе с врагами народа, они занимаются исключительно уголовщиной.

Холмин протянул руку к сводке.

— Разрешите взглянуть?

— Пожалуйста, если вас интересует эта талиматья...

В сводке, среди сообщений об арестах, кражах, драках и случаях хулиганства, было и краткое описание не совсем обычного убийства, вызвавшее недовольство Бадмаева. Колхозный пастух, разыскивая отбившуюся от стада корову, обнаружил труп человека в лесу, близ железной дороги, в шести километрах от города. Труп лежал вытянувшись вниз лицом, причем его голова и прижатые к подбородку руки были вдавлены в золу давно потускневшего костра. Об этом колхозник заявил милиции и был ею арестован «впредь до выяснения».

Прибывшие к месту нахождения трупа, агент Уголовного розыска Ковалев и судебно-медицинский эксперт, установили следующее:

Человек, в карманах одежды которого не оказалось никаких документов, удостоверяющих его личность, был задушен, а затем положен лицом в костер. Его лицо обгорело до неузнаваемости; сильно обгорели и кисти рук. Верхняя

одежда на трупе старая, потрепанная и грязная, но белье дорогое и ни разу не стиранное. С момента убийства прошло не меньше двух недель, что определяется степенью разложения тела.

— Интересное дело, — сказал Холмин, возвращая сводку Бадмаеву. — Следовало бы осмотреть этот труп.

Начальник отдела с досадой отмахнулся от него.

— У меня и без этой уголовщины дел хватает. Да и вам не советую в нее впутываться. Ищите мне «руку»! И не вздумайте сбежать, как этот растреклятый Вовушев.

— Не беспокойтесь. Пока по вашему отделу бродят призраки, я только за ними стараюсь бегать. Не дальше, — заверил его Холмин.

*

Полковник Гундосов, которому Холмин сообщил о страшной находке в лесу, заинтересовался ею. Даже глаза его на миг стали менее холодными, загоревшись, — как показалось Холмину, — каким-то напряженным и беспокойным любопытством.

— Обгорелое лицо, говоришь? — переспросил энкаведист. — С чего бы это оно, а? Надо поглядеть, браток. Поедем-ка в Угро...

В автомобиле Бадмаева они приехали в Уголовный розыск. Его начальник, — плечистый, рыжий и веснущатый детина средних лет из бывших уголовников, одетый в милицейский мундир, — был неприятно поражен их появлением. Полковник из НКВД мог явиться к нему только с ордером на арест; для таких предположений основания были — недавно в Уголовном розыске началась чистка.

Узнав о цели визита Гундосова и Холмина, начальник облегченно вздохнул, повеселел и, вызвав одного из своих работников, представил его им:

— Это наш агент Ковалев. Он как раз занимается интересующим вас делом.

Агент поклонился молча и как-то лениво и неохотно. Такой поклон вполне соответствовал его наружности, главными чертами которой были небрежность, лень, равнодушие и безразличие ко всему окружающему. Новый, но мятый штатский костюм сидел на нем мешковато, плечи сутулились, длинный щетинистый подбородак упирался в грудь, над ним уныло свисал нос алкоголического цвета, бледное лицо полусонно хмурилось, глаза смотрели под ноги; при этом его правый глаз был почти прикрыт веком, как будто ему слишком тяжело смотреть сразу обоими глазами. Ковалеву, как потом выяснил Холмин, было около тридцати лет, но на вид он казался старше.

— Проводи товарищей из отдела НКВД в мертвецкую. Все, что они пожелают видеть, покажи и дай необходимые объяснения, — приказал ему начальник Уголовного Розыска.

— Слушаюсь, — ответил тот и, с поклоном пропуская их вперед, бросил коротко, но вежливо:

— Прощу!

Прихрамывая на левую ногу, он повел Гундосова и Холмина, через двор, к глинобитному сараю и, открыв его дверь, предложил:

— Пожалуйте.

Холмин и Гундосов вошли и понятились назад от ударившего в нос острого и тяжелого трупного запаха.

— Закурите махорки. Отбивает запах, — посоветовал Ковалев, доставая из кармана кисет с табаком.

Закурили все трое. Затягиваясь толстой самокруткой Гундосов спросил агента:

— Кто у вас тут?

— Разные, — ответил тот. — Отравленный. Утопленник. Зарезанный. Этот обгорелый. Выясняем.

Ковалев оказался удивительно не словоохотливым и говорил очень коротко. Он как бы экономил слова, которые ему лень и жаль было тратить.

Холмин обвел глазами мертвецкую. В грязном глинобитном сарае без потолка и с облупившимися, давно нештукатуренными стенами, стояли полтора десятка деревянных, узких и длинных столов, сверху обитых оцинкованной жестью. Четыре из них были накрыты распоротыми мешками; из под серой мешковины торчали грязные босые ноги с посиневшими ногтями.

— Покажите нам того, что с обгоревшим лицом, — попросил Холмин.

Ковалев молча стянул мешок с одного трупа на столе. Гундосов приглушенно вскрикнул. Веко приподнялось на правом глазу агента и он удивленно спросил:

— Не привыкли? Разве не видели?

— Много видал. После расстрелов и вообще. Но такого видеть не приходилось, — ответил энкаведист, тяжело переводя дыхание.

При первом взгляде на лежащие перед ним человеческие останки, Холмин еле удержался от крика изумления и ужаса. Даже для него, в прошлом часто осматривавшего трупы убитых, вид этих останков был слишком жутким. Они казались такими потому, что у них не было лица: кожа и мясо на нем обгорели до костей. Лицо представляло собой сплошную черную маску с дырами на месте глаз и носа. Из под этой страшной черноты желтоватыми пятнами выпирали кости подбородка, скул и лба. Зубы скалились в мертвой улыбке безгубого обгоревшего рта. Волосы на черепе были сожжены от лба до самой макушки. До костей сгорели и скрюченные пальцы его прижатых к подбородку рук.

Одет он был в гимнастерку и брюки армейского образца, в нескольких местах заштопанные и заплатанные разноцветными нитками различной толщины, а обут в давно нечищенные и порыжевшие хромовые сапоги.

— Напрасно мы приехали на такое глядеть. Ну и видик. После этого никакая еда долго в глотку не полезет, — хрюпло выдавил из себя Гундосов.

Не в силах оторвать глаз от трупа, Холмин ничего не ответил. Промолчал и Ковалев. С полминуты потоптавшись на месте, энкаведист тронул Холмина за руку.

— Поедем, браток, обратно.

Тот ответил, не оборачиваясь:

— Мне еще нужно посмотреть. И спросить кое о чем.

— Ну, гляди, а я поехал. Машину, если хочешь, за тобой пришлю.

— Да-да. Пришлите, — бросил Холмин через плечо.

Кивнув головой Ковалеву, Гундосов поспешно вышел из мертвецкой. Агент Уголовного Розыска, посмотрев ему вслед, сказал отрывисто:

— Полковник. А выдержки мало. У вас больше.

Занятый осмотром трупа, Холмин пропустил мимо ушей этот комплимент. Ковалев, вдруг протяжно с повизгиванием зевнув, сказал:

— Извиняюсь. Не выспался. Работы много.

Холмин бросил на него быстрый косой взгляд.

— Ваш намек я понимаю. Хотите от меня поскорее отделаться. Но вы достаточно спали в эту ночь.

Правое веко на глазу агента удивленно приподнялось и вид его стал менее ленивым и сонным.

— Спал? — переспросил он. — Откуда знаете?

— По глазам вижу, — ответил Холмин.

— Ага. Спал, — подтвердил Ковалев и добавил:

— Но скучно.

— То-есть?

— Стоять. Так. Здесь.

— Я вас долго не задержу. Скажите, кто этот убитый?

— Заключенный.

— Как узнали?

— Нитки.

Холмин наклонился над трупом.

- Да, конечно. Тюремное шитье.
- И грязь, — добавил агент.
- Какая? — спросил Холмин.
- Камерная.
- Грязь на нем, положим, разная. Хотя вот здесь и здесь несомненно камерная.
- Вам знакомая. Очень.
- Почему?! — воскликнул Холмин с удивлением.
- Были в тюрьме.
- Кто вам сказал?
- Никто. По глазам вижу.
- Холмин улыбнулся.
- Кажется мы понимаем друг друга без слов.
- Точно, — ухмыльнувшись подтвердил Ковалев. — Оба агента. По уголовным делам.
- Знаете меня?
- Догадался. Вы — Холмин. «Руку» ищете. Здесь не найдете?
- Я здесь и не ищу. Просто захотелось временно отвлечься от ее поисков. И познакомиться с этим незаурядным преступлением... Скажите, почему сожгли лицо и руки трупа?
- Ясно. Хотели скрыть.
- Что?
- Лицо. Отпечатки пальцев.
- Убитого?
- Да. И следы.
- Чьи?
- Убийцы. Это бывает. Часто.
- Вы, конечно, правы, — сказал Холмин.
- Иных объяснений быть не может. А следов убийцы не нашли?
- Пока нет.

— Можете показать мне место, где был обнаружен труп? Это не займет много времени. Мы поедем туда в автомобиле.

— Пожалуйста. С удовольствием. Вы — мой коллега. Только...

— Что?

— Если начальник разрешит...

ГЛАВА 9

ПУГОВИЦА

Начальник Уголовного Розыска, хотя и счень неохотно, но все же разрешил «использовать требующегося отделу НКВД работника для выполнения срочного оперативного задания» и, через четверть часа, два агента подъехали к железнодорожной насыпи в шести километрах от города.

— Дальше пешком. Через дорогу. В лес, — сказал Ковалев Холмину.

— Далеко это? — спросил подневольный детектив.

— Нет. Полсотни метров. Не больше, — ответил агент Уголовного Розыска.

Он, прихрамывая, пошел вперед, Холмин — за ним. Пройдя метров десять вдоль железной дороги, они свернули направо, пересекли рельсы и углубились в молодой и низкорослый, но густой дубовый лес, начинавшийся прямо от насыпи и отделенный от нее лишь канавой в полметра глубиной и около метра в ширину.

Никакой тропинки не было и приходилось прорыться через кусты. Ковалев на ходу бросал короткие, отрывистые замечания, знакомя Холмина с обстановкой преступления; свои объяснения он начал с насыпи, указав пальцем на нее:

— Здесь человека сбросили с поезда. Вот углубление в насыпи. Здесь соскочил второй. Вот его следы. Глубокие. От прыжка. Вот борозда. Еле заметна. И кусты обломаны. Второй тащил первого. Волочил по земле...

Через несколько минут ходьбы Ковалев остановился и, раздвинув кусты, сказал:

— Там костер. Остатки его. Развел убийца. Положил труп. Сжег лицо и пальцы.

— Вы говорите труп, — перебил Холмин.

— Значит, по-вашему, человек был убит в поезде?

— Да. Никаких следов борьбы на насыпи нет, — ответил Ковалев.

— Убиваемый мог и не сопротивляться, — возразил Холмин.

— Мог, — согласился Ковалев. — Но не двинулся. На насыпи. Куда упал.

— Вы судите об этом по форме впадины на насыпи?

— Не только.

— Что же еще?

— Нет других следов.

— Но ведь он мог разбиться при падении и умереть.

— Это исключается. Он был задушен. Медицинская экспертиза установила.

— А эксперты у вас хорошие?

— Не плохие. Опытные...

Они подошли вплотную к остаткам костра. Эти остатки были такими, какие часто можно встретить везде: полуобгоревший хворост, уголь, зола, пепел. Ничто не указывало здесь на страшное предназначение костра. Рассматривая его, Холмин спросил Ковалева:

— Куда пошел отсюда убийца? Как вы думаете?

Агент пожал плечами.

— Пока не знаю. Следов не сохранилось. Смыл дождь. Я искал. Смотрел. Нет.

— Но ведь они сохранились на насыпи.

— Другая почва. Мягкая. Песок. Щебень. Здесь твердая. Чернозем.

— Собаку-ищейку не пробовали?

— Бесполезно. Запах улетучился. Давно.

Холмин обошел костер вокруг, надеясь найти какой-нибудь, хоть самый незначительный, самый малозаметный след. Но его поиски были тщетны. Следы убийцы дождь и время стерли. Холмин хотел уже бросить отыскивание следов, но вдруг, под лучами пробившегося сквозь густые вершины дубов подуденного солнца, в полутора метрах от костра, среди слежавшихся прошлогодних листьев, что-то тускло блеснуло. Он разгреб листья ногой.

— Что вы нашли? — быстро захромал к нему Ковалев.

Холмин поднял находку и, разглядывая ее, ответил:

— Пуговицу.

— Дайте посмотреть.

Холмин подал ему маленькую, медную, слегка позеленевшую пуговицу. Взглянув на нее агент ахнул, медленно бледнея:

— Ах, чтоб их... Дело осложняется. Пуговка работника НКВД. С хлястика шинели.

— Что же тут особенного? — удивился Холмин. — Ведь сюда, на место происшествия, приезжали энкаведисты?

— Во время следствия — нет. Ни один, — возразил агент. — До этого. Или после. Могли. Скверное дело. Опасное. Замешаны работники НКВД. Пуговка потеряна недавно. Едва позеленела. Нехорошо.

— Разве не все равно, кто замешан в этом уголовном деле? — напустив на себя вид простака, спросил Холмин.

Ковалев отчаянно замахал на него руками.

— Конечно, нет! Связаться с работниками НКВД? Что вы, что вы? Посадка в тюрьму обеспечена. А я не хочу. Уже сидел. Хватит.

Веко на его глазу поднялось совсем, вся лень, безразличие и расхлябанность мгновенно слетели с лица и фигуры, он окунул Холмина внимательным испытующим взглядом и нерешительно сказал:

— Есть просьба. К вам. Большая. Как к товарищу по работе.

— Какая просьба? — спросил Холмин.

От волнения Ковалев стал более многословным:

— Возьмите это темное дело на себя. Вам все равно. Такими делами вы уже занимаетесь, а я боюсь. Мало чего в жизни боялся, но в тюрьму сесть боюсь. Выручите меня, пожалуйста.

— Позвольте, — перебил Холмин взволнованного агента. — Как же я за это дело возьмусь?

мусь? Оно в ведении Уголовного Розыска. И по-тому я другим занят.

— Вы только согласитесь, а остальное я все улажу, — не слушая его, настаивал Ковалев. — Ну, что вам стоит? Одним делом больше. А я вам и след дам. Нашел в кармане убитого. От вас хотел утаить, а теперь — берите.

Он торопливо вытащил из кармана бумажник и, достав оттуда сложенный вдвое небольшой листок тонкой, почти папиросной бумаги, протянул его Холмину. Тот развернул бумажку и в первый момент не поверил своим глазам. На ней фиолетовыми буквами пишущей машинки было напечатано:

«Обвинительное заключение по делу гражданина Беларского, Андрея Николаевича».

Дальше следовало перечисление параграфов 58-й статьи и общие многословные фразы обвинения в обычном стиле энкаведистов. Нижняя часть листка, — больше половины его, — была оборвана.

— Беларский! — воскликнул пораженный Холмин. — Вы знаете, кто он?

— Нет, — ответил Ковалев.

— Это заместитель майора Громова, осужденный по его делу. Я его искал.

— Вот как. Значит, специально для вас. Так беретесь за это дело?

— Конечно. Большое вам спасибо.

— Вот и хорошо. И отлично, — обрадовался Ковалев. — У меня, как гора с плеч. И пуговицу эту забирайте. Вещественное доказательство. Пригодится.

— Здесь нам делать больше нечего, — сказал Холмин. — Поедем обратно?

— И поскорее, — заторопился Ковалев.
— Тем более, что погода меняется, а у меня
шиджачишко — сами видите...

Действительно погода быстро менялась,
как иногда бывает летом в тех степных местах.
С севера подул холодный резкий ветер и небо
сразу покрылось тучами. Начал накрапывать
дождь.

Два агента поспешно пошли из леса к ав-
томобилю...

*

В отдел НКВД Холмин явился торжеству-
ющий.

— Чего сияешь, браток, как начищенные
поручни трапа? — спросил его Гундосов. —
Рад, что на обгорелого мертвеца насмотрелся?

— Очень. И не только этому, — ответил
Холмин.

— Чему же еще? По-моему больше не-
чему. Скорее плакать нужно, — угрюмо прогу-
дел Бадмаев.

— Я нашел Беларского!

— Не может быть!...

Холмин рассказал им о своем неожидан-
ном успехе. Выслушав его, Бадмаев спросил:

— А записка? Опять есть?

— На этот раз не было, — сразу поняв о
какой записке идет речь, ответил Холмин.

— Она могла сгореть, — заметил Гундосов.

— Но булавки не было тоже. Я вниматель-
но осмотрел труп.

— Значит, он убит не «рукой»?

— Возможно. Но я в этом не уверен.

— Зачем же, браток, было «руке» убивать Беларского? Ведь он и майор Громов вроде, как дружили.

— Во время следствия могли стать врагами.

— Через почему?

— Беларский мог дать показания против Громова. Вот начальник отдела наверно это знает.

— Давал он такие показания? — спросил Гундосов Бадмаева.

Тот утвердительно кивнул подбородком.

— Да. Беларский на следствии завербовал Громова.

— Вот видите, — сказал Холмин. — Да, кстати, я нашел еще одну вещь, которая лишний раз подтверждает мою криминальную теорию.

— Что нашел, браток? — заинтересованно спросил Гундосов.

— Пуговицу. Вот эту.

— Пустяками занимаетесь. У нас, чуть ли не каждый день, людей убивают, а вы пуговки собираете, — недовольно бросил начальник отдела.

Гундосов расхохотался.

— Ну и комик ты, Холмин. Не мешай ему, майор. Пускай собирает для коллекции. А только лучше собирать морские ракушки. Перламутровые.

Не обращая внимания на его иронию, Холмин сказал:

— Эта пуговица была возле костра, на котором сожгли лицо Беларского. Она с хлястика шинели энкаведиста.

Улыбка мгновенно сбежала с лица Гундосова.

— Ишь ты, — протянул он. — Получается, что в это грязное дело замешан, какой-то наш брат-чекист. Интересно.

— Попался бы он мне. Я бы с него живого шкуру снял и жилы вытянул, — свирепо загудел Бадмаев.

Гундосов прошелся по кабинету, опустив голову и видимо размышляя о только что услышанном. Перед этим он собирался куда-то уходить и поэтому был в шинели. Холмин машинально взглянул на его спину, на то место, где пришит щипельный хлястик. Там нехватало одной пуговицы. Холмин так был ошеломлен этим, что с хриплым нечленораздельным криком вскочил со стула.

— Ты чего? — обернулся к нему Гундосов.

— Нет пуговицы... У вас, — громким шепотом ответил Холмин, задрожав от возбуждения и страха.

— Где?

— На хлястике шинели...

Энкаведист снянул шинель с левого плеча и, повернув, стал ее рассматривать, приговаривая:

— Действительно. Нету пуговки. Где я мог ее потерять? И когда? Может, давно уже? И ведь никто мне про нее до сих пор не сказал. Не посмели старшему по чину указать на непорядок в одежде. Вот гады полосатые.

— Странное совпадение. Там и... здесь, — пробормотал Холмин.

Гундосов быстро натянул шинель и, шагнув к Холмину схватил его за рубаху на груди.

Бадмаев, пригнувшись, встал со стула и трясущейся рукой вытащил из кобуры наган.

— Меня подозреваешь, гад? Меня? Ах, ты сухопутная каракатица! Гнилая медуза! — заорал Гундосов, встряхивая Холмина и, вдруг, сразу успокоившись, оттолкнул его и сказал:

— Верно, браток. Ты прав. Всех подозревать должен. На то ты и сыщик... А пуговку пришить надо. Немедленно. Полковнику НКВД полагается быть при всех пуговках.

Он пошел к двери и, на секунду остановившись у порога, через плечо бросил Бадмаеву:

— Спрячь свою пушку, майор. Она пока не требуется...

Оставшись вдвоем, начальник отдела и Холмин полчаса разговаривали о Беларском и пуговицах, строя всевозможные предположения и догадки. Наконец, Бадмаев сказал:

— Вы знаете, как я недолюблю этого «матросика с Балтики». Но поверить в то, что он причастен к убийству Беларского и других не могу. Это невозможно. Когда их убивали, Гундосов еще пьянствовал в Москве с Ежовым.

— Все это так, но совпадение более, чем странное, — заметил Холмин.

— Да, странное, — согласился Бадмаев.
— Но погодите... Сейчас я подумал... Нужно проверить.

Он вызвал секретаря и приказал:

— Принесите мою шинель!

— Что вы хотите делать? — спросил Холмин.

— Ничего особенного. Только проверить,
— уклончиво ответил энкаведист...

Секретарь принес шинель. Бадмаев взял ее в руки, перевернул, посмотрел на хлястик и передал Холмину со словами:

— И у меня срезана. Глядите!...

На хлястике шинели начальника отдела НКВД не хватало одной пуговицы.

— Проверить все шинели в раздевалке ответработников! — рявкнул Бадмаев.

— Слушаюсь! — как эхо откликнулся юнец, выскакивая в коридор. Холмин бросился за ним.

Вдвоем они осмотрели два десятка шинелей, висевших в раздевалке для, так называемых, ответственных работников отдела. Оказалось, что по одной пуговице срезано с хлястиков на шинелях Кислицкого и еще двоих следователей.

Холмин и юнец, закончив «всешинельную проверку», вернулись в кабинет Бадмаева. Энкаведист, выслушав доклад своего секретаря, отпустил его и сказал Холмину:

— Эта растреклятая «рука» просто издевается над нами. Но ее последний трюк меня немного успокаивает. По-моему привидения пуговок не стригут. Значит, это человек. А против любого человека можно бороться. Так ведь, товарищ агент?

— Гражданин, — поправил его Холмин.

— Не придирайтесь, — отмахнулся от него Бадмаев. — Садитесь лучше в мое кресло и давайте потолкуем, что нам делать дальше. Теперь я вам вполне верю и уважаю вас. Вы были правы, утверждая, что «рука» — не призрак.

Приглашение сесть в кресло начальника отдела Холмин получил впервые. Повидимому,

это было наивысшим показателем бадмаевского уважения и доверия, но подневольный детектив не успел им воспользоваться. В кабинет без стука вошел Гундосов.

— Ох и порядочки у тебя в отделе, майор, — заговорил он, обращаясь к Бадмаеву. — Еле пуговку нашел. Теперь держится крепко, как линкор на якорях. Сам пришивал.

— Не до порядков тут, — зло мотнул на него подбородком начальник отдела. — Мне тоже придется пришивать пуговку.

— Как?! — воскликнул Гундосов.

— Срезана неизвестно кем. И еще у троих...

Не дослушав до конца объяснения Бадмаева, Гундосов, вдруг, пришел в дикую ярость. Он бегал по кабинету, кричал, ругался, топал ногами, стучал кулаком по столу. Наконец, остановившись перед Холминым, закричал ему прямо в лицо, брызгая слюной.

— Чтоб через три дня «рука» была найдена! Сегодня у меня пуговку срезают, а завтра что? Голову?... Не допущу! Даю три дня сроку. Не найдешь, так тебя обратно в тюрьму посажу и сам буду искать. Понимаешь, браток? Сам! Я найду ее!...

На истерические вопли энкаведиста Холмин хотел ответить тоже криком, но Гундосов, вдруг, побледнел, как-то обмяк, и, шатаясь, пошел к креслу. Повалившись в него, он схватился руками за грудь и выдохнул громким страшальным шепотом:

— Сердце... припадок опять... Мне бы в санаторию... к докторам... А тут такие дела. Посадит меня Николай Иваныч... Как камень на дно свалюсь...

ГЛАВА 10

ДУСЯ РЕВНУЕТ

Занятый поисками «руки майора Громова», Холмин часто пропускал завтраки, обеды и ужины в буфете отдела НКВД. Когда ему хотелось есть, он забегал в первую попавшуюся по дороге столовую или шел на базар к лотошникам. Узнав об этом, Дуся-буфетчица была очень недовольна исыпала его целым градом упреков.

После драматической сцены в кабинете Бадмаева и сердечного припадка у Гундосова, закончившегося для энкаведиста благополучно, Холмин пришел в буфет часа за полтора до обычного времени ужина. В буфетной комнате, кроме Дуси, больше никого не было. Увидев его, девушка обрадовалась.

— Здравствуйте, Шура! Вот хорошо, что вы пришли так рано. Теперь я вас скоро не отпущу. Поболтаем, винца выпьем, закусим. Сейчас я все приготовлю.

Она накрыла один из столиков чистой скатертью, принесла вина, закусок и тарелку жирного, наваристого борща с мясом. Проголодавшийся Холмин с волчьим аппетитом набросился

на еду. Подсев к нему и прихлебывая вино из стакана, Дуся несколько минут молча смотрела, как он расправлялся с закусками и борщем, потом спросила:

— Ну, как? Вкусно?

— Очень, — ответил он, с трудом ворочая языком во рту, наполненном пищей.

— А вы так редко приходите. И не стыдно вам? Я вас всегда самым лучшим стараюсь угостить, а вы без внимания, — упрекнула она его.

— Спасибо за заботу, Дуся. Но у меня на еду иногда не хватает времени.

— На другое, небось, хватает.

— На что, Дусенька?

— Про это мы после ужина поговорим. Серьезно... Чай пить будете? Или кофей?

— Стаканчик чаю, если можно.

— Вот за чаем и поговорим.

— Опять меня ругать будете за то, что я не прихожу в буфет три раза в день?

— Буду. Вон вы худеете как. И за другое.

— За что же?

— Потом... Кушайте...

Когда девушка принесла чай, Холмин, придвигая к себе стакан, спросил:

— О чем же вы, Дуся, хотели говорить со мной серьезно?

Щеки девушки, вдруг, вспыхнули румянцем смущения и, опустив глаза, она прошептала:

— Шура! Я вам, наверно, нисколько... не нравлюсь?.. Ни капельки?

От неожиданности Холмин поперхнулся чаем. Ему потребовалось не меньше минуты, что-

бы оправиться от изумления и найти нужные для ответа слова. Вытирая губы салфеткой, он заговорил:

— Не то, что не нравитесь, а, к сожалению, я только...

— Знаю я это только, — перебила его девушка.

Подняв глаза, она смотрела на него в упор. В них Холмин увидел еще незнакомые ему, приятные и злые огоньки.

«Неужели она меня ревнует? С чего бы это? Влюбилась что-ли? Но ведь я никаких поводов для этого ей не давал. Вот глупое положение. Нужно из него выпутываться» — подумал он и начал говорить, стараясь подыскивать осторожные и подходящие к обстоятельствам слова:

— Видите ли, Дуся... Вы мне, конечно, нравитесь. Но дело в том, что мы, по-моему, не совсем подходим друг к другу. Я бы не сказал, что люблю вас...

Девушка порывисто вскочила со стула. Огоньки в ее глазах стустились в сплошное гневное пламя. Задыхаясь и судорожно, без слез, всхлипывая, она закричала ему в лицо:

— Так значит! Не любите! Не подхожу вам, поскольку бывшая беспризорница...

— Не в том дело, Дуся, — попытался он остановить ее.

Но она, не слушая его, продолжала кричать:

— Вижу! Знаю! Для Ольги у вас и время есть. А только ничего не выйдет. Она с полковником Гундосовым путается. Вот!

Холмин еще стремительнее, чем Дуся, вскочил со стула и схватил ее за руку.

— Дуська! Ты врешь!

Она с силой вырвала свою руку из его пальцев.

— Не хватайся! Собаки да цапины дочки врут, а мне нечего. Гундосов к ней почти каждый вечер шляется. Как десять часов, так и пошел. Закуски из нашего буфета ей таскает. И сегодня пойдет. Приказал приготовить ему целый пакет; вон он на стойке лежит... А ты думаешь, что полковничек Ольгу подкармливает задарма? Как бы не так.

— Не может быть, — прошептал Холмин.

— Проследи сам и увидишь, что я не вру, — сказала Дуся.

— Пойду... проверю... спрошу ее, — растерянно произнес он, направляясь к двери.

Дуся насмешливо крикнула ему вслед:

— Пойди, пойди! Громовская дочка тебе сзади чайник привесит. Эмалированный. С цветочками.

Холмин весь дернулся, хотел обернуться, но вдруг, очень реально ощущив сзади, где то ниже пояса, прикосновение рокового чайника, выбежал из буфета.

ГЛАВА 11 ОКНО НА УЛИЦУ

Первые два квартала от отдела НКВД Холмин пробежал, потом попел шагом, стараясь успокоиться. Но, несмотря на его усилия, успокоение не приходило. Наоборот, с каждым

шагом, на него все сильнее наваливались тревога, тоска, злость и странное, еще незнакомое ему чувство, которое он впоследствии назвал ревностью.

— Не может быть! Не может быть! — еле слышно шепотом твердил он в такт шагам. Но в мыслях, помимо его воли, эти слова звучали иначе:

— Все может быть! Все может быть!

Затем слова сменились настойчивой и требовательной мыслью:

«Надо проверить. Во что бы то ни стало. Сейчас же».

Проверить было не трудно. Пойти к дому, где живет Ольга и, — если Дуся не соврала, — выследить Гундосова и убедиться. Только и всего.

Холмин свернул с главной улицы в одну из боковых и пошел туда, куда его влекла настойчивая мысль, но, спохватившись, остановился и подумал:

«Дуся сказала, что Гундосов уходит в десять часов вечера, а сейчас еще не стемнело. Сколько же может быть сейчас?»

Часов у Холмина не было; он еще не успел обзавестись ими, хотя и имел достаточно денег для этого; по распоряжению Бадмаева он три раза получил у отдельского кассира по 500 рублей.

Первый прохожий, к которому Холмин обратился с вопросом о времени, — худой и угрюмый старик, — ответил ему желчно:

— Подобных мелкобуржуазных пережитков прошлого у меня, гражданин, не имеется с самого начала нашей великой октябрьской ре-

волюции. Я так счастлив при советской власти, что часов не наблюдаю.

У второго и третьего прохожих тоже часов не оказалось. Только четвертый, приподняв руку пиджака, буркнул Холмину:

— Без четверти восемь.

До предполагавшегося Дусей визита полковника Гундосова к Ольге оставалось, по меньшей мере, два часа. Надо было, как-то убить это время. Бродить по пыльным улицам города, увертываясь от порывов холодного северного ветра, Холмину не хотелось, возвращаться в достаточно надоевший отдел НКВД — тем более. Кроме ближайшей пивной, деваться было некуда и Холмин отправился туда. Заказав «пару пива», стал пить и ждать, нетерпеливо поглядывая на стенные часы-ходики, с подвешенной к ним бутылкой вместо гирьки.

Время тянулось медленно, как арба с ленивыми быками в упряжке. Пивная, принадлежавшая промысловой артели Разнопромсоюза, была переполнена обычными вечерними посетителями и обычным в эту пору пьяным шумом. За грязными и липкими столиками, покрытыми пивной пеной и уставленными батареями бутылок и кружек, сидели вперемежку сезонные рабочие и мелкие городские служащие, парикмахеры, железнодорожники и ломовые извозчики, воры и проститутки. Пьяные разговоры смешивались с не более трезвыми песнями, ругань с женским визгом. В одном углу играл гармонист, из другого волокли к двери пропившегося до гроша и не уплатившего за последнюю бутылку «клиента».

Эта пивная, как впрочем и другие в городе, отличалась тем, что все в ней было смешан-

ным, даже напитки. Одно пиво здесь пили редко, предпочитая ему «медведя» или «ерша», т. е. смесь водки с пивом или лимонадом.

В этой «смешанной» атмосфере щуками плавали секскоты НКВД. Присматривались и прислушивались. Один из них заинтересовался Холмином и подошел к нему.

— Гражданин! Паспорт имеете? Разрешите взглянуть.

— Иди ты к... Бадмаеву! — зло оборвал его Холмин.

— Извиняюсь! — отскочил секскот...

За полтора часа Холмин кое-как справился с двумя бутылками пива. Оно было теплое и невкусное. Отставив в сторону пустые бутылки, он подпер подбородок ладонями и устремил взгляд на медленно движущиеся стрелки часов. Люди, сидевшие за соседними столиками, о чем то спрашивали его. Погруженный в тосклиевые, безрадостные мысли об Ольге и своих развеянных мечтах, он отвечал машинально и невпопад. Наконец, часовая стрелка перевалила за десять. Холмин расплатился за пиво и вышел. Улица встретила его холодным ветром, пылью и темнотой. Фонари, — один на три квартала, — светили по-провинциальному тускло. Подняв воротник пиджака и втянув голову в плечи, он быстро зашагал по улице...

Еще издалека, квартала за четыре от квартиры Ольги, Холмин увидел свет. Сердце его забилось быстро и тревожно и он ускорил шаги. Когда до дома оставалось не больше десятка шагов, свет в одной из комнат вдруг погас. Окно другой, выходившее на улицу, открылось и из негоглянула мужская фигура. Холмин

метнулся в сторону и прижался к стене. С полминуты человек всматривался в темную, безлюдную улицу. Затем знакомый, слишком знакомый Холмину резкий голос произнес успокаивающее:

— Никого нет, милая Олењка. Напрасно ты беспокоишься.

Сердце у Холмина на секунду замерло, а потом заныло от нестерпимой тоски и горького разочарования. Он узнал голос полковника Гундосова.

Окно закрылось и занавеска за ним задвигнулась. Однако, ее половинки сошлись неплотно; между ними, расширяясь книзу, протянулась полоска света. Холмин подошел к окну и одним глазом глянул в эту полоску. Через нее была хорошо видна почти вся комната.

Дуся не соврала. Посередине комнаты стояли Ольга и полковник Гундосов, одетый в штатский костюм. Он держал ее за руки и улыбался. Она улыбалась тоже.

Смотреть, что будет дальше для Холмина не имело смысла. Все его мечтания превратились в чайник, предсказанный Дусей.

«Даже без цветочек», — подумал неудачливый влюбленный, с тяжелым и горьким вздохом отходя от окна...

ГЛАВА 12

ССОРА

Тосковал и грустил Холмин недолго. Что ж поделаешь? Опять ему не повезло; в который уж раз судьба сыграла с ним злую шутку. И без-

злобно выругав свою злосчастную судьбу, он, по привычке, покорился ей.

Если с Ольгой у него ничего не вышло, то ее следует забыть и поскорее. Это, конечно, не легко. Девушка слишком глубоко и прочно вошла в сердце, а изгнать ее оттуда придется. Нельзя не изгнать. Но, — здесь мысли Холмина приняли деловое направление — кое-что в отношениях Ольги и полковника НКВД Гундосова необходимо выяснить.

То, что Ольга могла так сразу влюбиться в человека значительно старше ее по возрасту и, к тому же, в одного из тех, которые убили ее отца, не совсем естественно. Однако, в мире иногда бывают и еще более странные вещи. Но, может быть, со стороны Гундосова здесь шантаж? Может быть, он хочет использовать ее для поисков «руки майора Громова»? Это вполне возможно. Ведь грозился же он сам искать и найти «руку майора». Неужели энкаведисту удалось «завербовать» девушку в сексотки и насилию заставить работать для него? Хотя по виду Ольги никак нельзя сказать, что она недовольна или тяготится взаимоотношениями с Гундосовым. И что она знает о «руке»? Или не знает ничего? Все это надо узнать завтра же. Попытаться узнать, во всяком случае...

После продолжительных раздумий, Холмин решил пойти к Ольге в последний раз и поговорить с нею завтра же утром...

*

На стук Холмина в дверь квартиры Ольги, никто не отозвался. Он постучал сильнее еще раз и толкнул дверь, но она оказалась запертой.

Холмин отошел от двери и стал прогуливаться по тротуару, намереваясь дождаться возвращения хозяйки квартиры. В это время, из ворот соседнего дома вышла пожилая женщина, уже раз видевшая Холмина, навещавшего Ольгу и, обращаясь к нему, сказала:

— Здравствуйте! Вы до Ольги Викторовны? Так ее нету. На кладбище ушла. Там какой-то ее родич похороненный. Каждый день она туда ходит. Цветы носит на могилку.

Поблагодарив словоохотливую женщину, Холмин отправился на кладбище, до которого было не меньше полкилометра расстояния...

Самые печальные кладбища в мире находятся в Советском Союзе, а самые печальные из них в советской провинции. Таким было и кладбище в том городе, где Холмин занимался расследованием дела «руки майора Громова». Полнейшее запустение царило там. Среди высоких зарослей бурьяна кое-где виднелись покосившиеся кресты, ржавые поломанные ограды, почерневшие и разбитые надгробные плиты с полустершимися надписями, потерявшие форму и цвет обломки траурных металлических венков. Многие могилы почти сравнялись с окружающей их землей и на них лежали упавшие кресты, ветхие и подгнившие снизу.

Не более двух десятков могил на всем кладбище имели следы заботливого ухода за ними: цветы, прополотую и подстриженную траву, свежую краску на крестах и оградах, мягкий речной песок на дорожках. Все остальное утопало в бурьяне, мусоре и прошлогодних листьях, по которым бегали крупные зеленые ящерицы.

Большинство жителей города воздерживалось от посещений кладбища, опасаясь, — и не без оснований, — последствий этого. Сегодня пойдешь навестить своих покойников, а завтра тебя могут обвинить в «религиозной контрреволюции» и «пришить дело». Поэтому и запустело кладбище.

Коммунистов, комсомольцев и «беспартийных большевиков» не хоронили на нем. Для них существовало другое место упокоения — так наз. «краснозвездный» похоронный комбинат — площадка в центре города, обнесенная каменной стеной, за которой торчали десятки гипсовых и деревянных усеченных пирамидок с пятиконечными красными звездами. Всякие же «вожди» и «герои социалистического труда» торжественно зарывались в городском парке...

*

Холмин напел Ольгу не сразу. Ему пришлось обойти почти все кладбище, прежде чем он увидел ее. Она стояла на коленях у одной могилы и молилась. В руках у нее был небольшой букетик полевых цветов.

Подойдя к могиле, Холмин остановился возле ограды и стал ждать, когда девушка кончит молиться. Увидев его, она положила цветы на могилу и, торопливо поднимаясь с колен, спросила испуганно:

— Это вы?

— Как видите, — сухо и холодно ответил он.

— Что вам здесь нужно?

— Вас.

— Зачем?

Холмин медлил с ответом, разглядывая могилу. Она была свежей; видимо, в ней кого-то похоронили совсем недавно. И вдруг внезапная догадка мелькнула у него в голове.

— Здесь похоронен ваш отец? — спросил он, упершись в ее глаза тяжелым, настойчивым взглядом.

Захваченная врасплох этим вопросом, девушка невольно прошептала:

— Да.

И сейчас же поправилась:

— То-есть, нет.

— Для меня достаточно и такого ответа, — сказал Холмин. — Будем считать установленным, что в этой могиле покойится майор Громов. Кто перенес или перевез его сюда?

Секунду поколебавшись, она ответила:

— Я сама.

— Не рассказывайте мне сказки для детей младшего возраста! — грубо крикнул он.

Испуганно вздрогнув, Ольга произнесла с упреком:

— Разве можно так кричать здесь?

Он извинился и заговорил пониженным голосом:

— Одна вы не могли перенести... тело погибшего покойного отца. У вас на это сил не хватит. Кто помогал вам?

Опустив голову, она ответила дрожащим и сывающимся шепотом:

— Я не могу... этого сказать.

Холмин вспыхнул:

— Мне не можете! А другим? А полковнику НКВД Гундосову? С ним вы даже любезничаете, пожимаете ему руки и... так далее.

Щеки девушки залил гневный румянец.

— Вы подсматривали? Как это гадко! Низко! — с возмущением воскликнула она.

— А помогать убийцам родного отца не низко? Быть в такой дружбе с Гундосовым не гадко? — с беспощадной насмешливостью и злобой спросил он.

Лицо Ольги покраснело еще больше. На вопрос она ответила вопросами:

— Кто дал вам право вмешиваться в мою личную жизнь? Как вам не стыдно? Где же ваша совесть?

— К сожалению, ваша личная жизнь связана с жизнями других. Некоторые из них этой жизни лишились, — возразил Холмин.

Еле слышно, как в забытьи, девушка произнесла:

— Я не хотела этого. Просила его. Но было слишком поздно.

Это был след и Холмин ухватился за него.

— О чём вы просили? — быстро и требовательно задал он вопрос.

— Не... убивать, — запнувшись, ответила она.

— Кого просили?

Медленно выходя из своего странного короткого забытья, девушка подняла глаза на Холмина и он увидел в них скорбь и сожаление, затаенную муку, страх и тоску.

— Ага! — воскликнул он. — Вы, все-таки, знаете! Кто «рука майора Громова»?

Сложный комплекс чувств в глазах Ольги сменился ярко выраженным страхом.

Бессильно опустив руки она прошептала:
— Не могу сказать... Не могу.

— Вы должны сказать. Должны. От этого зависит очень многое и моя жизнь в том числе. Говорите! — настойчиво потребовал Холмин.

Девушка заговорила умоляюще:

— Не настаивайте, Шура. Прошу вас. Я вам скажу сама. Только не сейчас. Через несколько дней. Напишу все в письме. Подождите немного. Пожалуйста, Шура.

Ольга впервые назвала Холмина по имени и его сердце дрогнуло. Он готов был сдаться на ее просьбы, но, вспомнив о сроке, назначенному Гундосовым, отрицательно покачал головой.

— Не позже, чем послезавтра, я должен найти «руку». Иначе меня посадят в тюрьму и я уж никогда не выйду оттуда.

Ольга рванулась к нему и... остановилась. В ее голосе прозвучало тоскливо-отчаяние беспомощности:

— Нет... не могу.

Холодная ярость охватила Холмина. След, напущенный с таким трудом, ускользнул от него. Изо всех сил стараясь держаться спокойно, он выдавил из себя:

— Значит, не хотите мне помочь? Ну и не надо. Прощайте. В тюрьме я постараюсь не вспоминать о вас.

Он пошел прочь, дрожа от ярости. Сзади до него донесся умоляющий голос Ольги:

— Шура! Постойте!

Холмин не обернулся и ускорил шаги.

ГЛАВА 13

НАЕДИНЕ С СОБОЙ

Для Холмина эта ночь была беспокойной и необычайно томительной. Больше часа он пытался заснуть и не смог. Сон отгоняли мысли. Ему казалось, что они струятся в его голове бесконечным потоком, сталкиваясь между собой и обгоняя одна другую. Мысли не давали покоя и главное место в них было занято Ольгой и «рукой майора Громова».

Поссорившись с девушкой, Холмин не пошел в отдел НКВД. До вечера он бродил по городу, стараясь отвлечься от того непоправимого и мучительного, что случилось утром и от неудачных поисков «руки», которая упорно и умело пресекала все попытки поймать ее.

За день он побывал в двух пивных и городской столовой, в парке, историческом музее и на базаре. И всюду его мысли возвращались к прежнему, ставшему почти привычным. Он смотрел на картины художников и густые каштановые деревья, на старинное оружие и колхозные возы с арбузами, а видел перед собой Ольгу и воображаемую таинственную «руку майора Громова».

Вечером Холмин пошел в кино. Показывали фильм «Веселые ребята» с Утесовым и Орловой в главных ролях. Глядя из темного зала на экран, неудачливый влюбленный и подневольный детектив завидовал изображаемому там выдуманному счастью и веселью советских граждан, а мысли его, попрежнему, возвращались к Ольге и «руке».

Лег спать он раньше, чем обычно и, приворочавшись в постели больше часа, встал с кровати. Из кармана пиджака, висевшего на спинке стула, вынул пачку двухрублевого «Аэроклуба», закурил и босиком прошелся по комнате. В номере было довольно прохладно, но мысли так одолевали Холмина, что несколько минут он не ощущал холода. Заложив, по тюремной привычке, руки за спину, он дошел до окна, затем — вдоль стены — к двери и снова вернулся к окну.

Сначала он думал про себя, потом стал думать вслух и, наконец, разговаривать сам с собой, не замечая этого:

— Любовь, конечно, мешает делу. В этом Бадмаев прав. Только он говорил, что мешает часто. Слишком мягко сказано. Всегда мешает. От нее глупеют. Вот и я, наверно, поглулся. Не занимался бы любовными похождениями, так, может быть, уже и нашел бы «руку». Сколько времени потрачено зря. И откуда ты, Ольга, взялась? Но с нею покончено и теперь у меня все возможности заниматься делом без всяких помех.

Папироса во рту Холмина погасла. Взяв с ночной столика спички, он раскурил ее и, глубоко затянувшись, продолжал рассуждать вслух:

— По-настоящему «делом руки майора Громова» я, собственно, еще не загорелся. Не взялся за него, как следует. Нет, брался! Хотя, конечно, недостаточно.. Без необходимой энергии. И не думал серьезно и трезво. Нет, думал! Хотя думать надо было трезвее и серьезней...

Хорошо, подойдем к делу с максимальной серьезностью, здравым смыслом, трезво и хладнокровно.

Папироса опять потухла. Он поискал в номере пепельницу, но, при слабом свете фонаря, струившемся с улицы в окно, не нашел ее. Щелкнул выключателем электричества и осмотрел комнату. Пепельницы не было. Тогда, кинув окурок в угол у двери, он снова заходил по номеру.

— Значит, будем рассуждать трезво и хладнокровно. «Рука майора Громова», конечно, не призрак. В этом не может быть никакого сомнения. Ею умело маскируется смелый и дерзкий преступник, проникший в отдел НКВД. Может быть, я с ним и разговаривал не раз. Кто? Кому так удается маскироваться и убивать? По моей, громко выражаясь, теории, он должен быть энкаведистом. Якубович, перед смертью, — ах, как жаль, что он умер, — успел сделать намек на четверых. Это Гундосов, Бадмаев, Шелудяк и Кислицкий. Но, когда произошли первые два убийства, полковник еще в Москве с Ежовым пьянствовал. Следовательно, он отпадает. Бадмаев отпадает тоже. Во-первых, он панически боится «рук», во-вторых, без всяких фокусов с привидениями, может отправить на тот свет почти любого человека в районе. Шелудяка запытали на допросе, а убийства не прекратились. Остается Кислицкий. Личность мною невыясненная, но глуп, как недоразвитый партийный активист. Такие для «ручных» злодеяний мало подходят. Кто же тогда?

Холмин остановился посреди комнаты и, переминаясь с ноги на ногу, протяжно вздохнул.

— Ох и трудно же быть наедине с собой. Ведь я в расследовании этого дела абсолютно одинок. Ни на чью помошь рассчитывать нельзя, посоветоваться не с кем. Ковалев мог бы помочь, но испугался. Все, кто видели раньше, скрывающегося теперь под маской «руки», убиты. Ольга знает. По-чекистски проще всего было бы ее арестовать вторично и отправить на конвейер...

Мысленно представив себе Ольгу на «конвейере», Холмин сразу почувствовал, что ему очень холодно. Задрожав от озноба во всем теле, он схватил со стула и одел верхнюю рубашку, натянул брюки и набросил на плечи пиджак. Затем, сев на кровать, начал одевать башмаки, бормоча с возмущением:

— Этого еще не хватало. И как только подумать мог? Совсем в энкаведиста превращаюсь. Зверствовать начинаю. Вот до чего «рука» довела.

Зашнуровывая левый башмак, он принял-
ся успокаивать себя:

— Спокойно, Шурка, спокойно. Ничего страшного не случилось. Ольга не попадет на конвейер. Уж я постараюсь. Но «рука» ей, все таки, известна. Во время моей первой встречи с Ольгой, она грозилась мстить убийцам отца, но свое знакомство с «рукой» отрицала категорически. При этом выражение ее глаз было какое-то странное. Во вторую встречу она дала слово, что «руку» не знает, а сегодня утром... наоборот. Значит, узнала в промежуток време-

ни между второй и последней встречами? Или раньше?

— А если «рука» действует по инициативе Ольги? Если дочь нашла мстителя за убитого отца? Убитого? А кто его видел мертвым? Может быть, он жив. Нет, это абсурд. Я же видел его могилу. А кто в могиле? В первой ведь ничего не было. Что или кто во второй?

Холмин зашнуровал левый башмак, закурил папиросу и взялся за правый.

— Попробуем задать себе несколько вопросов. Во-первых, что делать дальше? Ждать, когда Ольга напишет мне письмо? Напишет ли после ссоры? А срок, установленный Гундосовым? Он истекает послезавтра. Попытаться оттянуть срок? Упросить полковника? Нет, это не выход из положения. А вообще, почему Гундосов так спешит? И почему так спешно запытали Шелудяка? И почему он так мешал мне при моем расследовании? Почему Бадмаев упорно не желает говорить о содержании следственных «дел» Шелудяка и Беларского? Откуда взялись на последней записке «руки» отпечатки пальцев Дондэже? Почему «призрак» на мой вопрос ответил, что он «только правая рука майора Громова»? Кто и для чего срезал пуговицы у энкаведистов? И почему «рука» медлит с убийством Бадмаева?

Холмин с досадой ударил себя кулаком по колену и воскликнул:

— Сто тысяч «почему»! Как в книжке Черельмана. И почему в этой захудалой гостинице нет пепельниц, чорт возьми?

Он вертел в руке окурок, не зная куда его бросить. Наконец, яростно бросил на пол и придавил башмаком.

— Вот еще одно «почему», — произнес он злым шепотом, вытаскивая из кармана третью папиросу. — Загадочный Беларский. Его задушили и бросили лицом в костер. Кто-то, от кого-то хотел скрыть его лицо. А если...

Неожиданная мысль подбросила Холмина, как пружиной:

«А если Беларский не убит? Если он сам хотел скрыть свое лицо? Если он убил?»

Возбужденный Холмин вскочил с кровати, уронив на пол башмак и папиросу, и забегал по комнате, прихрамывая и приговаривая:

— Боже мой! Тогда почти все становится понятно. Нужно искать Беларского. Настоящего. Где могут быть его следы? Прежде всего в полку, где он служил. Как же это я, до сих пор, не догадался там побывать?

Он бросился к телефону.

— Который час?

— Без четверти двенадцать, — ответили ему с телефонной станции.

Ехать в полк было слишком поздно. В это время его могли туда и не впустить без специального разрешения городского отдела НКВД и полкового особого отдела. Нужно было дождаться, по крайней мере, шести часов утра...

До рассвета Холмин провел время в терзаниях. Бегал по комнате, бросался на кровать, курил папиросу за папиросой. Несколько раз звонил на телефонную станцию, спрашивал: «который час»? и ругался с телефонистками. Об Ольге и «руке» не вспомнил ни разу; теперь его мыслями всецело овладел Беларский.

В половине шестого Холмин позвонил в комендатуру отдела:

— Говорят агент Холмин. Немедленно пришлите автомобиль в гостиницу №1.

Заспанный голос дежурного ответил:

— Нужно разрешение начальника отдела.

— Мне не хочется будить Бадмаева, а дело спешное.

— Без разрешения нельзя.

— Если через десять минут автомобиля не будет, я постараюсь, чтобы вас посадили, — раздраженно крикнул Холмин в трубку.

— В таком случае, не беспокойтесь, товарищ агент. Машина будет, — пообещал дежурный...

Ровно через десять минут автомобиль отдела НКВД стоял у подъезда гостиницы...

ГЛАВА 14

ГРУППОВАЯ ФОТОГРАФИЯ

Командир пехотного полка, стоявшего за городом и его помощник по хозяйственной части были чрезвычайно встревожены появлением у них Холмина. Их тревога усугублялась тем, что он явился не из «особки», а из «органов», т.е. не из особого отдела дивизии, а из городского отдела НКВД, агенты которого не так давно арестовали в полку майора Громова, капитана Беларского и троих красноармейцев.

Принимая Холмина, командир нервно и растерянно потирал ладонью стриженую «под ежик» голову. На лысине его заместителя выступили крупные капли пота. Лица у обоих были испуганные и расстроенные. В полку, в ближайшее время, должна была начаться чистка, и визит отдельского энкаведиста мог иметь к ней отношение самое прямое.

Заметив испуг и растерянность полковых командиров, Холмин, с первых же слов, поторопился успокоить их:

— Не волнуйтесь, товарищи. Я приехал не для того, чтобы арестовывать вас. Мне нужно в вашем полку только навести несколько справок.

Лица командира и «завхоза» полка немножко просветлели.

— Пожалуйста, товарищ, — сказал командир, пытаясь улыбнуться. — Мы постараемся дать вам любую справку. Что вас интересует?

— Капитан Беларский.

— Но у нас такого уже нет. Он арестован и, кажется, осужден.

— Я знаю. Чем занимался Беларский в полку до ареста?

— Был помощником комроты по строевой части.

— В роте, которой командовал майор Громов?

— Да.

— Беларский хороший строевик?

Командир полка замялся. Отвечать следовало осторожно, взвешивая и обдумывая каждое слово. Мало ли что может быть. С энка-

ведистами из «органов» он уже встречался и знал их достаточно.

— Как вам сказать, товарищ, — заговорил командир после короткой паузы. — Конечно, Беларский — враг народа, разоблаченный органами НКВД. Но в полку он, как будто, выполнял свои служебные обязанности без явного вредительства. Во всяком случае, старался выполнять. Обучал красноармейцев, главным образом, строю и стрельбе. Другие командиры и красноармейцы на него не жаловались.

— Скажите, где жил капитан Беларский, — спросил Холмин.

— У нас в полку. В командирском общежитии. Он был одиноким, — ответил «завхоз».

— Его место там еще не занято?

— Уже занято другим командиром.

— В каких отношениях были майор Громов и Беларский?

— По-моему, в самых дружеских, — ответил командир полка.

— Не ссорились на службе?

— Насколько я помню — нет. Капитан точно и быстро выполнял приказания своего начальника и был, так сказать, верным его помощником. В полку Беларского даже называли правой рукой майора Громова.

— Вот оно что! — воскликнул Холмин.

— Теперь понятно, почему он назывался «рукой майора Громова».

— Кто?

С языка Холмина чуть было не сорвалось слово «призрак», но он во время спохватился и на вопрос командира ответил уклончиво:

— Так... Один человек. Вы его не знаете.
Командир забеспокоился.

— Вы уж простите, товарищ. Это я спросил просто из любопытства.

— Ничего, ничего. Я не в претензии, — успокоил его Холмин. — Скажите, в полку не сохранилось никаких следов Беларского?

— Какие же могут быть следы? — удивился командир.

— Ну, например, письма, записные книжки, фотографии.

— Нет. Ничего этого не сохранилось. Все забрали работники отдела НКВД при обыске.

— Оставалась, правда, одна фотография. Групповая, — вставил «завхоз».

Холмин подскочил на стуле.

— Где она?

— Висела в полковом клубе. Работники НКВД случайно не взяли с собой эту фотографию. После мы выбросили ее в сорный ящик. Вместе с рамкой.

Холмин опустился на стул со словами:

— Как жаль. Что было на фотографии?

— Небольшая группа. Майор Громов с дочерью, капитан Беларский и несколько красноармейцев из числа отличников военной учебы.

— Когда она была снята?

— С полгода тому назад. В день пятилетия командования Громова ротой.

— Сор из ящиков у вас часто вывозят? — спросил Холмин с тайной, но вполне обоснованной надеждой, что в полку это делается не часто.

«Завхоз» покраснел и, смущенно опустив голову, сказал:

— Давно уж не вывозили.

Командир взглянул на него с упреком:

— Василь Иваныч! Ведь я приказал. Сколько раз повторять?

— Транспорта не было, — начал оправдываться «завхоз».

Вскочив со стула, Холмин перебил его:

— Давно не вывозили сор? Какой вы молодец!

— То-есть, почему же молодец? Нарушение воинской дисциплины. Я на него взыскание наложу, — недовольно сказал командир.

Не слушая его, Холмин воскликнул:

— Ведь фотография должна быть там! Как вы думаете?

— Наверно там, — подтвердил Василь Иваныч. — Куда же ей деться?

— Скорее туда. Надо ее найти, — заторопился Холмин.

— Что вы, товарищ. Ящики-то очень большие. Много времени на их раскопки уйдет, — попробовал протестовать «завхоз».

— Ничего. Хоть год раскапывать будем. Дело важное. Надо найти, — решительно возразил Холмин.

— Придется искать, Василь Иваныч. Ничего не поделаешь. Вот не было печали, — вздохнул командир полка...

*

Вид сорных ящиков на заднем дворе полка несколько охладил пыл Холмина. Их было шесть — огромных, высотой в полтора метра и заполненных до верха.

Однако, Холмин не сдался перед трудностями «раскопок». Для них, по его настоянию,

командир полка выделил 12 красноармейцев, — по два на каждый ящик, — с таким расчетом, чтобы все они раскапывались одновременно. Один красноармеец стоял наверху ящика и сбрасывал лопатой мусор на землю, где другой, — лопатой же, — разгребал его.

Красноармейцам было приказано искать фотографии. От времени до времени один из них кричал:

— Есть, товарищ командир!

И передавал Холмину найденную фотографию. Тот брал, смотрел и с досадой бросал на одну из быстро растущих куч мусора. Фотографии попадались только из журналов и брошюр, напечатанные на толстой бумаге и поэтому неиспользованные красноармейцами для махорочных самокруток.

Потоптавшись минут десять возле сорных ящиков, командир полка сказал Холмину и Василию Ивановичу:

— Ну, вы, товарищи, раскапывайте тут сами, а я в свою канцелярию пойду. У меня там другие дела есть.

Он ушел, а мусорные «раскопки» продолжались под руководством Холмина и полкового «захоза»...

Прошло около четырех часов. Ящики были опорожнены почти наполовину. Наконец, после очередного выкрика одного из красноармейцев, в руках у Холмина очутилась фотография не из журнала. Взглянув на нее, он глубоко, удовлетворенно вздохнул и машинально, не думая и ни к кому не обращаясь, произнес:

— Эта?

— Она самая, — подтвердил Василий Иванович.

Холмину не нужно было спрашивать. И без вопросов он видел, что нашел то, к чему так упорно стремился. Тайное перестало быть тайной. С фотографии, из под запыленного стекла, смотрело на него лицо, знакомое до последней морщины, лицо человека, с которым он встречался каждый день.

— Прикажете продолжать раскопки? — негромко спросил «завхоз».

Холмин отрицательно покачал головой.

— Нет. Это больше не требуется.

— Товарищи бойцы! — крикнул Василий Иванович. — Прекратить раскопки! Весь мусор сложить обратно в ящики!

Разглядывая фотографию, Холмин направился в полковую канцелярию. Василий Иванович шел за ним.

Командир полка встретил их нетерпеливым вопросом:

— Ну, как? Нашли?

— Нашли, — утвердительно кивнул Холмин и, весь занятый мыслями о только что найденном и возможных последствиях этой находки, невольно подумал вслух:

— Какой же я был дурак.

Василий Иванович и его начальник удивленно переглянулись.

— Теперь, товарищи, — сказал Холмин пряча фотографию в карман, — я больше не буду вас беспокоить. Спасибо за содействие. Желаю вам всего хорошего. Прощайте...

Командир полка и его «захвозд» дружили уже много лет и поэтому могли говорить открыто. Когда неприятный для них визитер вышел из канцелярии, командир обратился к своему приятелю:

— Ты, Василь Иваныч, во всем этом что-нибудь понимаешь?

— Очень мало, — ответил «захвозд». — Но уж если энкаведисты сами себя начали дураками называть, то, пожалуй, советской власти скоро конец.

— И вполне возможно, — согласился с ним командир.

ГЛАВА 15

РАСКРЫТИЕ ТАЙНЫ

Едва Холмин вошел в комендатуру, как к нему бросился дежурный.

— Товарищ агент! Вас спешно требует начальник отдела. Два раза справлялся по телефону. Скорее идите!..

В кабинете Бадмаева был и полковник Гундосов, по обыкновению сидевший за столом в начальственном кресле. Увидев входящего Холмина, начальник отдела недовольно и раздраженно загудел:

— Где вы пропали? Не найдешь вас, когда нужно. Здесь такие дела, а вам — хоть бы хны.

— Какие дела? — спросил Холмин.

— Скверные, браток. Совсем швах, — ответил за начальника Гундосов. — Сегодня утром мы получили сразу два запроса: из краевого управления НКВД и от Николая Иваныча с Лубянки. Интересуются «рукой майора Громова». В общем и целом, дождались мы шторма. Как из него только выйдем?

— В связи с этим, — сказал Бадмаев, — нами намечен ряд оперативных мероприятий. Во-первых, мы решили, для более успешных поисков этой растреклятой «руки», прикрепить к вам несколько самых опытных наших работников.

— Не надо, — махнул рукой Холмин.

— То-есть, как это не надо? Почему? — уставился на него подбородком Бадмаев.

— Вы опоздали, гражданин начальник. Я нашел «руку майора Громова».

Гундосов подскочил в кресле. Бадмаев, гулко икнув, растерянно заморгал узкими глазами. Полные удивления и недоверия голоса обоих слились в один возглас:

— Не может быть! Вы шутите!

— Нисколько. Я раскрыл, вернее, почти раскрыл сегодня тайну «руки». Мне не хватает только некоторых подробностей, — спокойно произнес Холмин.

Ему очень трудно было сохранять спокойствие во время этого разговора, но он все же его сохранил.

— Кто этот бандит? — оправившись от удивления, воскликнул начальник отдела.

— Кто? — вторя ему, заорал Гундосов.

На их восклицания Холмин ответил, тщательно подбирая слова:

— Если вы, граждане, на этом настаиваете, то я вам, конечно, скажу. Но только не сейчас. Ведь сразу вы мне, наверняка, не поверите. Потребуете доказательств и подтверждений моих слов. А это я хотел бы сделать при большем количестве свидетелей. Поэтому прошу вас пригласить сюда несколько ваших работников. Тогда я скажу.

Бадмаев нетерпеливо замотал подбородком.

— Ну, чего тянуть, товарищ агент? Да-вайте скорее!

— Вызывайте свидетелей! — решительно и настойчиво повторил Холмин.

— А «рука», за это время, не сбежит? — забеспокоился, вдруг, Гундосов.

Холмин посмотрел на энкаведистов, страшно улыбаясь.

— Думаю, что нет. «Рука майора Громова» еще не закончила здесь своего дела.

— Тогда давай, майор! Зови сюда своих руководящих работников. Свистать их наверх, — тоном приказа произнес Гундосов.

Начальник отдела нажал на кнопку звонка, вызывая своего личного секретаря...

*

Через десять минут в кабинете начальника отдела НКВД собралось восемь, так называемых «руководящих работников». Среди них Холмин видел знакомые физиономии секретаря партийного бюро Кислицкого, нового коменданта, бадмаевского юнца-секретаря, врача Демента, досрочно выпущенного из карцера и своего бывшего следователя — комсомольца с туповатым лицом. Некоторые, запасливо захва-

тившие с собой стулья, уселись на них; остальные стали вдоль стен с двух сторон.

— Так вот, братищ... то-есть, товарищи, — заговорил Гундосов, обращаясь к ним. — Наш спецагент Холмин взял на абордаж «руку майора Громова». Нашел ее, значит. Про это он нам сейчас и доложит.

По кабинету прошла волна приглушенного шепота, недоверчивого и удивленного.

— Давайте, товарищ агент! Докладывайте! — кивнул Холмину начальник отдела, сядясь на стул справа от Гундосова, шагах в трех от него.

Холмин повернулся к собравшимся, шагнул вперед и остановился. Затаив дыхание, с замершим сердцем, он ждал, что будет дальше. Прошла минута в напряженном молчании и началась вторая.

— Что же вы молчите? Чего ждете? — наконец, раздался чей-то нетерпеливый возглас.

Холмин вздрогнул и невольно втянул голову в плечи. В третий раз за сегодняшний день ожидал он выстрела «руки». Но его не было и, с трудом переведя дыхание, он начал говорить:

— Граждане работники отдела НКВД! Задание, которое мне поручил ваш начальник, мною выполнено. «Рука майора Громова» найдена. Сейчас я вам вкратце расскажу, как произошло раскрытие тайны и приведу необходимые доказательства. Прошу выслушать меня внимательно и не перебивая...

Он сделал паузу и окинул взглядом собравшихся энкаведистов. С побледневших или покрасневших от возбуждения лиц на него

смотрели два десятка любопытных, испуганных и недоверчивых глаз.

— Весь ход расследования дела «руки», — продолжал Холмин, — я здесь излагать не буду. Большинство из вас с ним знакомо. Напомню только некоторые подробности и сообщу неизвестные вам. С чего началось дело «руки майора Громова»? Было убито двое сотрудников отдела НКВД и, на груди каждого из них, обнаружили угрожающие записки, написанные рукой убийцы. Вы их читали и, вероятно, помните, что дактилоскопический сектор не нашел на них отпечатков пальцев. Вскоре после этого был застрелен ваш комендант, уже в самом отделе. На записке, приколотой к его груди, следы пальцев также не найдены. Следовательно, руки убийцы были в перчатках. Кстати, эти перчатки вы видели впоследствии на руках «призрака». Четвертой жертвой оказался капитан Якубович, следователь, допрашивавший, в свое время, майора Громова. Убивая этих четырех людей, «рука» выполнила свои угрозы, о которых писала. Все четверо убитых, так или иначе, причастны к расстрелу осужденного майора. После первых двух убийств подозрение пало на трех граждан и одну... гражданку и их арестовали. Это — директор гостиницы Селезнев, ее коридорный Захарчук, Ольга Громова и сапожник Йщенко. Подозрения оказались абсолютно неосновательными. Селезнев и Ольга Громова выпущены из тюрьмы, а остальные двое... Они все еще сидят, гражданки начальник?

Бадмаев отрицательно помотал подбородком.

— Позавчера я их выпустил. Ихние морды уже достаточно поджили.

— Вот и отлично, — сказал Холмин. — Двумя освобожденными больше. Но я продолжу свое, гм... повествование. За полчаса до смерти капитан Якубович сказал мне следующее: — «Я знаю, кто «рука майора Громова». Я сразу догадался». При этом, показывая глазами на стол президиума, он предостерегающе добавил: — «Никому ничего не говорите. Особенно им». За столом президиума, в этот момент, стояли четверо: вы — начальник отдела, вы — полковник, вы — секретарь партбюро и иные покойный* капитан Шелудяк. Кто-то из четверых что-то знал о «руке», а, может быть, даже являлся ее сообщником.

Опять по кабинету прошла волна сдержанного шепота, но на этот раз, не только удивленного, а и тревожного. Холмин подождал, пока шепот стихнет и заговорил снова:

— Никаких подробностей о «руке» узнать у Якубовича мне не удалось. Спустя полчаса, после моего первого и последнего короткого разговора с ним, он был мертв. Бумага записки, приколотой к его груди, содержала очень вескую улику против капитана Шелудяка: отпечатки его пальцев. Естественно, что все подозрения пали на него. Они усугублялись еще двумя обстоятельствами. Во-первых, капитан Шелудяк, по социальному происхождению из, так называемых, бывших, т. е. сын дьячка, во-вторых, он пытался занять в отделе место майора Бадмаева. Дальнейшие события показали, что подозрения против Шелудяка не соответствуют действительности. Он умер на допросе, а

убийства не прекратились и, всеми вами виденный «призрак» продолжал бродить по отделу. К сожалению, я не читал показаний Шелудяка и еще одного заключенного, — Беларского, — а начальник отдела упорно не желает познакомить меня с содержанием этих, кстати сказать, похищенных «рукой», документов. Повидимому, в них содержалось нечто, не подлежащее оглашению даже мне. Не правда-ли, гражданин майор?

— Верно, — подтвердил Бадмаев. — В деле моего бывшего заместителя имеется ряд фактов исключительно внутриотдельского вредительства, а показания Беларского переполнены всякими... неподходящими выражениями по адресу руководящих работников отдела. В обоих этих делах ничего интересного о «руке» нет. Полагаю, что они вам не нужны.

— Теперь, конечно не нужны, — не без иронии согласился с ним Холмин. — Итак, улики против капитана Шелудяка не подтвердились и подозреваемых осталось трое: полковник Гундосов, майор Бадмаев и секретарь партбюро Кислицкий. В отношении первого подозрения отпадали, так как в то время, когда начались убийства, он находился еще в Москве. Второй сам был под угрозой пули «руки», очень боялся ее и, кроме того, казалось невероятным, чтобы он, для расправы с неугодными ему людьми, применил столь необычный в практике НКВД способ, свидетелями которого мы являемся. Таким образом, из подозреваемых остался только один: секретарь партбюро, старший лейтенант Кислицкий...

Кислицкий, страшно побледнев, схватился за кобуру нагана. Холмин предостерегающе и, вместе с тем, успокаивающе протянул к нему руку.

— Спокойно, лейтенант! Я пока ни на кого не указываю пальцем, а только излагаю факты раскрытия тайны «руки». Ею или ее сообщником могли быть не обязательно вы, а некто, мне неизвестный. Дальнейшее мое расследование установило весьма любопытные подробности, касающиеся этого «неизвестного». Но о них потом, а сейчас я вам и вам им «товарищам» сообщу кое-что о «привидении», которое вы все видели. Вы не поверили, когда я вам сообщил охранник, увидевший его первым в отделе. Но потом вы сами видели «призрак» и уверовали в него все. Это так быстро произошло потому, что большинство из вас, не веря в Бога, отличается крайней суеверностью.

Среди собравшихся в кабинете своего начальника энкаведистов последние слова Холмина вызвали все усиливающийся ропот, но, не обращая на него внимания, Холмин спокойно продолжал говорить:

— Вашим суеверием и воспользовался человек, пробравшийся в отдел и, под маской призрака, совершающий здесь преступления. Так ему удобнее действовать. Однако, такие предметы, как английские булавки, листки из школьной тетради, чернильный карандаш, ма-хорка — свидетельствуют о том, что это живой человек. С ним был знаком следователь Якубович, крикнувший ему перед смертью: «Ты

меня не прёведешь! Я тебя знаю!» Наконец, найденная мною крашеная тряпка, там, где тогда только что прошёл «призрак» — самое веское доказательство. Она была приклеена к его затылку и на ней — грим. Пробравшись в отдел НКВД, человек под маской привидения, — один человек, а не несколько, — убивает здесь не только тех, кого он считает убийцами Громова, но и таких, которые, зная его в лицо, могут помешать ему. К последней категории убитых относятся теломеханики Черных и Птахин. Капитан Шелудяк, фактически, тоже был убит «рукой майора Громова». К расстрелу последнего Шелудяк был причастен и за это «рука» подвела его под конвойер, заставив работника НКВД испытать те методы физического воздействия, которые он применял к заключенным...

Рассказывая энкаведистам о раскрытии тайны, Холмин старательно избегал упоминать имя Ольги. Поэтому ему очень трудно было говорить и его речь, — вместо краткой, как он того хотел, — получилась многословной и несколько сбивчивой. К тому же, он вообще не умел произносить речи даже перед немногочисленной аудиторией.

— Моя, так сказать, криминальная теория, — говорил Холмин, — которая некоторым из вас известна, в деле «руки майора Громова» подтвердилась лишь наполовину. Убивал не энкаведист, а некто, носящий мундир энкаведиста. Кто же он? Может быть, мне и не удалось бы узнать это, если-б в деле «руки» не появился новый, выражаясь вашими словами, подследственный субъект — человек с сожжённым лицом. У

него в кармане, агент Уголовного розыска Ковалев, нашел часть документа, принадлежащего капитану Беларскому, другу Громова и его помощнику по службе. Тогда Ковалев и я предположили, что труп с сожженным лицом это убитый Беларский, также ставший жертвой «руки». Несколько позднее я обнаружил, на городском кладбище, могилу, в которой похоронен майор Громов. А потом, соединив все факты, улики и предположения, я, наконец, стал на верный путь расследования и понял, что Беларский жив, что это он убивал, мстя за своего друга. Я понял, что человек с сожженным лицом это первая жертва Беларского, с документами и в одежде которого мститель и проник в отдел НКВД. Тогда я стремглав помчался в пехотный полк, стоящий за городом, искать следы Беларского и нашел их. Нашел в мусорном ящике групповую фотографию, на которой снят и Беларский. Я узнал в нем человека, которого вижу ежедневно и очень... уважаю. Так произошло раскрытие тайны. Вот почти и все...

Энкаведисты заговорили наперебой, обращаясь к Холмину:

- Как же все?
- А самое главное?
- Кто этот Беларский?
- Где он?...

Холмин молчал. Опять, с мучительно замершим сердцем, он ждал выстрела. Но выстрела не последовало и Холмин, отвечая на один из вопросов энкаведистов, тихо уронил:

— Он... здесь. В этой комнате. И, к сожалению, я должен назвать его имя...

И, обернувшись к полковнику Гундосову, добавил:

— Если вы поицрежнему не возражаете, гражданин особоуполномоченный.

Энкаведисты замерли в неподвижности. Каждый из них предчувствовал, что сейчас случится что-то неожиданное и необычайное.

В кабинете начальника отдела НКВД стало очень тихо...

ГЛАВА 16

МАСКА СНЯТА

Ничего не ответив Холмину, полковник Гундосов встал с кресла и в его руке тускло блеснула вороненая сталь нагана. Это произошло так быстро, что Холмин не успел уловить движения руки полковника, а лишь услышал, как под ее нажатием скрипнула револьверная кобура.

Спокойным, твердым и повелительным, не допускающим неповиновения голосом Гундосов сказал:

— Советую всем сидеть на своих местах и не двигаться. Ладони — на колени. Каждого, кто попробует сопротивляться, немедленно пристрелю. В полку меня считали хорошим стрелком. Запомните это... Я — «рука майора Гримвова».

Ни один из энкаведистов не посмел воспротивиться его приказанию. В их глазах за-

стыл страх, смешанный с изумлением. Ладони послушно легли на колени. Лишь Кислицкий беспокойно задвигался, да Бадмаев в ужасе откинулся на спинку стула, схватившись правой рукой за кобуру нагана.

— Правильно, Бадмаев. Так и нужно, — одобрил его первое движение Гундосов. — Стодвиньтесь, вместе со стулом, на три шага назад. А руку с кобурой уберите. Я выстрелю Ганьше, чем вы успеете вынуть наган.

Начальник отдела, не вставая со стула, поспешно отодвинулся в самый угол кабинета. Гундосов перевел взгляд на секретаря партийного бюро.

— Спокойнее, Кислицкий! Не дергайтесь так. У вас пока нет особых оснований волноваться.

Длинная и нескладная фигура секретаря, вытянувшись, замерла на стуле. Гундосов обратился к Холмину:

— От вас я ничего подобного не требую. Можете сидеть свободно. Знаю, что вы безоружны. Но я уверен, что даже имея револьвер, вы не стали бы стрелять в меня.

— Нет! Конечно, нет, — горячо, но искренно подтвердил Холмин.

Гундосов улыбнулся и спросил его:

— Ваше отношение ко мне с сегодняшнего утра несколько изменилось, не правда-ли?

— О, да! — воскликнул Холмин.

Некоторые из энкаведистов, этим временем, зашевелились на стульях и начали тихо и осторожно перешептываться. Это не ускользнуло от внимания человека с оружием в руке. Он провел в воздухе дулом нагана полукруг

слева направо, от одного угла кабинета к другому и резко, повелительно крикнул:

— Молчать и не двигаться! Больше я повторять не буду. Вместо меня заговорит наган.

Движение и шепот мгновенно прекратились. Гундосов, удовлетворенно усмехнувшись, произнес:

— Итак, граждане работники городского отдела НКВД, давайте познакомимся поближе. Здесь больше нет никакого полковника Гундосова. Мaska снята. Разрешите представиться: капитан Андрей Беларский. И, должен вам заметить, что понижение в чине меня нисколько не огорчает. А особоуполномоченный Ежова, полковник Гундосов, — труп с обгоревшим лицом и такими же пальцами, — похоронен вчера, по моему приказу...

Энкаведисты ответили на эти слова всеобщим вздохом, каким-то надрывным, протяжным и злобным. Бадмаев сидел в своем углу, машинально поматывая подбородком; лицо у него было совсем серое и застывшее в гримасе страха, узкие глаза расширились и бессмысленно блуждали.

Холмин смотрел на бывшего «полковника НКВД», превратившегося в армейского капитана, чувствуя все растущее уважение к нему и восхищаясь его необычайной смелостью. «Рука майора Громова» умела не только мстить и убивать убийц, но и держать 9 энкаведистов под прицелом одного нагана. А они, — злобные и жаждущие крови этого смельчака, по трусливые и бессильные, — сидели перед ним смирно, как провинившиеся школьники. Всё

по кабинету дулом револьвера, Беларский продолжал говорить им:

— Может быть, вам не нравится подобное сидячее положение? Попробуйте изменить его. Кто первый? Решайтесь скорее! Ну, кто первый? Его я сейчас же убью. И второго, и шестого. Но вас останется достаточно, чтобы справиться со мной. Начинайте! Ведь у всех вас есть оружие.

От холодно-насмешливого взгляда и такого же голоса Беларского, энкаведисты ежились, краснели и бледнели, еле слышно шипели ругательства, кусая губы от злости, но никто из них не решался начать смертельный схватку девяти против одного. Беларский сделал паузу, а потом заговорил презрительным тоном:

— Нет, вы на это неспособны. В армии — другое дело. Там, при аналогичной ситуации, я бы с таким количеством людей не спрячился. Но вы не армия. Вы жалкие трусы, умеющие воевать только против безоружных, беззащитных, слабых. И делать искусственных «врагов народа» из честных, ни в чем неподозревающих людей. Вы сильны количеством, а не качеством. У вас дивизии НКВД и множество всяких оперативных работников, агентов, секретарей, шпионов, осведомителей, доносчиков, но настоящих специалистов нет. Поэтому вы не умеете ловить преступников и становитесь в тупик перед каждым сложным, запутанным преступлением... Хотя, зачем я вам все это говорю? Вряд ли мои слова дойдут до вас...

Наблюдав за Беларским, Холмин удивлялся резкой перемене, произошедшей в его внешности. Теперь это был не забубненный и рас-

хлябанный «матросик с Балтики», а стройный и подтянутый армейский командир с хорошей выпрявкой. Его холодные глаза стали острыми и пронзительными. И говорил он теперь обыкновенным и правильным русским языком без словечек воровского и флотского жаргонов.

Не опуская дула нагана, Беларский сел в кресло и обратился к Холмину:

— Итак, «рука майора Громова» вами найдена, но что вы намерены предпринять дальше?

Подневольный детектив пожал плечами.

— Пока не знаю.

Беларский левой рукой выдвинул один из ящиков стола и, достав оттуда лист бумаги, подал Холмину.

— Читайте! Начало и конец! Середина не существенна.

Холмин взял бумагу. Она начиналась словами: «Проект постановления по делу Холмина Александра»...

А заканчивалась:

«... к расстрелу».

— Там не хватает только подписи Бадмаева, — произнес Беларский, когда осужденный растерянно опустил руку со своим смертным приговором. — Вас должны казнить, как только вы закончите расследование порученного вам дела. Такова благодарность энкаведистов. Но, — его глаза странно потеплели и на лице появилась ободряющая улыбка, — не бойтесь. Вы будете жить, а умрет... другой. Убийцы майора Громова **убиты**, рукой майора Громова. И последнего из них можно уже считать трупом... Хотя, нет. Он не последний. Останутся

другие, но, к сожалению, до них не доберешься. Они в Кремле и на Лубянке...

Он вдруг вскочил с кресла, толчком ноги отодвинул его в сторону и коротко и резко приказал начальнику отдела:

— Гражданин Бадмаев! Встать! Лицом к стене!

Трясущийся энкаведист послушно исполнил его приказание. Приподняв дуло револьвера, Беларский быстро выстрелил. На затылке Бадмаева закраснелось глубокое кровавое пятно. Он, как мешок, привалился к стенке и сполз на пол. Энкаведисты зашумели, хватаясь за наганы на поясах, но резкий, повелительный голос Беларского покрыл этот шум:

— Молчать! Руки вверх! Освободить проход! Или я еще стреляю...

Энкаведисты, поднимая руки над головой, шарахнулись в обе стороны к стенам. Указав Холмину на образовавшийся проход, Беларский вполголоса бросил ему:

— Уходите! На улицу. Там автомобиль у подъезда. Ждите меня. Я их задержу. Не на долго.

— Слушаюсь! — невольно по-боенному ответил Холмин и выбежал из кабинета.

ГЛАВА 17

БОЛЬНОЕ СЕРДЦЕ

Лестницу, соединяющую второй этаж с первым, Холмин одолел в несколько прыжков и, сунув под нос удивленному его стремитель-

ностью часовому свой пропуск, выскочил на улицу.

У подъезда, как и говорил Беларский, стоял легковой автомобиль, тускло поблескивая в сгущавшихся сумерках свежевыкрашенными черными боками. Шофера у руля не было. Холмин влез в его кабинку и стал ждать.

Ожидать ему пришлось недолго. Не прошло и двух-трех минут, как массивные стальные двери отдела НКВД открылись и в них показался Беларский; за его спиной виднелась фигура часового, державшего руку под козырек. В противоположность Холмину, Беларский, совсем не спеша, а медленно и как-то осторожно, почему-то слегка пошатываясь, сошел по ступенькам. Влезая в кабинку, он коротко и надрывно простонал.

— Что с вами? Вы ранены? — спросил встревоженный Холмин.

— Сердце у меня некстатиshalить начало, — ответил Беларский, берясь за руль. — Но ничего. Как нибудь поедем.

Автомобиль рванулся с места...

Они проехали метров полтораста по главной улице и Беларский начал сворачивать в переулок, но, вдруг, громко застонал и, бросив руль, обеими руками схватился за грудь. Автомобиль вильнул в сторону и полез на тротуар, производя панику среди прохожих. Особенно испугались две девушки, очутившиеся как раз перед радиатором машины. Они в ужасе замерли на месте, прижавшись спинами к стене дома. Не отрывая левую руку от груди, Беларский правой все же сумел остановить машину и, повернув к Холмину красное от напря-

жения либо, прерывисто выдавил из себя:

— Умеете... управлять... автомобилем...

— Н-нет, — запнувшись, ответил Холмин.

— Как же... это вы... не научились?

— укоризненно, вперемежку со стонами, произнес Беларский.

— Негде было, — растерянно ответил Холмин.

— Эх, сердце мое. Вот не повезло как. Господи, Боже мой, — шептал Беларский.

С минуту он сидел неподвижно, потом снова взялся за руль.

— Кажется отлегло. Пожалуй, поедем.

Он дал задний ход и стал поворачивать машину. В это время сзади загремели выстрелы и собравшуюся к автомобилю толпу зевак, как ветром сдуло. Люди разбегались, прячась в подворотнях и подъездах домов. Холмин оглянулся. От здания НКВД к ним спешили человек двадцать в слишком знакомых ему мундирах, на бегу стреляя из наганов; у некоторых в руках были винтовки. Среди них Холмин заметил одну женскую фигуру и, всмотревшись в нее, узнал Дусю.

«И она туда же. Ей-то, что здесь нужно? Из любопытства, что-ли?» — с удивлением и досадой подумал Холмин.

— Надо их отогнать подальше. А то, пока я со своим сердцем, да с машиной справлюсь, они нас настигнут, — процедил сквозь зубы Беларский, вынимая из кобуры наган.

Он выстрелил три раза и три фигуры в мундирах свалились в дорожную пыль. Остальные

отхлынули назад и только Дуся продолжала бежать к автомобилю.

— Дуська, назад! Вернись, глупая девченка! Убьют! — крикнул Беларский, увидев ее. Но его крик не остановил, а как-бы подхлестнул девушку. Она побежала еще быстрее.

Укрывшись в подворотнях по обе стороны улицы, энкаведисты опять начали стрелять. Пули с противным визгом беспрерывно летали над головами беглецов и Дуси. Между ними и ею оставалось не более, чем полсотни шагов, когда шальная пуля какого-то энкаведиста настигла девушку. Короткий рукав ее платья у правого плеча окрасился кровью. Она остановилась, зашаталась и, протягивая руки к Холмину, вскрикнула жалобно и призывающе:

— Шура! Шура!

Потом повернулась назад и закричала энкаведистам:

— Не стреляйте! Не надо!..

Ее крик потонул в залпе выстрелов. Энкаведисты стреляли теперь не только из подворотен, но и из окон ближайших домов. Дуся, подогнув колени, упала на дорогу. Углы холодных глаз Беларского у переносицы на секунду заволоклись, чем-то, напоминающим вла ту.

— Бедная девушка, — с жалостью произнес он. — Теперь я понимаю, почему она...

Понял это и Холмин. С внезапно забившимся сердцем, он взялся за дверцу автомобиля, собираясь вылезать из кабинки. Беларский сжал его руку выше локтя.

— Куда вы?

— Помочь ей, — ответил Холмин.

— Поздно, — сказал Беларский. — Вторая пуля попала ей в грудь. Разве не видели? Дусе вы уже ничем не поможете, а сами нарветесь на пулью. Я надеялся, что Дуся успеет добежать, ждал ее. Жаль девушку... Ну-с, пугнем их еще раз и... поехали.

Он выстрелил дважды, почти не целясь, но оба его выстрела попали в цель. Один энкаведист распластался у подворотни, другой, выпроронив винтовку и свесив руки вниз, повис на подоконнике. И, как бы в ответ на эти выстрелы, коротким эхом раздались сзади два резких хлопка. Автомобиль осел на задние колеса.

— Ах, негодяи! — воскликнул Беларский. — Автомобильные шины вместе с камерами пробили. Не вырвемся. Без шин далеко не уедем. Догонят. Придется вам уходить одному.

— Как одному? — не понял Холмин.

Беларский обнял его одной рукой за плечи и на мгновение притянул к себе.

— Нет смысла, Шура, погибать троим. А мне все равно осталось недолго жить. Этим переулком и дальше улицами вы проберетесь к реке. Это единственный выход из положения. Я, на некоторое время, задержу энкаведистов. Берите наган и вот четыре запасных патрона. Зарядите по пути.

— А вы, как же?

— У меня есть другой револьвер. Отобрал его у Кислицкого, — сказал Беларский, вытаскивая из бокового кармана мундира массивный парабеллум. — И это возьмите тоже. Здесь письмо для вас.

Он вынул из другого кармана небольшой конверт.

— Я не брошу вас, — решительно воспротивился Холмин.

Глядя в упор на него холодными, пронизывающими глазами, Беларский сказал властным, не допускающим никаких возражений тоном:

— Вы подвели под пулю одну хорошую девушку, так спасайте другую. Справа от ее дома, за огородами, в кустах у реки ждут мои друзья. Они вам помогут. Скажите, что я просил. А мне поклянитесь, что спасете ее.

В его глазах и голосе было столько властности, что Холмин не посмел больше противиться. Да и желание этого вдруг исчезло, сменившись страстным стремлением, во что бы то ни стало спасти Ольгу.

— Клянусь, — сказал Холмин и, сунув конверт и револьвер в карман, открыл дверцу кабинки.

— Погодите, — остановил его Беларский. — Я выйду первым. Прощайте. Храни вас Бог. И... ее.

— Прощайте, — ответил Холмин, чувствуя, что его глаза вдруг стали мокрыми от слез.

Беларский вылез из кабинки и пошел по улице, стреляя в окна и подворотни. Огонь энкаведистов усилился и несколько их шуль попали в медленно движущуюся им навстречу живую цель. На мундире Беларского выступили пятна крови. Он пошатнулся и, опустившись на одно колено, продолжал стрелять.

Застонав от жалости к нему и сознания собственного бессилия, Холмин прыгнул с подножки автомобиля в переулок.

ГЛАВА 18

ВЫХОД ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ

— Скорей! Скорей! — мысленно подгонял себя Холмин, задыхаясь от быстрого бега.

Не останавливаясь ни на секунду, он улицами и переулками бежал к реке. Спешил изо всех сил, боясь опоздать и все таки... опоздал. Отдел НКВД оказался быстрее его. Это ему стало ясно, когда он был уже почти у цели, всего лишь на расстоянии одного квартала от дома, в котором жила Ольга.

Сумерки сгостились в темную, безлунную ночь, но у дома Ольги было светло. Вход в него ярко освещали фары большого черного автомобиля с цельнометаллическим кузовом. Автомобиль был старым знакомым Холмина; не один раз приходилось ему ездить на допросы в этом «черном воронке».

Холмин в отчаянии остановился. Что делать? Попытаться освободить Ольгу? Стрелять? Он вспомнил о нагане Беларского и, вытащив его из кармана, зарядил четырьмя запасными патронами. Теперь в барабане револьвера было всего пять пуль.

Мысли Холмина работали лихорадочно и безнадежно:

«Что же делать? Погибнуть, как Беларский, спасая Ольгу? Четыре пули в других, последнюю — в себя, — он пересчитал фигуры в мундирах, стоявшие у стен дома в лучах автомобильных фар, — их как раз четверо. А в доме сколько? И попаду ли я в цель? Стрелок из меня неважный. Не то, что Беларский. А

клятва ему? Ее надо выполнить. Стрелять и погибнуть? Но это не выполнение клятвы. Ольга тоже погибнет. Ее замучают на конвейере. Бежать к друзьям Беларского? Но что они смогут сделать против целого отдела НКВД? Может быть... что-нибудь. Ведь никакого другого выхода из положения нет. Поэтому — к ним. Скорее!»...

Холмин пустился бежать к тому месту, которое указал ему Беларский. От дома Ольги до рощища по берегу реки высокого и густого кустарника было около полукилометра. У самых кустов Холмина окликнул негромкий гортанный голос:

— Куда бежишь, знаком?

По этому обращению и акценту в голосе, Холмин определил, что с ним разговаривает не русский, а горец, может быть, габардинец или черкес. Если для горцев русский не друг, но и не враг, его они, обычно, называют знакомым, выбрасывая из этого русского слова последние буквы:

— Куда, знаком? — повторил голос.

— К вам... к вам, — задыхаясь выдохнул Холмин.

— Зачем бежишь?

Из кустов вышел бородатый человек в черкеске и лохматой папахе, ведя за повод лошадь. Он был вооружен: шашка, маузер и кинжал — на поясе, — винтовка — в чехле за плечами.

Холмин попятился назад и, вместо ответа на его вопрос, спросил:

— Кто вы?

— Мы? Абреки, — ответил горец.

В сердце Холмина затеплился огонек надежды. Только абреки, — смелые и хорошо вооруженные северо-кавказские повстанцы против советской власти, — могли теперь спасти Ольгу. Это был единственный выход из положения.

— Я от Беларского... К вам за помощью... Нужно спасти девушку. Энкаведисты хотят ее арестовать. — торопливо и бессвязно начал объяснять Холмин.

— Где Андрей Беларский? — спросил абрек.

— Убит в перестрелке с энкаведистами.

— Ты его кунак?*)

— Да... да.

— Почему ты не умер вместе с ним?

— Беларский послал меня спасти дочь майора Громова. Но я один. Что я могу? Помогите мне. Прошу вас, — стал умолять Холмин, боясь, что абреки откажут ему в помощи.

— Хорошо. Мы спасем дочь майора Громова, — оборвал его объяснения и просьбы бородач и сердце Холмина радостно забилось.

— А много ли вас? — спросил он.

— Десять и еще десять.

— Так мало? А в городе целый отдел НКВД.

— Десять джигитов хватит, — спокойно взразил абрек. — У других есть другие дела в городе.

— Но только скорее, пожалуйста. Мы можем опоздать.

*) Друг.

— Зачем торопиться? Аллах не велит спешить, когда не нужно...

Бородач негромко свистнул и из кустов вышло еще несколько вооруженных людей с лошадьми. К Холмину подвели коня.

— Садись, знаком!

Холмин влез на коня, бородатый горец еще раз свистнул и всадника рысью поскакали к дому, где жила Ольга.

Приехали они туда, как раз во-время. При свете автомобильных фар Холмин увидел, что дверь открыта и двое энкаведистов сводят девушку по ступенькам к «черному воронку».

Услышавшие приближающийся топот копыт энкаведисты засуетились на улице, вытаскивая из кобур наганы и снимая с плеч винтовки.

— Стой! Кто едет? Куда? Остановись! — раздалось несколько взгласов навстречу скакущим.

Абреческий отряд остановился шагах в двадцати от дома. Бородатый предводитель всадников коротко и спокойно ответил на вопросы энкаведистов:

— Абреши!

Какой-то энкаведист щелкнул винтовочным затвором. Бородач угрожающе крикнул ему:

— Не стреляй, собака! Голову потеряешь!

Но, не обратив внимания на это предупреждение, энкаведист выстрелил. Однако, он в спешке плохо целился и пуля тонкое пропела в воздухе, улетая за реку. Бородач шевельнулся поводьями и его конь прыжком рванулся вперед. Над стрелявшим энкаведистом поднялась и

опустилась шашка. Холмин с содроганием увидел, что по земле, брызгая кровью, катится человеческая голова, а обезглавленное тело, постояв несколько мгновений неподвижно и выронив из рук винтовку, падает на пыльную дорогу.

Потом все смешалось и завертелось перед глазами Холмина: кони и люди, голубые фуражки и лохматые напахи, шашки и винтовки. Гортанные крики горцев, сливаясь с руганью энкаведистов, заглушались выстрелами. Всадники, кружась по улице на лошадях, рубили направо и налево. Энкаведисты разбегались, отстреливаясь.

Охваченный горячкой боя, Холмин тоже ругался и стрелял, а когда патроны кончились, не заметив этого, продолжал щелкать курком револьвера. В один из моментов схватки он мельком, как во сне, увидел, что какой-то абреек втаскивает на седло отчаянно отбивающуюся от него девушки. Холмин крикнул ей:

— Ольга! Не сопротивляйтесь! Это друзья. И я здесь. Холмин!

В следующую секунду фигура всадника в черкеске заслонила от его взгляда Ольгу, а когда всадник проскакал мимо, то ни ее, ни абреека на том месте уже не было...

Бой продолжался не более двух-трех минут. Всех сопротивлявшихся энкаведистов горцы изрубили, а бежавших не стали преследовать. Бородатый предводитель свистнул три раза, собирая свой отряд. Всадники подъехали к нему и Холмин облегченно вздохнул, увидев, что один из них держит в седле перед собой испуганную, но невредимую Ольгу.

Бородач отдал, какое-то приказание абрекам на непонятном Холмину языке и отряд поскакал в сторону реки. Скакал вслед за ними и Холмин, обеими руками вцепившись в гриву лошади и думая лишь о том, как бы с нее не свалиться. Он был неважным наездником.

За рекой отряд остановился и разделился. Шестеро всадников, вместе с их предводителем, поехали в город, где у них, в эту ночь было тоже какое-то «дело». Остальные трое абреков, легко раненые пулями, и Холмин, пересадив Ольгу на свободную, запасную лошадь, направились на юг, в горы.

Они ехали, то рысью, то галопом всю ночь, а к утру уже были вне пределов досягаемости советской власти. «Выход из положения» осуществился, как нельзя лучше.

ГЛАВА 19

НЕОКОНЧЕННОЕ ПИСЬМО

Спать никак не хотелось, хотя глаза и смыкались от усталости и пережитых волнений. Яркие, еще непоблекшие в воспоминаниях, картины прошедшего за последние часы и мысли о любимой девушке отгоняли сон.

Вороочаясь с бока на бок на бурке в сакле одного из абреков и тщетно силясь уснуть, Холмин вспомнил о конверте, который ему дал Андрей Беларский. Эта мысль заставила Холмина поспешно вскочить с бурки, разसстланной на каменном полу.

«Как я мог позабыть о письме? Надо же прочесть его», — подумал он.

В одном из углов сакли, на полке горел «чирахи» — фитиль в деревянной плошке с овечьим жиром. Подбежав к нему, Холмин достал из кармана конверт и распечатал его. Там было несколько листков бумаги, исписанных размашистым, торопливым и местами почти неразборчивым почерком. Став возле светившего слабым, колеблющимся пламенем «чирахи», Холмин начал читать.

Письмо было от Беларского. Вот что писал он:

«Дорогой Шура! Надеюсь, вы не обидитесь на то, что обращаюсь к Вам так фамильярно. Я на много старше Вас и мои чувства к Вам самые теплые. Это письмо пишу на всякий случай; может быть, мы с Вами больше и не встретимся. Прошу извинения за несвязность письма и неразборчивый почерк. Я тороплюсь, потому что каждую минуту мне могут помешать.

«За Вашим расследованием «дела руки майора Громова» слежу с восхищением и твердо уверен, что Вам удастся раскрыть тайну. Если Вам обеспечить нормальные условия работы сыщика, то Вы, пожалуй, не во многом уступили бы своему английскому коллеге Шерлоку Холмсу. Это не комплимент, а мое искреннее убеждение. Кстати, имена и фамилии Ваши и героя романов и рассказов Конан-Дойля ведьозвучны. Между Вами двумя есть, правда, очень существенное различие. Выдуманному английскому писателю детективу в Лондоне поставлен памятник, а Вас, живого и

не лишенного талантов сыщика, энкаведисты держат на положении заключенного. Но не унывайте. Все еще может измениться к лучшему...

«В этом письме я хочу коротко описать то, что, при Вашем расследовании «дела руки», навердимому, останется Вам неизвестным, некоторые причины, благодаря которым я стал преступником, и некоторые детали моих преступлений.

«Майор Виктор Михайлович Громов был моим лучшим другом и одним из лучших в мире людей. Теломеханики пытками вырвали у меня показания против него. Уходя из камеры, без страха и трепета, на расстрел, он сказал мне: — «Как бы я хотел, за все ими сделанное, протянуть к ним руку из могилы»...

«Случайная встреча помогла мне сделать это вместо него. Бежав из арестантского вагона по пути в концлагерь, — подробности бегства не так уж существенны, — я сел без билета в другой поезд, чтобы слезть на ближайшей станции. Заглянув в первое попавшееся купе, увидел там Гундосова. Он был один. Я знал его еще с времен амнистии белым после Гражданской войны. Он допрашивал меня тогда. Субъект отменно подлый из сухопутных морячков, так называемых «клешников», которых немало расплодилось в начале большевистской революции. За годы советской власти он доился до чина полковника НКВД и стал одним из доверенных лиц Ежова. Последний и послал его руководить чисткой в нашем районе.

«Мой короткий разговор с Гундосовым в купе вагона закончился его смертью. Очень не приятно было переодевать труп в мою одежду,

хуже даже, чем убивать. При этом я очень спешил и вспыхах забыл вынуть из кармана моего пилжака известный Вам документ. Вспомнив о нем, я хотел вернуться туда, где оставил труп, но потом передумал. Для меня было выгодно направить сыщиков по ложному следу, заставив их поверить, что Беларский убит.

«Сидя в тюрьме, я подружился с несколькими уголовниками. Их приятели на воле мастерски наклеили мою фотографию на удостоверение личности Гундосова и подправили печати там. С этим удостоверением я без труда проник в отдел НКВД, но порою мне было очень тяжело выполнять то, что я наметил. Неприятно убивать трусов, которые не сопротивляются, когда им, охваченным ужасом, приказываешь стать лицом к стенке: из всех смелым оказался только Якубович. И технически осуществлять мой план было нелегко. Иногда приходилось рассчитывать минуты, и даже секунды. Несколько раз, как тогда, в мертвецкой Уголовного розыска, я чуть было не выдал себя Вам. Но при всех этих трудностях, воспоминание о предсмертных словах моего друга давало мне новые силы.

«Не кажется ли Вам удивительным, что меня узнал здесь только Якубович? Должен разуверить Вас в этом. Меня узнали еще трое бойцов из нашего полка, при встрече на улице и один здешний конвойр. Но я убедил их, что давно уже работаю секретным сотрудником НКВД, — подобные случаи не редкость. — и приказал молчать. Они поверили и болтать, пожалуй, не будут; подобная болтовня весьма небезопасна. С теломеханиками Птахиным и Чер-

ных я принужден был, во избежание излишнего риска, поступить иначе. А Шелудяк видел меня мельком два раза на допросах и не узнал при третьей встрече, тем более, что я сбрив усы. Вообще, покойный капитан не отличался памятливостью на лица. Вас я сначала тоже хотел убить и, после выполнения всего намеченного мною, исчезнуть отсюда, как «призрак», оставил здесь энкаведистов, убежденных в существовании привидений, но, подумав, изменил свои намерения. Во-первых, заинтересовался ходом Вашего расследования, а во-вторых, пусть люди узнают, что бороться против энкаведистов возможно и в одиночку; пусть узнают, что я не только мстил за друга, но приказал освободить и переправил к абреям более двухсот арестованных и осужденных. Слухи о «руке майора Громова» уже разнеслись и разнесутся еще...

«Находясь рядом с Вами, зная все, что Вы предпринимаете, я мешал Вам на каждом шагу. Убивал свидетелей и похищал документы из архивов, из следовательских кабинетов, к которым, как особоуполномоченный Ежова, имел доступ. Написал записку на листке из блокнота Шелудяка и срезал пуговицы с шинелей энкаведистов, после того, как Вы нашли потерянную мною в лесу; ее потеря не была своевременно замечена мною. При помощи двух уголовников, я ночью перевез на кладбище тело майора Громова, где его и похоронил. Только однажды я помог Вам, подбросив крашеную тряпку, чтобы ускорить Ваше расследование. Мне не хочется умереть до его окончания, а это возможно. У меня неизлечимая болезнь сердца, за последнее время все более прогрессирующая.

«Знаю, что в ролях «руки» и «матросика с Балтики» я иногда переигрывал и Вы это замечали. Я плохой актер, хотя в юности и участвовал в любительских спектаклях. Но играть роль «руки майора Громова» мне помогало то, что мы с ним одинакового роста и лицом я немного похож на него; кстати, он не носил усов. А Вас, повидимому, ввели в заблуждение два обстоятельства: полковник Гундесов появился в отделе вполне легально, как чекист из моряков, но во время первых убийств его там не было. Вообще же Вы блестяще справляетесь со своим делом. И это не комплимент.

«Вот, кажется, и все, что я хотел Вам написать о себе. Теперь о самом главном для меня в настоящее время. Об Ольге Громовой»...

На этом письмо обрывалось, но в самом низу листка было написано три коротких топорливых строчки:

«Мне пощепали.

Закончу потом.

А. Беларс....»

Холмин опустил письмо «руки майора Громова» и задумался. Из раздумья его вывел скрип открывшейся двери. Холмин поднял голову. На пороге сакли стояла фигура бородатого абрека. Помолчав несколько секунд, он произнес, с укоризненным неодобрением покачивая головой:

— Зачем не спишь, кунак? Спать надо.

И дувув на фитиль «чирахи», погасил огонь.

ЭПИЛОГ

Утром Холмин осмотрел место, куда они попали и успокоился окончательно. Это был небольшой абреческий аул, расположенный в огромной полупещере на склоне высокой крутой горы. Над ним нависали выступы скал, прикрывавшие его от бомбардировок с воздуха, а из ущелья к нему вела единственная дорога, узкая и скалистая, которую, в случае необходимости, легко было завалить камнями и сделать непроходимой.

Водой и продовольствием жители аула были вполне обеспечены. Через аул протекал широкий ручей, бравший свое начало из подземного источника. Одна, приблизительно, треть полупещеры была каменистой, а две трети ее покрывал тонкий слой земли, местами доходивший до полуметра толщины. На нем росли кукуруза, ячмень, овес, картофель и чахлый подсолнечник, которому не хватало солнца, заглядывавшего сюда лишь во второй половине дня. Посевы покрывали и склон горы ниже аула, а выше его, на альпийском лугу, паслись лошади, овцы и коровы под присмотром горских голобых подростков и лохматых кавказских овчарок.

Жили в ауле не только горцы, но и русские: мужчины, женщины и дети. Вообще в этих местах, по абреческим аулам и пещерам, как потом узнал Холмин, было много людей различных национальностей, бежавших от советской власти. На его расспросы они отвечали:

— Живем не богато, но и не бедно, а, главное, без коммунистов и энкаведистов. Сеем да

сажаем на пропитание, скотинку разводим, по лесам схотимся да фрукту-ягоду всякую собираем. Тем и живы.

— Не беспокоит вас советская власть?

— Пробовала, да по зубам получила. А нынче мы ее беспокоим.

— Чем?

— Абреческими набегами на города и села...

Через несколько часов после своего прибытия в аул, Холмин видел участников одного такого набега, тех самых, которые спасли Ольгу. Бородатый черкес Ибрагим, с шестью всадниками, ограбил городской магазин «Динамо». Они забрали там деньги, порох, охотничьи ружья, несколько револьверов и рыболовные крючки. Заведующий магазином, пытавшийся отстреливаться, был убит.

Другие десять абревов из отряда Ибрагима, в ту же ночь, совершили нападение на пригородное хозяйство НКВД, занимавшееся садоводством и огородничеством. Ими были ссвобождены 15 заключенных, пригнанных по чью, перед рассветом, на работу, и зарублены шашками четыре охранника...

Холмину и Ольге дали пристанище в разных концах аула; его приютил у себя, не имевший семьи бородач Ибрагим, в мирной жизни оказавшийся довольно добродушным и даже словоохотливым, что среди суровых горцев встречается редко; ее вселили к двум русским девушкам, занимавшим отдельную саклю. В первый же вечер своего пребывания в ауле Холмин навестил Ольгу. Она вышла к нему заплаканная, хмурая и неприветливая, пожаловалась на головную боль и сказала:

— Сейчас я совсем неважно себя чувствую. Очень устала и не могу ни о чем ни говорить, ни думать. События прошлой ночи и смерть моего дорогого Андрея Николаевича так потрясли меня, что я до сих пор не могу опомниться. Потом, как-нибудь, позову вас и мы поговорим, а теперь... до свиданья.

Холмин ушел от нее огорченный и оскорбленный.

Он ждал четыре дня, но девушка его не звала. На пятое утро он сам отправился к ней. За плечами у него был узелок с едой, а в руке дубовая палка с заостренными концами для хождения в горах.

На этот раз Ольга встретила его приветливее и, улыбаясь, спросила:

— Куда это вы собрались?

Переживший за эти четыре дня и ночи все терзания безответной любви и, в конце концов, примирившийся с участью отвергнутого влюбленного, Холмин ответил ей холодно, с подчеркнутым равнодушием:

— Ухожу. Совсем. Куда глаза глядят. Извините за беспокойство, пожалуйста. Пришел с вами проститься.

Улыбка сбежала с лица девушки.

— Значит, бросаете меня? И вам не жаль?

Напускные холодность и равнодушие Холмина мгновенно куда-то исчезли и он заговорил возбужденно, бессвязно и сбивчиво:

— Так, позвольте!... Я же совсем не пущен. То-есть ничуть... Вы же ко мне никаких чувств... То-есть, простите, на меня никакого внимания. Я, конечно, понимаю. Вы были ув-

лечены Андреем Беларским. Ничего удивительного. Люди все возрасты покорны. А я тут не при чем. А вы о нем до сих пор тоскуете и плачете.

— До сих пор, — шепотом подтвердила Ольга.

— Вы его очень любили?

— Да.

— Бог видите. А я при чем же?

Ольга подняла глаза на Холмина. В них были и грусть, и улыбка. Помолчав, она сказала:

— Как я могла не любить Андрея Николаевича? Ведь он мой отец.

— Что?! Какой отец? — воскликнул Холмин так громко, что эхо разнеслось внизу по ущелью.

— Крестный, — ответила Ольга.

— А-а-а, — выдохнул Холмин, от удивления разинув рот.

Девушка рассмеялась.

— Простите меня, Шура. Я очень перед вами виновата. Но, тот, смотрю на вас и, не могу удержаться от смеха. Вы такой смешной.

— Чем же это? — пробормотал Холмин, готовый обидеться.

— Всем, — сказала Ольга, смеясь. — И характером и еще кое-чем. Мне Андрей Николаевич, в последнее время, много о вас рассказывал. Хвалил. Называл вторым Шерлоком Холмсом. А только я не верю. Я еще в детстве портрет Холмса видела. У него нос красивый, гордый, с горбинкой, а у вас, как молодая картофелина. И даже кожуха в одном месте слезает.

— Где?! — растерянно ухватился он за нос.

— Не мните его так, — попросила она, — а то он перестанет мне нравиться.

— Что-о-о?! Нравиться?

— Ну-да... Почему эти сыщики бывают такими недогадливыми?

Ольга взяла Холмина за руки. А дальше...

Дальше читательницы и читатели могут продолжить сами, потому что автор не умеет писать о любви.

Конец

Михаил Бойков

Май-декабрь 1955 года.
Буэнос Айрес.